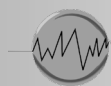

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2019 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

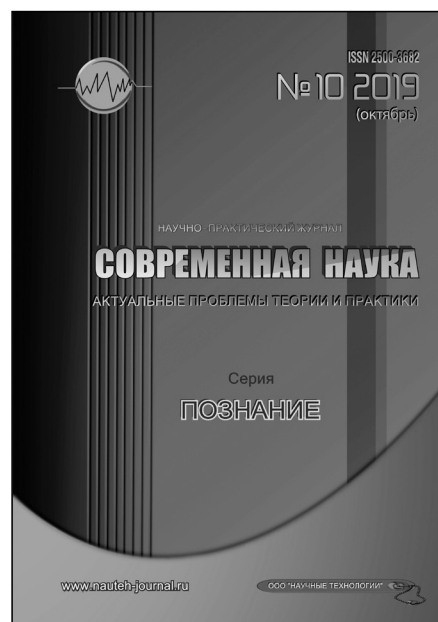
Подписано в печать 20.10.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 10 октябрь 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

- Баринов В. И.** — Эволюция аксиологических оснований современной системы образования в дискурсе техногенной культуры
Barinov V. — The evolution of the axiological foundations of the modern education system in the discourse of technogenic culture 5
- Кувайцев С. А.** — Мультимедийный исторический парк в социокультурном пространстве Краснодара
Kuvaytsev S. — Multimedia historical park in the socio-cultural space of Krasnodar 8
- Хоу Юньлун** — Исследование неизбежности музыкальных идей Конфуция от абстракции до конкретики
Hou Yunlong — A study of the inevitability of Confucius' musical ideas from abstraction to specifics 12
- Шан Бофэй** — Социальные и семейные праздники в праздничной культуре современного Китая
Shang Bofei — Social and family gatherings in the festive culture of modern China 15

Психология

- Воронцова Ю., Ермолаев В. В., Четверикова А. И., Бутовская Е. В.** — Неравновесные психические состояния водителей как фактор аварийности в условиях мегаполиса
Voroncova J., Yermolaev V., Chetverikova A., Butovskaya E. — Non-equilibrium mental states of drivers as a factor in the metropolis accident rate 21
- Гинзбург Д. А.** — Адаптация зарубежной организационной психологии в рамках прогрессирующей корпоративной культуры в России
Ginzburg D. — Adaptation of foreign organizational psychology within the framework of progressive corporate culture in Russia 28
- Железная А. Б.** — Альтруизм и гедонизм в структуре профессионального выбора
Zheleznaya A. — Altruism and hedonism in the structure of professional choice 32

- Кадочникова И. В.** — Особенности рефлексивной регуляции сотрудников уголовно-исполнительной системы с позиций системно-субъектного подхода
Kadochnikova I. — Features of reflexive regulation of employees of the criminal executive system from the positions of the system-subject approach 37

- Кадышев А. С.** — Эмоциональные переживания ВИЧ-инфицированных пациентов стационара на этапе адаптации их к диагнозу в зависимости от их воцерковленности
Kadyshev A. — Emotional experiences of HIV-infected hospital patients at the stage of adaptation to diagnosis depending on their churching 42

- Капустина Т. В., Эльзесер А. С., Цынгунов С. Б.** — Архетип травмированной личности с разными ранними дезадаптивными схемами
Kapustina T., Elzesser A., Tsyngunov S. — Archetype of the post-traumatic personality with various early maladaptive schemes 49

- Комарова К. Ю., Евдокимова Е. В.** — Детерминанты формирования ценностного отношения к материнству у девушек-студенток педагогического вуза
Komarova K., Evdokimova E. — The determinants of forming a valuable attitude to maternity among female students of a pedagogical university 55

- Кондратьева К. О., Алехин А. Н.** — Психогенные реакции (нозогении) при злокачественных новообразованиях молочной железы у женщин молодого возраста
Kondrateva K., Aliokhin A. — Psychogenic reactions (nozogenic) of young breast cancer patients 59

- Куткова И. А.** — Теоретические аспекты проблемы коммуникативного потенциала дошкольников с недостатками речи
Kutkova I. — Theoretical aspects of the communicative potential of preschoolers with impaired speech 64

Мишин Ю. В. — Атрибутивные стили религиозной личности <i>Mishin I.</i> — Attributive styles of religiousness personality 69	Философия
Осипова Д. А. — К проблеме определения структуры конфликтоустойчивости личности <i>Osipova D.</i> — On the problem of determining the structure of personality conflict resistance 74	Саврей В. Я. — Эпоха постмодернизма или глобального транснационального модерна? <i>Savrey V.</i> — The Epoch of Postmodernism or Global Transnational Modernity?..... 92
Пирматова А. К., Шериева Н. Ж., Турусбекова А. К., Калматов Р. К., Жороева А. К. — Изучение особенностей адаптации иностранных студентов первого курса (на примере ММФ Ошского государственного университета) <i>Pirmatova A., Sheriva N., Turusbekova A., Kalmatov R., Zhoroeva A.</i> — Study of adaptation features of foreign first-year students (by the example of IMF of Osh state university) 79	Саврей В. Я. — Интерпретация понятия справедливости в истории европейской философии <i>Savrey V.</i> — Interpretation of the term «justice» in the history of European philosophy 97
Сизова Я. Н., Тараданов А. А. — Экономическая социализация молодёжи в условиях стареющего общества: теоретический анализ <i>Sizova Ia., Taradanov A.</i> — Economic socialization of youth in an aging society: theoretical analysis 84	Саъдихонов М. Т. — Роль Имама Раббани в Накшбандийском тарикате <i>Sadikhonov M.</i> — Role of Imam Rabbani in Naqshbandi tariqa..... 103
Ткаченко И. В., Синявин Д. С. — Психологическая поддержка лиц среднего возраста в условиях кризиса: ресурсный подход <i>Tkachenko I., Sinyavin D.</i> — Psychological support for the middle age in a crisis condition: a resource approach 88	Тайгунова Т. В. — Ценность человеческой жизни с точки зрения евгеники <i>Tagunova T.</i> — The value of human life in terms of eugenics 108
	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 114
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 115

ЭВОЛЮЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

THE EVOLUTION OF THE AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE MODERN EDUCATION SYSTEM IN THE DISCOURSE OF TECHNOGENIC CULTURE

V. Barinov

Summary. The article considers approaches to the analysis of the quality of modern education in the context of the technogenic culture of the third millennium; the trends of modern social development are analyzed through their awareness in the context of education; the resource of modern education is investigated in the context of anthropogenic culture for the formation of future man and ensuring the survival of mankind in new civilization conditions.

Keywords: technogenic culture, educational process, informatization, humanism, technocracy.

Баринов Владимир Иванович

Аспирант,

Рязанский государственный университет

им. С. А. Есенина

sedriksakson@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к анализу качества современного образования в контексте техногенной культуры третьего тысячелетия; анализируются тенденции современного социального развития через их осознание в контексте образования; исследуется ресурс современного образования в условиях техногенной культуры для формирования человека будущего и обеспечения выживания человечества в новых цивилизационных условиях.

Ключевые слова: техногенная культура, образовательный процесс, информатизация, гуманизм, технократия.

Современные исследователи культурных и социальных процессов делают акцент на кризис образования в мировом масштабе, который, в свою очередь, связан с общим кризисом культуры. Перед человечеством вообще и отдельными индивидами возникают новые задачи, связанные с меняющимся типом цивилизации, стремительным прогрессом, глобализационными тенденциями.

Образование выступает как процесс подготовки человека к полноценной жизни в условиях постиндустриального информационного общества. Развитие новых технологий накопления, передачи и обработки информации меняет не только сферу материального производства, но и духовные, интеллектуальные сферы жизни.

Образование посвящено содержательно предметному принципу и подчеркивает научную дифференциацию в направлениях науки. Это имеет такие последствия, как дисгармония в иерархии целей занятия наукой, повышение статуса технократических и понижение статуса гуманистических целей. Как следствие — потеря гуманистической осмысленности существования науки. Жизнь сегодня требует наличия практических знаний, но при этом упускается воспитательный компонент образования. Все это нивелирует значение образования, что не позволяет полноценно развиваться науке и культуре [9].

Между культурой и образованием существует тесная связь, которую можно проследить с момента становления цивилизации. Они имеют общую цель — улучшение или изменение поведения человека.

Можно согласиться с утверждениями ученых М. М. Левиной, Н. П. Ледовских, Г. П. Отюцким, С. А. Храповым [4,5,6,8]: образование предназначено для того, чтобы дать новому поколению начальные знания культуры, формируя поведение во взрослой жизни и помогая в выборе возможной роли в обществе. В широком смысле слова, образование — это процесс или продукт формирования ума, характера или физических способностей личности. В техническом смысле — это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие учебные заведения целенаправленно передает свое культурное наследие — накопленные знания, ценности и навыки от одного поколения к другому.

Поэтому справедливо сказано, что образованный человек — это тот, кто является культурным человеком, а культурный человек — это тот, кто является образованным человеком. И культура, и образование играют одинаково важную роль, помогая человеку в процессе социализации.

Культура дает высокие социальные, моральные и духовные ценности, а образование распространяет эти

высокие социальные, моральные и духовные ценности среди учащихся.

В то же время роль образования значительно снижается в условиях техногенной культуры. Духовные измерения техногенной цивилизации находят отражение в культуре, что относительно адекватно отражает специфику и отдельные составляющие техногенной цивилизации. Эту культуру исследователи характеризуют по аналогии как «техногенную культуру». В процессе развития техногенной культуры меняются технологии образования. Понятие «технология» связано не только с техникой, но и с достижениями цивилизации. Рассуждая сегодня, например, об информационных технологиях, мы имеем в виду новые человеческие возможности, которые открываются в связи с использованием этих технологий. Под воздействием новых образовательных технологий формируется технологическая культура.

Рассмотрим различные подходы к понятию «технологическая культура».

М. М. Левина определяет технологическую культуру, как овладение логикой профессионального поведения человека, опытом креативной деятельности, способами организации технологических процессов, адаптации их к целям гуманизации образования [4].

И. Ф. Исаев трактует технологическую культуру как овладение педагогами определенной системой способов и приемов технологий обучения и воспитания, а также умений анализировать в педагогическом процессе альтернативные педагогические технологии [3].

А. Барцель считает технологическую культуру фундаментальным компонентом общей культуры на современном этапе развития общества, определяющую мировоззрение и самопонимание человека и общества. В её основе лежит деятельность человека, в которой проявляются его знания, умения и творческие способности [1].

Но в настоящее время техногенная культура стремительно развивается в условиях всесторонней информационной поддержки, поэтому из преобразователя действительности человек превращается в потребителя продуктов техногенной революции. Непрерывная реклама инноваций и достижений технонауки, гипнотический эффект от гаджетов и перспектив расширения зоны комфорта благодаря новым проектам парализуют критические настроения со стороны общества, которое настроено потреблять результаты «прогресса». Ситуация прекращения или замедления развития технологий воспринимается даже как сигнал об экономическом кризисе.

По мнению Храпова С. А., главная подмена в условиях информатизации — отождествление информации и знания, что деформирует мотивационную сферу и ценностные ориентации общества. Искусственно размывается понимание разницы между информированностью, осведомленностью и образованностью человека, снимаются задачи самосовершенствования и самообладания. Тезис «познай себя» искаженно воспринимается в условиях техноцентричной культуры, направленной к виртуализации, гаджетизации, искусственного воспроизводства, изменения субстратной основы разума, трансформации телесности и неугомонного потребления [8].

Существенной составляющей здорового образовательного процесса является творческое развитие и творческая деятельность, что осуществляется благодаря способности к самоотверженному поиску уникальных средств выражения своего отношения к миру и места в нем, а также осознание социального значения профессиональной деятельности, ее соответствия актуальным интересам и перспективам развития общества. В целом, процесс воспитания в условиях технократии имеет те же черты унификации и отчуждения, что и система образования, выполняющая функцию подготовки «конкурентоспособного человеческого капитала», поскольку воспитание, направленное на всестороннее развитие свободной личности, способной самостоятельно принимать ответственные решения, является процессом сложным, затратным и, главное, нефункциональным с точки зрения техноцентризма.

Широкое распространение в современном обществе получили дистанционные формы обучения, но они в первую очередь предназначены для нужд инклюзивного образования и, безусловно, являются важным достижением для развития современной педагогической науки. Но увлечение данными технологиями становится тотальным, максимально алгоритмизируя и унифицируя образовательный процесс, вытесняя непосредственное живое общение из образовательной практики. Педагогическая составляющая сводится на нет. Область, которая должна создавать основу жизненного пространства человека, стимулируя творческое развитие личности, находится вне поля зрения и поддержки со стороны общества и государства.

Престиж профессии педагог связывается с возможностью различного рода экспансий и контролю в сфере технологий и отношений. Креативная составляющая этого процесса отталкивается от эстетики техномифа, которая поглощает человеческое бытие в его естественных проявлениях. Абсурдность ситуации заключается в том, что именно институты современного просвещения способствуют формированию этой позиции, ограничивая роль знания в образовательном процессе из-за его не-

рентабельности на фоне информатизации и стремительного распространения технических инноваций [7].

На наш взгляд, практические меры, способные оздоровить ситуацию, разделяются на 3 уровня:

1. осознание и утверждение гуманистических основ науки как фундамента трансформаций в системе современного образования, от которого зависит качество образования;
2. общественная и государственная поддержка педагогической составляющей образовательного процесса и повышение социального статуса педагога;
3. распространение блока обязательных гуманитарных дисциплин с целью формирования культуры, актуализации нравственного сознания, а также обеспечение ценностного восприятия и усвоения технонауки, ее инновационного развития и ответственного использования.

Таким образом, можно утверждать, что образование в условиях техногенной культуры либо теряет свою значимость, либо трансформируется в процесс накопления информации. В то же время качество образования должно определяться стратегической задачей сохранения человеческого в человеке в условиях совершенствования техники и технологий. Самосознание как пробуждение гуманистического мышления, самопознание как практика осознания человеческого, свобода как ответственность в отношениях с внешним миром, целеполагание как выбор цели ради понимания и козволюции — это фильтры, которые крайне необходимы образованному человеку техногенной цивилизации. Его заинтересованность в инновационном мышлении и конструктивном воображении как инструментах изменения мира требует экологизации мышления и деятельности, когда эффект от деятельности подчинен мышлению, а не наоборот. Это единственный путь развития культуры и человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барцель, А. Значение технологической культуры и техно-техники [Текст] // Вестник высшей школы. — 1992. — № 8. — М.: -С.13–19.
2. Дергачева, Е. А. Технократизм в глобализации техногенной общественной системы [Текст] // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 3
3. Исаев, И. Ф. Теоретические основы формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы [Текст]. — 1993 -М.: -С.36
4. Левина, М. М. Технология профессионального педагогического образования [Текст] // Учеб. пособие для вузов. — 2001. — М.: -С.38
5. Ледовских, Н. П. Проблемы эволюции современной субкультуры детства [Текст] // Гарантии прав ребенка — безопасность детства: Сборник научных трудов. — М.: Московский городской педагогический университет, 2018. — С. 99–103.
6. Отюцкий, Г. П. Информатизационное общество как объект философии информатизации [Текст]. \ \ Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений 1У Российского философского конгресса. — 2005. — М.
7. Храпов С. А., Кашкаров А. М. Человек в техногенном обществе: философско-исторический анализ [Текст] // Вестник Калмыцкого университета. — 2017 — № 1. — С. 158–163.
8. Храпов, С. А. Техногенные основания кризиса социокультурной идентичности [Текст] // Социальная политика и социология. — 2012 — № 1 — С. 88–104.
9. Юдин, Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека [Текст] // Эпистемология и философия науки. — 2016. — № 2 (48). — С. 18–27.

© Баринов Владимир Иванович (sedriksakson@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАРК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРАСНОДАРА

MULTIMEDIA HISTORICAL PARK IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF KRASNODAR

S. Kuvaytsev

Summary. The article analyzes the multimedia historical park "Russia is my history", its heterogeneity of layouts in terms of capabilities and content. It analyzes its impact on the cultural environment and social space of a modern city. The concept of the socio-cultural space of a modern city is given, its social and cultural relationship. The role of multimedia technologies in society is considered, and explores the prospects for the development of a historical park in this environment. The sociocultural space of the city, its mechanisms of interaction and development are examined in more detail. The concept of a higher level is considered — the sociocultural continuum. The influence of urban culture as a fundamental factor in influencing the development and formation of a country's culture is proved. The erroneous neglect of the cultural factor by modern economists in the strategic planning of the development of cities and regions is indicated. It is pointed out that even the classics of economic theory Adam Smith and others pointed out that often cultural factors affect people more than personal gain. The main conclusion of the article is that in modern realities there is a problem of the correct use of the cultural potential of the city and the need for the proper organization of management of this potential, which makes it possible to assess the effectiveness of the multimedia historical park in the socio-cultural space of the city of Krasnodar. There is no single strategy for the development of the cultural environment of the regions, which makes it difficult to analyze the effectiveness of the multimedia historical park from the point of view of Culturology, since economic efficiency can be assessed by its profitability. This article will be relevant for the other 18 cities where similar multimedia historical parks "Russia — My History" are created

Keywords: city, culture, social environment, sociocultural space, субкультура, мультимедиа, Russia, history, Krasnodar, south of Russia.

Кувайцев Сергей Александрович
Аспирант, ФГБОУ ВО «Краснодарский
государственный институт культуры»
sergey-kuv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется мультимедийный исторический парк «Россия — моя история», его разнородность компоновок по возможностям и содержанию. Анализируется его воздействие на культурную среду и социальное пространство современного города. Дается понятие социальнокультурного пространства современного города его социальная и культурная взаимосвязь. Рассматривается роль мультимедийных технологий в обществе, и изучаются перспективы развития исторического парка в данной среде. Более подробно рассматривается социокультурное пространство города, его механизмы взаимодействия и развития. Рассматривается понятие более высокого уровня — социокультурный континуум. Доказывается влияние городской культуры как основополагающего фактора влияния на развитие и формирование культуры страны. Указывается на ошибочное игнорирование фактора культуры, современными экономистами при стратегическом планировании развития городов и регионов. При этом указывается, что ещё классики экономической теории Адам Смит и другие указывали, что зачастую культурные факторы влияют на людей больше чем личная выгода. Основной вывод статьи, что в современных реалиях возникает проблема правильного использования культурного потенциала города и необходимость в правильной организации управления этим потенциалом, что даёт возможность дать оценку эффективности деятельности мультимедийного исторического парка в социокультурном пространстве города Краснодара. Нет единой стратегии развития культурной среды регионов, что затрудняет анализ эффективности деятельности мультимедийного исторического парка с точки зрения Культурологии, так как экономическая эффективность может оцениваться его прибыльностью. Данная статья будет актуальна и для других 18 городов, где созданы аналогичные мультимедийные исторические парки «Россия — Моя история».

Ключевые слова: город, культура, социальная среда, социокультурное пространство, субкультура, мультимедиа, Россия, история, Краснодар, юг России.

Мультимедийные исторические парки «Россия — Моя история» — это визуальный поворот в отображении исторических событий истории России с глубокой древности и до наших дней. Первый интерактивный выставочный зал, где вместо предметов истории и живописи были мультимедиа, появился в 2013 году в Москве. Уже сейчас их насчитывается 19 объектов в 19-ти регионах России. Возможности коммуникативного пространства и его социокультурная значимость слабо изучены, имеются косвенные темы

диссертационных работ, например: «Социокультурная природа мультимедиа» доктора культурологии Шлыковой О. В. [1], где автор рассматривает роль и возможности всего многообразия мультимедийных технологий в социокультурном пространстве общества в целом. Также имеются научные статьи, изучающие «Мультимедиа в современной музейной экспозиции» — Л. П. Баруткиной, которая рассматривает фактическое существование мультимедиа, отводя ему роль и вспомогательного, и основного наполнения экспозиции современного му-

зая [2]. Так как само явление мультимедийного исторического парка появилось относительно недавно, оно пока еще слабо изучено как объект инфраструктуры и его социокультурное воздействие на культурное пространство современного города.

Мультимедийные исторические парки открываются в других регионах страны, причем в региональных центрах, а с учетом их разной компоновки (большинство парков не имеют лекториев, регионального компонента — краеведческой истории), то возникает необходимость изучения интеграции мультимедийных исторических парков в социокультурное пространство современного города.

Социокультурное пространство современного города — это симбиоз двух факторов: городская культурная среда и социальная среда. В данной статье социокультурное пространство и культурная среда рассматриваются с точки зрения А.Я. Флиера, согласно его трактовки «Культурная среда — это комплекс культурных предпочтений населения, локализованного в границах определенного пространства».[6] В свою очередь комплекс культурных предпочтений населения так же из разных субкультур — общности жителей города, чьи убеждения, взгляды и поведение отличны от общепринятых или просто скрыты от широкой публики, что отличает их от более широкого понятия культуры, ответвлением которой они являются.

На само социокультурное пространство города влияет социальная среда города, которая зависима от количества жителей, инфраструктуры объектов социальной, культурной деятельности. Социокультурное пространство современного города — это территория, в которой концентрируются люди и инфраструктура, обеспечивающая необходимые для общества процессы его социокультурного развития.

Термин «социокультурное пространство города» является обобщенной категорией, обозначающей созданную людьми искусственную среду существования и самореализации. Анализ механизма «социокультурное пространство города» требует применения понятий более высокого уровня обобщения, которым является социокультурный континуум города. Это представление схоже представлениям «общество» и «культура» и позволяет анализировать социальную и культурную сферы жизни общества в их неразрывном единстве. [3]

Социокультурное пространство города представляет собой самую сложную из систем, с которыми работают гуманитарные науки. Содержательный аспект жизни общества выражается в культуре этого общества. Для анализа такой сложной системы, как культура общества,

в целом требуются понятия высокого уровня обобщения. Таким понятием, тождественным в определенном смысле понятию «общество», является социокультурный континуум. Это понятие рядоположно понятиям «общество» и «культура» и позволяет анализировать социальную и культурную сферы жизни общества в их неразрывном единстве. Социокультурное пространство города характеризуется относительным разнообразием инфраструктуры культурной среды по отношению к деревенской. Разнообразие есть основа для выбора, и, тем самым, разнообразие есть основа для индивидуальной свободы культурного самовыражения, развития социальной среды города. Проведенная перепись населения показала, что доля городского населения в России составляет 74%. Это говорит о том, что именно городская культура становится основополагающим фактором развития культуры страны. При этом сама социальная среда городов с точки зрения социокультурного континуума обладает определенным единообразием, которое и задает основные параметры урбанистического процесса. Отсюда возникает вопрос о специфической роли города в формировании культуры и об изменении функций города на различных этапах его развития.

В наше время многие экономисты при анализе экономических показателей, а так же при стратегическом планировании развития современного города, игнорируют фактор культуры. Причиной этого является не понимание четкого определения понятия «культура». В то время как большинство исследователей утверждают, что традиции и менталитет, присущие отдельным этносам, конфессиям и группам населения, серьёзно влияют на их экономические достижения.

В своё время классики экономической теории Адам Смит (AdamSmith) и Джон Стюарт Милль (JohnStuartMill) писали о том, что культурные факторы иногда оказывают гораздо большее влияние на поведение людей, чем примитивное преследование личной выгоды.[4]

Ещё одним аспектом заявленной темы является анализ мультимедийного исторического парка как элемента социокультурной среды города Краснодара. Особое значение, в связи с этим приобретает анализ деятельности мультимедийного исторического парка, реализуемой в рамках коммуникативной системы «мультимедийный парк — экскурсовод — посетитель — городская среда». Анализируя составляющие данной системы в качестве конкретных исследовательских задач, видится потребность различных слоёв населения в мультимедийном парке как учреждении культурного просвещения и досуга, мотивов выбора его для посещения, степени удовлетворённости населения качеством его работы. Мультимедийный исторический парк реализует и другую концепцию коммуникативной системы «мультиме-

дийный парк — посетитель — городская среда» через средства мультимедиа и интерактивные системы представленные в парке и предоставляемые посетителям аудиогиды, что так же требует изучения их эффективности и результативности.

Наличие в коммуникативной системе экскурсовода, так или иначе, приводит к субъективной подаче материала исходя из точки зрения экскурсовода, его уровня знаний материала и профессиональных и личностных качеств. Взгляд на те или иные исторические события экскурсовода, могут не совпадать с взглядом и компетенцией в данном вопросе посетителя.

Отсутствие в коммуникативной системе экскурсовода оставляет посетителя один на один с коммуникативным пространством мультимедийного исторического парка исходя из своего восприятия мира, уровня образованности, развития и психофизического состояния. Здесь в свою очередь возникает необходимость изучения мультимедийного исторического парка как семиотический феномен.

Мишуровская Ольга Станиславовна в своей кандидатской диссертации «Музей как семиотический феномен» указывает, что большое значение для семиотического исследования феномена музея имеют работы представителей Московско-Тартуской школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Б. А. Успенский, З. Г. Минц, И. А. Чернов), разработавших методы изучения вторичных по отношению к естественному языку моделирующих систем и открывших возможность семиотического рассмотрения различных феноменов культуры. В ряду этих ученых особое место занимают исследования по семиотике культуры Ю. М. Лотмана, который ввел в научный оборот понятие «семиосфера» и предложил исследовать явления культуры как сложноустроенные тексты. Образ семиосферы Ю. М. Лотмана по сути совпадает с пониманием посетителем коммуникативного пространства мультимедийного исторического парка или иной реальности.[7]

В отличие от музеев с их историческими и археологическими экспонатами, мультимедийный исторический парк позволяет использовать современные технологии мультимедиа и создавать более динамично меняющееся коммуникативное пространство современного выставочного зала, в отличие от статичных коммуникативных пространств классических музеев и выставок. Современные технологии мультимедиа позволяют создать динамично меняющиеся семиосферы мультимедийных парков под разные возрастные категории посетителей, под разные годовщины исторических событий, тематических экскурсий, уроков (история конституции, история флага, история флота и так далее). В большинстве

мультимедийных исторических парков информация однотипна и статична, в полной мере не используются возможности мультимедиа в создании семиосферы коммуникативного пространства парка. Посетив один раз парк посетители не видят смысла посещать его снова, если музей привлекает древними экспонатами, то мультимедийное пространство исторических парков должно меняться на основе особенностей менталитета того или иного региона и культурных событий региона.

В настоящее время мультимедийный исторический парк города Краснодара посещают в среднем 300–500 человек в рабочий день и 700–1200 человек в выходной день. Примерно две трети посетителей — это школьники с разных районов города Краснодара и Краснодарского края.

Парк открылся 4 ноября и за 4 месяца его популярность растёт, хоть и имеет место быть тот фактор, что большинство жителей и гостей города Краснодара узнали о парке не из СМИ, а случайно, от знакомых, родных или проезжая мимо. Попав в музей, посетители хотели бы видеть в нём не только мультимедиа, но и реальные исторические и археологические экспонаты. Уже сейчас на базе мультимедийного исторического парка проводятся учителями истории школ города — открытые уроки истории по изучаемому периоду истории в школе для своих учеников. По выходным священнослужители Екатеринодарской епархии проводят лекции по истории России, Православной веры и её роли в жизни современного человека. Проводятся лекции с участием местных известных краеведов, режиссёров и публицистов, чья деятельность неразрывно связана с освещением истории города Краснодара и всей Кубани. Анализ уже достигнутых результатов, освещаемых им в СМИ и на интернет-ресурсах парка, показывает избранный вектор направленности на усилении интеграции парка в социокультурную среду города Краснодара и Краснодарского края. Анализ уже заключенных парком договоров о совместных мероприятиях и сотрудничестве с Екатеринодарской Епархией, Институтом культуры, Краснодарским отделением Русского географического общества, указывает на усиление его значимости во взаимодействии с социокультурным пространством города Краснодара и Краснодарского края. Основными выводами исследования стали следующие: мультимедиа является культурным феноменом, обязанным своим возникновением исторически — постиндустриальному обществу, технически — развитию коммуникационных технологий, прежде всего электронной коммуникации, художественно — неограниченным, развернутым в будущее способам соединения изобразительных и выразительных средств, отражения реальной и создания виртуальной исторической действительности. Мультимедийный исторический парк города Краснодара один из первых кто стал так же использовать музейные экспонаты и предметы искусства, репродукции картин

известных художников; проводить театрализованные представления и использование портфеля экскурсовода (картинок и дополнительных экспонатов). Успешно проводит в пространстве мультимедиа исторические квесты и костюмированные тематические экскурсии для взрослых и детей. Основная цель таких мультимедийных исторических парков привлечь молодёжь, которая привыкла получать информацию не из книг и журналов, а из электронных гаджетов — к изучению истории родной страны и истории региона, в котором они живут. Парк работает меньше года и пока рано говорить о его значимости и интегрированности в социокультурное пространство города Краснодара. Социокультурное пространство города — это не просто нейтральный фон, на котором происходят коммуникативные взаимодействия, это пространство зависит от того, что происходит в социальном мире. Оно определено творческой энергией индивидов, находящихся во взаимодействии. Социокультурные отношения задают топологию пространства посредством чёткой структуры диалога, т.е. структуру социокультурного бытия в городе.

Город становится социокультурным явлением при наличии образа этого города, осмысленного и культурно насыщенного. Образ города способен придавать ему органическую целостность. Являясь носителем идеальных значений, образ города связывает мировосприятие горожан с ценностями. Для формирования в сознании человека благоприятного образа города немаловажную роль играют символические и материальные ценности. Отсюда возникает проблема правильного использования культурного потенциала города и необходимость в правильной организации управления этим потенциалом, что даёт возможность дать оценку эффективности деятельности мультимедийного исторического парка в социокультурном пространстве города Краснодара. Эта проблема актуальна и для других городов России.

Описываемый опыт применения разных сфер культурной деятельности и творчества в рамках коммуникативного пространства мультимедийного исторического парка будет полезен для изучения и применения в других 18 регионах, где есть аналогичные парки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шлыкова О. В. Социокультурная природа мультимедиа Социокультурная природа мультимедиа: дис. ... докт. культ. наук: 24.00.01: защищена 21.05.04/ Шлыкова, Ольга Владимировна.-М., 2004. —3–5 с.
2. Мультимедиа в современной музейной экспозиции [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedia-v-sovremennoy-muzejnoy-ekspozitsii> (дата обращения 02.03.2019).
3. Ищенко Н. С. Социокультурное пространство как статическая характеристика социокультуры [Электронный ресурс] // Философско-культурологические исследования URL: <http://fki.lgaki.info/2017/11/20/n-s-ishchenko-soziokulturnoe-prostranstvo/> (дата обращения 02.03.2019).
4. Розмаинский И., Холодилин К. История экономического анализа на Западе [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер-гуманитарные науки URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/rozom/02.php (дата обращения 02.03.2019).
5. Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2 (март — апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ (дата обращения 18.06.2019).
6. Мишуровская, Ольга Станиславовна. Музей как семиотический феномен: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Мишуровская Ольга Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. — Мурманск, 2012. — 162 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–24/98
7. Мишуровская О. С. Семиотический анализ знаковой специфики музейного предмета // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. СПб: ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2011. № 3 (том 2) Философия. С. 205–211 (0, 4 п.л.).

© Кувайцев Сергей Александрович (sergey-kuv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕИЗБЕЖНОСТИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИДЕЙ КОНФУЦИЯ ОТ АБСТРАКЦИИ ДО КОНКРЕТИКИ

Хоу Юньлун

Преподаватель, Педагогический Университет
провинции Цзянси, Китай
13707098756@163.com

A STUDY OF THE INEVITABILITY OF CONFUCIUS' MUSICAL IDEAS FROM ABSTRACTION TO SPECIFICS

Hou Yunlong

Summary. In the process of the evolution of Chinese culture, Confucius continued the cultural traditions established before him and created new integrations. His contribution and role was not at all limited to the plane of "moral education." He possessed a speculatively positive way of thinking, his conceptual definitions of being, music are contained in his conversations with students, scattered in notes on the history of China. By studying these materials, one can discover the scrupulousness and scientific nature of his way of thinking, all the conclusions left are closely interconnected, all the conclusions drawn about the universal inevitability gave Chinese civilization a complete and comprehensive cultural system.

Keywords: musical thinking of Confucius, universal inevitability, abstraction and reality.

Аннотация. В процессе эволюции китайской культуры Конфуций продолжил установленные до него культурные традиции и создал новые интеграции. Его вклад и роль вовсе не ограничились плоскостью «нравственного воспитания». Он обладал спекулятивно-положительным способом мышления, его концептуальные определения бытия, музыки содержатся в его беседах с учениками, разбросаны в записях по истории Китая. Изучая эти материалы, можно обнаружить скрупулезность и научность его способа мышления, все оставленные выводы тесно взаимосвязаны, все полученные выводы об универсальной неизбежности дали китайской цивилизации цельную и исчерпывающую культурную систему.

Ключевые слова: музыкальное мышление Конфуция, универсальная неизбежность, абстракция и реальность.

До Конфуция китайская культура развивалась уже более 2500 лет. Во времена Конфуция споры мудрецов, появление мыслителей разных школ, китайское конфуцианство, представленное Конфуцием, стали великим достижением, заложили основу рациональной структуры психологии китайской культуры. Со времен доциньской эпохи абстрактная интеллектуальная культура открыла диалектическую рациональную культуру. Выдвинутые им такие эстетические концепции китайской музыки, как «гармония», «церемонии и музыка», вовсе не были исключительно «нравственным воспитанием» [1, с.130], но обладали направленным единством, которое является воплощением объективности субъекта мышления. Выдвигаемая «концептуальность» по отношению к музыке, этикету и т.п., является универсальной, она наделяет субъект мышления концептуальной свободой в рамках объективного права, нравственности, морали и религии, тем самым заставляя субъект мышления получить собственное активное мировоззрение, осуществить возможность «в семьдесят лет слушать веления сердца и не нарушать ритуала» [2, с.26], самостоятельно определять свою свободу мысли.

1. Концепция единства формы и содержания в музыке

Конфуций сказал: ««Шицзин» «Книги песен» можно выразить одной фразой: Мысль чистая и непорочная» [3, с. 52]. «Шицзин» — это сборник текстов песен с музыкальными мелодиями начала династии Чжоу и среднего периода Чуньцю. Конфуций сказал, что «чистота и непорочность мысли» — это концептуальное определение музыкального содержания в основной теории конфуцианской музыкальной эстетики, он считал, что содержание должно быть чистым, естественным, дающим человеку в душе чистую бескорыстную рациональность. Об аристократе царства Лу Цзи Суньши он сказал: «Если у него хватило присутствия духа, когда во дворце восемь рядов показывали танцы под музыку, то на что же у него не хватит его?» [3, с. 52]. К музыкальным формам «Ба и» (восемь рядов танцоров — состав императорской танцевальной группы) в то время применялись такие же строгие требования, как в неизбежности юридической этики, моральных принципах и т.д. Невозможно применить к содержанию музыкального выражения разного

рода эмпирическую критику и замечания, а также не может быть недостатка рациональности и направленности по отношению к музыкальной объективной форме. О таком единстве формы и содержания Конфуций в комментарии к «Шао» сказал: «Это в высшей степени красиво и искусно. Форма потому красива, что в высшей степени красива музыка и танцы; потому она искусна, что демонстрируемое содержание касается скромности и уступчивости при смене политической системы, это вовсе не гипотетическое положение, а этап, пережитый в древнем Китае, уже реально существующий когда-то период китайской истории, который произошел совершенно не случайно. В комментарии к музыке «У» говорится: «Она чрезвычайно красива, но все-таки еще не в полной мере искусна» [3, с.55]. Почему она чрезвычайно красива? Потому, что внешняя форма выражения музыки соответствует высшей степени мастерства. Почему она все же недостаточно искусна — это объясняется только лишь тем, что выраженное ей содержание обладает элементами личных устремлений. Поэтому подданные идут войной на государя, хоть и говорят, что это соответствует добродетели и текущему положению дел, в конце концов, лучше уж мирная передача престола, чем война. Добавление в содержание еще больше человеческого фактора неестественно, это не истинная красота, это не соответствует универсальной неизбежности, и поэтому не позволяет достичь единства содержания и формы.

2. Принцип объединения особенностей и универсальности музыкальной мысли

Конфуций сказал: «Простота сверх красоты [в творчестве] выглядит грубо, красота сверх простоты выглядит ложной. Только сочетая надлежащим образом красоту и простоту, можно стать человеком высших моральных качеств» [3, с.56]. Значение иероглифа «质» — природа [суть], «простота» указывает на основные духовные характеристики человека или вещи, или бесхитрость, или бескорыстие, или всеобъемлющую любовь. Но все эти моральные качества, подобно непосредственно знанию или пониманию, зачастую, несут в себе абстрактность, неопределенность и недостаток обусловленности. Не применяя спекулятивное рациональное познание, можно оказаться ужасно грубым, крайне нестабильным в понимании. «Красота» указывает на художественное оформление, музыку или совершенствование этикета, подобным косвенным знаниям, если едва-едва опираться на рациональную диалектику, отрицая познание, можно прийти к пустоте, непрактичности и не реалистичности. Конфуций сказал, что «совершенство внешней красоты и внутренних качеств» означает всего лишь связь между прямыми и косвенными знаниями. Необходимо достичь спекулятивного рационально-положительного способа мышления, только благодаря которому можно распоз-

нать свойственные себе «особенности», объединенные воедино «универсальности» сферы эстетического восприятия, и, в конечном итоге, достичь качеств характера «благородного мужа», это и есть относительное состояние свободы мышления. Конфуций такому спекулятивному подходу и развитию прямых и косвенных знаний предложил точное направление, он сказал: «Воспитание характера человека начинается с поэзии, основывается на этикете и заканчивается музыкой» [3, с.56].

3. Цепочка перехода абстрактного музыкального мышления через конкретику к неизбежности

Музыкальное мышление Конфуция с этапа спекулятивно-положительного рационального познания стремилось к постоянному расширению, вследствие этого с точки зрения познания непрерывно появлялись разного рода определенности и четкие когнитивные концептуальности. В «Ши цзы. Жизнеописание рода Конфуция» написано: Цзы Лу сказал: «Если бы царь царства Вэй поручил Вам управлять политикой, что Вы сделали бы прежде всего?». Конфуций сказал: «Обязательно бы точно привел в соответствие имени и социальное положение!... Если имя не точно отражает социальное положение, то говорить так нелогично; если говорить нелогично, то и политические дела не могут быть успешными; если политические дела не будут успешными, то и этикет и музыка не смогут совершенствоваться; если этикет и музыка не будут совершенствоваться, то наказания и штрафы не будут надлежащими; если наказания и штрафы не будут надлежащими, то народ не будет знать, кого слушаться...» [3, с.60]. «Исправление имен и социальных положений» содержит в себе определение объекта мышления и получение конкретной концепции, только так можно добиться конкретики по отношению к абстрактным объектам. Через расширение образа мышления, содержащего в себе музыкальную чувственность, до уровня спекулятивного рационалистического познания разного рода вещи получают ясные концептуальные определения, чтобы добиться когнитивной достоверности и достичь политической стабильности и гармонии в человеческом обществе, такого состояния общества, где совершенствуется этикет и музыка. Исходя из таких политических умозаключений, можно обнаружить, что музыкальные идеи в конфуцианской идеологической системе, представленной Конфуцием, обладают тонким логическим мышлением. Они не только преодолели низший этап чувственного мышления в познании вещей, но и искусно применяли спекулятивное рациональное мышление, устанавливали связи и зависимости по отношению к отрицанию между когнитивным мышлением и вещами. Вследствие этого абстрактное музыкальное мышление перешло к конкретной реализации, произошел его идеальный переход к неизбежности.

4. Содействие непрерывной универсализации концепции музыкального образования

Цзы-лу спросил Конфуция, как можно стать совершенным и здоровым человеком. Он сказал: «Только мудрый, как Цзан Учжун, сдержанный, как Гун Чо, смелый, как Бянь Чжуанцзы, всесторонне одаренный, как Жань Цю, использующий этикет и музыку для воспитания своего характера, может считаться совершенным человеком» [3, с.61]. В индивидуальном воспитании Конфуций требовал побеждать собственные особенности и однобокость, исполняться универсальными духовными характеристиками, чтобы на пути универсальности шаг за шагом осуществлять концептуальные определения. Сказал, что они обладают следующими четырьмя положительными сторонами. Во-первых, они умеют чувствовать удовлетворение от своей участи и отвергают стремления к зазнайству, более того, в познании внешнего мира они беспристрастны и спокойны, могут правильно воспринимать вещи, достигают целей по постижению природы вещей. В вопросе универсальности это выдвигает концептуальные определения постижению природы вещей. Во-вторых, сокращение эгоистичных желаний, возможность следить за собой, возможность постоянно поддерживать ясные связи между субъектом и объектом мышления, выдвигать концептуальные требования в воспитании своего духа. В-третьих, субъект мышления должен расширяться наружу, постоянно обогащать сам себя, постоянно получать новые обусловленности, поэтому выдвигается требование многочисленных талантов, концептуальные требования для разносторонности. В-четвертых, самосовершенствованию не может наскутить ограниченность обусловленности, только лишь при наличии абстрактного содержания, которое постоянно дает обусловленность концепции, можно непрерывно умножать познания, только так можно развивать критерии познания. Только обладая этими четырьмя концепциями, и к тому же если с помощью

этикета привести их к стандарту, сочетая их с музыкой привести к гармонии, можно по-настоящему освободить собственное мышление, реализовать свободную концептуальность. Только тогда в конкретной действительности можно в изобилии иметь чистоту, естественность, логичность, чтобы, в конце концов, в реальности достичь универсальной неизбежности.

После Конфуция история и культура Китая прошла уже более 2500 лет эволюции. В этом более чем 5000-летнем процессе развития его идеологическое влияние на китайскую культуру сделало выдающийся вклад. Такое признание исходит не из лести и не притянута насильно. Оно происходит из строгости и научности его идеологии. Конфуцианские музыкальные воззрения фокусируются не только на музыке, но и на всеобъемлющих величинах, он применяет спекулятивно-рациональное мышление в стремлении к универсальным концептуальным определениям, он достиг универсальных неизбежностей, в особенности его толкование «И» [перемены], которое для Китая представило цельную культурную систему. Он предложил «очищение разума», «умеренность», «золотую середину», а также «Ши-цзин», «Книгу этикета» и другие концептуальные понятия. Он выразил основные принципы концепции единства музыкальной формы и содержания, принципы объединения особенностей и универсальности в музыкальном мышлении, цепочку перехода музыкального мышления от абстракции через конкретику к неизбежности, положил начало непрерывному распространению концепции музыкального образования. Его способ мышления от абстрактных размышлений поднимался до спекулятивно-положительного рационального мышления, он использовал уникальное рефлексивное мышление, объединял особенности и универсальность бытия и музыки, достигая тем самым универсальной концептуализации познания, в универсальной неизбежности он добился настоящей концептуальной свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Записи лекций по истории философии» Том 1 [Германия] Гегель, Издательство «Коммершиал пресс», август 1959 года, первое издание.
2. «Новое прочтение «Лунь Юй»», Цянь Му, Издательство Саньянь, март 2005 года, Пекин, второе издание.
3. «Комментарии к материалам по истории музыкальной эстетики Китая» (исправленное и дополненное издание), заметки Цай Чжундэ, Народное музыкальное издательство, сентябрь 2007 года, первое издание.

© Хоу Юньлун (13707098756@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

SOCIAL AND FAMILY GATHERINGS IN THE FESTIVE CULTURE OF MODERN CHINA

Shang Bofei

Summary. The aim of this work is to study two parts of social and family holidays. Analyzing the reasons, background, time, importance and ways of celebrating the present time, the authors come to the conclusion that these holidays are young, gradually updated and acquire new meaning. They have the same social status as historical and professional holidays, which correspond to the development of modern society and the needs of the Chinese government and people

Keywords: China, holiday culture, folk holiday, social holidays, family holidays, new holidays, modern holiday system.

Шан Бофэй

Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)
Shangbofei@mail.ru

Аннотация. Целью данной работы является изучение двух частей социальных и семейных праздников. Анализируя причины, предысторию, время, значение и способы празднования сегодняшнего времени, авторы приходят к выводу, что эти праздники молоды, постепенно обновляются и приобретают новый смысл. Они имеют такой же социальный статус, как и исторические и профессиональные праздники, которые соответствуют развитию современного общества и потребностям китайского правительства и народа.

Ключевые слова: Китай, праздничная культура, народный праздник, социальные праздники, семейные праздники, новые праздники, современная праздничная система.

Китайские социальные и семейные праздники, как исторические и профессиональные праздники, они занимают важное место в современной китайской праздничной системе и являются неотъемлемой частью для изучения китайской праздничной культуры. Социальные праздники в Китае состоит из двух частей: первая часть — это праздник, связанный со здоровьем, а вторая — другие социальные праздники. Семейные праздники в Китае также делится на две части, первая часть — социальная, а вторая — личная. Все эти праздники молоды, и постепенно обновляются. Появление и развитие этих праздников соответствуют потребностям социального развития современной эпохи, и существование каждого праздника может выполнять свою социальную функцию. Ниже мы отдельно проанализируем эти два типа праздников.

Социальные праздники

Китайские социальные праздники образуют одну из крупнейших групп в китайской праздничной системе: в эту группу входит более 30 праздников. Мы не можем представить каждый праздник этой группы, но каждый праздник этой группы имеет свое реальное значение и происхождение. Существование этих праздников отвечает социальным требованиям современного Китая, и они выполняют свои социальные функции. Чтобы понять эти социальные праздники более четко, мы пытаемся разделить эти праздники на две категории. Первая — праздники, заботящиеся о здоровье китайских граждан, вторая подгруппа — другие праздники и памятные дни.

Первая подгруппа — праздники, заботящиеся о здоровье китайских граждан, включают в себя «День заботы об ушах», «День защиты печени», «День профилактической вакцинации детей», «День сосудистого здоровья», «День грудного вскармливания», «День студенческого питания», «День заботы о зрении», «День заботы о зубах», «День гипертонии», «День китайского мужского здоровья», «День лечения инфаркта миокарда» и т.д.

Как мы знаем, что главная особенность всех этих праздников — обращение внимания на здоровье людей. После основания КНР с развитием общества и улучшением медицинских стандартов проблемы здоровья китайцев привлекли внимание государства и народа. Можно сказать, что эти праздники молодые, и они не появились одновременно, а постепенно удовлетворяют потребностям современного китайского общества и постоянно обогащают, и совершенствуют праздничную культуру Китая. Первый социальный праздник о здоровье — это «День профилактической вакцинации детей», который появился в 1986 г. Новые праздники также появились и в последующие годы, особенно после вступления человечества в XXI век. Число праздников о здоровье человека постепенно увеличиваются. Последний праздник о здоровье появился в 2014 г. — это стал «День лечения инфаркта миокарда».

«День профилактической вакцинации детей» отмечается 25 апреля каждого года. Согласно историческим сведениям, в 1978 г. Всемирная организация здравоохранения рекомендовала вакцинировать детей во всем

мире, главным образом, для профилактики кори, дифтерии, полиомиелита, столбняка, коклюша и туберкулеза. Для здорового роста всех китайских детей правительство Китая выразило поддержку этому предложению в 1981 г., а в 1986 г. учредило профессиональную рабочую группу и установило, что ежегодный Национальный День профилактической вакцинации детей проводится 25 апреля [1]. С 1986 г. в Китае в этот день проводились различные виды рекламных мероприятий, в которых также участвовали лидеры партии и государств. Создание этого праздника сыграло очень позитивную роль в здоровом росте китайских детей.

Китайский ученый Ли Ци утверждает, что сегодня в Китае создана комплексная программа иммунизации. Этот день является праздником не только для китайских детей, но и праздником для китайских работников иммунопрофилактики [2].

Как известно, Китай является одной из стран с высоким уровнем заболеваемости гепатитом B. На долю гепатита B приходится 25% всех инфекционных заболеваний в Китае. Распространенность гепатита B препятствует развитию общественного здравоохранения. Поэтому с 2002 г. Китай включил вакцину против гепатита B в иммунную систему китайских детей и стал вакцинировать китайцев бесплатно. День профилактической вакцинации детей имеет разные темы каждый год: эта тема отвечает социальным потребностям времени и может выполнять свои социальные функции. Например, тема 1999 г.— «Гепатит B — большой враг, вакцина — оружие для профилактики»; 2002 г.— «Для здоровья детей необходимы инъекции вакцины против гепатита B»; 2003 г.— «Вакцина против гепатита B — это любовь к новой жизни»; 2004 г.— «Прививка рассады, профилактика гепатита B».

Самый молодой праздник о здоровье китайцев — «День лечения инфаркта миокарда». Праздник появился 20 ноября 2014 г. В России дата «20 ноября» записывается 02.11, а в Китае — 11.20. Поэтому, согласно китайскому стилю мышления, дата праздника «1120» имеет два значения. Первое значение заключается в том, что когда происходит острый инфаркт миокарда, нужно немедленно позвонить по номеру телефона скорой помощи 120 (номер 120 — это скорая медицинская помощь Китая), Второе значение: лучшее время для спасения от инфаркта миокарда — 120 минут.

Целью организации этого праздника является повышение осведомленности жителей Китая о серьезности инфаркта миокарда и важности его профилактики и лечения, а также популяризация стандартизированного процесса лечения острого инфаркта миокарда. Китайский академик Ге Цзюньбо сказал, что «С момента

вступления в XXI век здоровье стало предметом беспокойства для каждого китайца. Однако из-за отсутствия общего планирования и недостаточного внимания в жизни распространяется большое количество неточных и даже вредных «знаний о здоровье». Он считает, что учреждение «Дня лечения инфаркта миокарда» может использовать государственную платформу для передачи положительных и полезных знаний о здоровье. Праздник может способствовать распространению медицинских знаний об инфаркте миокарда. Для этого на национальном уровне каждый год устанавливаются различные темы этого Дня, что может не только помочь вылечить больше пациентов с инфарктом миокарда, снизить смертность, но также позволяет общественности более активно, научно и рационально понимать медицину и способствует повышению медицинской грамотности всех людей [3].

Обычно, в день праздника местные органы власти, предприятия, медицинские учреждения и некоммерческие организации, действующие в общественных интересах, проводят соответствующие мероприятия, читают лекции и т.д. В частности, врачи в некоторых больницах в этот день раздают людям рекламные материалы об инфаркте миокарда и методах демонстрации первой медицинской помощи.

Вторая группа социальных праздников — включают «День памяти о Лэй Фэне», «День лесопосадок», «День защиты прав потребителя», «День безопасности в начальной и средней школе», «День предотвращения и уменьшения опасности стихийных бедствий», «День помощи инвалидам», «День культурного и природного наследия», «День Земли», «День науки», «День пожаротушения», «День Китайской конституции» и т.д.

После основания КНР в Китае было много других социальных праздников и социальных памятных дней. Первые современные социальные праздники появились в Китае, начиная с 1963 г. Самый «молодой» социальный праздник появился уже не давно, в 2016 г.

Итак, первым праздником в социальной подгруппе стал «День памяти о Лэй Фэне». Этот праздник имеет еще другое и название «День волонтерской службы молодежи».

Лэй Фэн (1940–1962) (первоначальное имя Лэй Чжэнсин) — китайский сирота, воспитанный Народно-освободительной армией Китая, жизненный подвиг которого полностью заключался в бескорыстной помощи старшим товарищам, крестьянам и старикам. Лэй Фэн любил Коммунистическую партию Китая и всегда думает о партии и стране. За свою жизнь он совершил бесчисленное множество хороших дел. Так же, как его имя, большую

известность получили два его знаменитых высказывания: «Мы — хозяева страны и всегда должны думать о стране.» и «Человеческая жизнь ограничена, но служение людям безгранично. Я должен посвятить свою ограниченную жизнь бесконечному служению людям».

В августе 1962 г. он погиб при исполнении обязанностей. Китайцы часто называют Лэй Фэна «великим коммунистическим борцом». 2 марта 1963 г. в молодежной газете «Чжунго циннянь бао» впервые были опубликованы слова Председателя КПК Мао Цзэдуна: «Учитесь у товарища Лэй Фэна». В последующие десятилетия имя Лэй Фэна в Китае стало синонимом служения народу, а с 1963 г. день 5 марта каждый год отмечается как День памяти о Лэй Фэне.

Китайский ученый Ли Ци утверждает, что для того, чтобы побудить современную молодежь учиться духу Лэй Фэна, делать добрые дела для людей и любить Родину, начиная с 2000 г., ежегодно 5 марта отмечается как «День волонтерской службы молодежи в Китае». В этот день молодежные организации по всей стране организуют молодых людей для участия в общественных мероприятиях по благоустройству, служению благосостоянию, обществу и свершению добрых дел [2].

«День защиты прав потребителя» — это особый социальный праздник в Китае, который проводится как международный праздник «Всемирный день защиты прав потребителей». Этот праздник в Китае часто называется «Китайским днем защиты прав потребителей». Как известно, «День прав потребителей» приурочен к дате выступления Джона Кеннеди в конгрессе США в 1962 г., и отмечается 15 марта. Впервые этот праздник отмечался в 1983 г. В Китае «Закон КНР о защите прав и интересов потребителей» был принят 1-го января 1994 г. Этот закон защищает права китайских потребителей. Ассоциация потребителей Китая проводит свои мероприятия каждое 15 марта, направленные на продвижение законодательства о защите прав и интересов потребителей. В этот день некоторые сотрудники потребительской ассоциации идут в торговый центр, чтобы проверить качество товаров, они также идут на рынок, чтобы проверить весы. Некоторые СМИ сообщают на телевидении или в газетах о необоснованном поведении продавцов, и т.д. Понятно, что китайские потребители могут сообщать о незаконном бизнесе не только в этот день, но и в любой другой день. Для этого в Китае есть специально назначенный отдел, официальный сайт и официальный телефон для жалоб, чтобы покупатели могли пожаловаться о необоснованном поведении продавцов.

Начиная с 1997 г., ассоциации потребителей Китая проводят мероприятия по определению темы каждого года. Например, 1997 г. стал темой «Подчеркивая чест-

ность и противодействие мошенничеству»; в 1998 г. была тема «Для сельских потребителей»; в 2002 г. назвали тему «Научное и рациональное потребление»; 2006 г.— «Потребление и окружающая среда»; 2010 г.— «Потребление и услуги»; 2012 г.— «Потребление и безопасность»; 2017 г.— «Честные интернет-магазины, беззаботное потребление»; 2019 г.— «Честность делает потребление более обнадеживающим».

Другим социальным праздником, связанным с китайскими культурными особенностями, является «День пожаротушения», который появился в 1992 г. 9-го ноября. Есть три причины, по которым этот праздник должен отмечаться именно 9-го ноября. Первая причина состоит в том, что китайцы едят «9 ноября» как «119» а не «911». По совпадению, номер пожарной сигнализации в Китае 119. Эти два числа совпадают, и люди могут легко их запомнить. Вторая причина заключается в том, что 9 ноября — это уже зима, это сезон пожаров, и праздник может напомнить людям, что следует обратить внимание на пожарную безопасность. Третья причина заключается в том, что в Китае число «1» часто произносится как «幺» (Яо), он совпадает с произношением китайских иероглифов «要» (нужно). Произношение числа «9» (Цзю) такое же, как произношение китайских иероглифов «救» (Цзю — спасать). Поэтому число «119» в китайском языке и в сердцах китайцев имеет значение «Нужно спасти меня».

В целях повышения осведомленности людей о пожарной безопасности и уменьшения случаев возникновения пожаров, начиная с 1992 г., в день этого праздника по всей стране проводятся рекламно-просветительские мероприятия по пожарной безопасности, и каждый год они имеют разные темы. Китайский ученый Ли Ци утверждает, что День пожаротушения имеет неизгладимую социальную функцию для напоминания китайцам необходимости предупреждать и тушить пожары Китая [2].

Здесь мы можем обнаружить, что многие китайские социальные праздники тесно связаны с законом, а также можно сказать, что появление этих праздников соответствует политическими потребностями правительства в то время. Все эти праздники имеют одинаковые характеристики — сначала приняли закон, а затем появились эти новые праздники. И эти праздники имеют разные темы в каждый год, которая является обращением правительства к людям и пропагандой праздника. Например, 28 декабря 1990 года в Китае был «Закон Китайской Народной Республики о защите инвалидов»: чтобы поощрять и продвигать помощь инвалидам, первый «День помощи инвалидам» появился в третье воскресенье мая 1991 года (19-го мая). С 1991 года каждое местное правительство будет организовывать мероприятия

в третье воскресенье мая каждого года. Тема праздника в 1991 году была «рекламным Законом Китайской Народной Республики О защите инвалидов», в 1992 году был лозунг «войти в семью каждого инвалида», в 1993 году была «поддержка и помощь, мы вместе делаем успехи», в 2001 году «рекламный Закон, мы идем рука об руку в новый век», в 2008 году «рука об руку с людьми с ограниченными возможностями, выход на Олимпийские игры для инвалидов», в 2014 году «забота о помощи инвалидам в достижении красивой китайской мечты», в 2019 году «Люди с ограниченными возможностями должны быть сильными и свободными от бедности, и мы будем работать вместе, чтобы помочь людям с ограниченными возможностями».

В Китае «Закон Китайской Народной Республики о землеустройстве» был обнародован 25 мая 1968 году. С 1991 года Китай назначил дату этого закона «Днем Земли». Тема первого праздника в 1991 году была «Земля и характерные национальные особенности», в 1992 году «Земля и реформа», в 1993 году «Земля и экономика», в 1994 году «Земля и рынок», в 1995 году «законодательство», в 2000 году «Защита обрабатываемой земли — к лучшему завтра», в 2009 году «Сохранять развитие науки и защищать обрабатываемые земли», в 2017 году «Земля и экологическая цивилизация строительства», в 2019 году «Строгая защита обрабатываемых земель и интенсивное землепользование». Китайский ученый Инь Чжаоань утверждает, что Китай является первой страной в мире, которая установила памятную дату, чтобы защитить землю [1].

29 июня 2002 г. в Китае был официально обнародован и реализован «Закон Китайской Народной Республики о популяризации науки и техники». Поэтому, начиная с 29 июня 2003 г., для пропаганды науки и техники и реализации этого закона по всей стране Китайская ассоциация науки и техники стал организовывать ежегодные рекламные мероприятия для Дней науки. Основная цель Дня науки — вдохновить всех граждан Китая интересоваться научными достижениями, заниматься наукой, любить науку и уважать науку. Как и другие социальные праздники, ежегодный День науки имеет разные темы. Например, темой 2005 г. стали «Научные разработки, строительная гармония»; в 2008 г.— «Защита экологической среды»; в 2012 г.— «Пищевая безопасность и общественное здоровье» 2014 г.— «Инновации и развитие, все люди действуют вместе»; 2018 г.— «Инновации опережают время, мудрость освещает жизнь».

Особенностью этого праздника является то, что у него изменилась дата проведения праздника: с 2005 г., чтобы облегчить широким народным массам и студентам принять участие в проводимых мероприятиях, дата праздника менялась с первоначального июня на третий

неприсутственный день (суббота и воскресенье) сентября каждого года.

22 декабря 2005 года Государственный совет издал «Уведомление Государственного совета по усилению охраны культурного наследия», в котором содержался призыв к активной защите культурного наследия, и предусматривал, что начиная с 2006 года вторая суббота июня каждого года будет «Днем культурного и природного наследия». Тема первого праздника в 2006 году была «Охрана культурного наследия и защита духовной родины», в 2007 году «Защита культурного наследия и построение гармоничного общества», в 2012 году «Культурное наследие и культурное процветание», в 2013 году «Культурное наследие и всестороннее благополучие», в 2019 году «Охрана нематериального культурного наследия и практика в Китае».

Семейные праздники

Китайские семейные праздники включают в себя два типа. Первый тип — общенациональные, это, например День матери, День отца, День пожилых людей и т.д. Второй тип — личные праздники, это, например День рождения, Годовщина свадьбы, День (годовщина) смерти и т.д.

«День матери» — это международный праздник. Китайский ученый Ли Ци утверждает, что этот праздник был признан в 43 странах мира, и он стал всемирным праздником [2]. В современном Китае китайцы также отмечают этот праздник для своей матери во второе воскресенье мая.

«День матери» появился в Китае после начала политики реформ и открытости. Мы согласны с точкой зрения Инь Чжаоана, который утверждает, что первое празднование «Дня матери» в Китае произошло в Гонконге и Макао, а с 1980-х гг. этот праздник постепенно стал популярным на материке. С 1988 г. празднование Дня Матери началось в таких городах, как Гуанчжоу на юге Китая, а в конце XX в. другие города по всей стране начали отмечать «День Матери» [1].

Когда современные китайцы празднуют День матери, дети часто дарят матерям гвоздики и другие праздничные подарки. Некоторые торговые центры предлагают скидки для женщин в этот день. Местные органы власти также проводят мероприятия для матерей, такие как выбор «хороших мам» в своем городе и т.д. Есть две причины, почему этот праздник популярен в Китае: во-первых, дети могут выражать в этот день свои чувства к своим матерям, а во-вторых, продвигать добрую традицию чествования своих старших, что также соответствует политике правительства.

«День отца» и «День пожилых людей» уже упоминались выше. «День отца» — уникальный праздник в Китае, он происходит 8 августа. Произношение числа «8» совпадает с произношением китайского иероглифа «爸» (Па). «8 августа» — это число 88, которое произносится по-китайски как «Папа». Другой праздник — «День пожилых людей» приходится на 9-е число 9-го лунного месяца. Это день китайского традиционного праздника Чунъян. Мы согласны с утверждением ученого Ли Ци, что в 1989 г. Китай придал традиционному празднику Чунъян новое значение, которое известно как «День пожилых людей». Для этого нового значения есть две причины: во-первых, необходимость изучить практику Организации Объединенных Наций, которая установила Международный день пожилых людей. Во-вторых, в традиционной китайской культуре число 99 символизирует здоровье и долголетие [2].

В дополнение к этим семейным праздникам, китайцы также отмечают свои личные праздники. Нет единого образа празднования личных праздников. Китайцы празднуют их в соответствии со своими собственными пожеланиями. Например, в день рождения некоторые китайцы все еще сохраняют традиционные китайские обычаи, такие как вареные яйца и лапша на праздничном столе. Сегодня в Китае популярен способ праздновать свой день рождения также, как это принято на Западе. Например, праздничные торты являются одним из незаменимых праздничных блюд, молодые люди ходят на Калаокэй (клуб, где собравшиеся могут петь) и в кинотеатры с друзьями, получают цветы, подарки от друзей и т.д.

Другой китайский семейный праздник — Свадьба также под влиянием западной культуры. Как Цзя Хуэйминь на работе утверждает, что «Не менее сильные трансформации наблюдаются ныне и в свадебной культуре Китая. ... Свадьба — это счастливый семейный торжественный праздник, это обряд и ритуал, это регистрация брака. ... Одновременно в современном Китае стали известны некоторые модные западные свадебные традиции. Две свадебные традиции — китайская традиционная и западная — смешались и образовали особенный китайский современный свадебный ритуал.» [4]. В современном Китае, западная культура влияет не только на саму свадьбу, но и «Годовщина свадьбы», которая еще сильнее под влиянием западной культуры, потому что в традиционной китайской культуре люди очень редко отмечают свою годовщину свадьбы. Сегодня, празднование годовщины свадьбы очень популярны в Китае, и в дополнение к вниманию молодых людей некоторые люди среднего и пожилого возраста также будут дарить своим партнерам цветы и подарки в день годовщины. Особенно в 25-ю (в Китае также называется «Серебряная свадьба», как на западе), 50-ю (Золотая свадьба) и 60-ю (Брил-

лиантовая свадьба) годовщину свадьбы этого праздника будет еще более грандиозным, и даже некоторые друзья и семья придут. Энциклопедия Baidu четко упомянула, что Годовщина свадьбы представляет собой традицию западной культуры, так как это для молодоженов является памятным днем, поэтому отмечают каждый год [5].

«Годовщина смерти» означает день, когда умерли предки. Согласно традиционным обычаям, этот день является запретным банкетом, выпивкой и различными развлекательными мероприятиями. Согласно традиционным китайским жертвенным обычаям (под влиянием буддизма), после смерти предков люди будут проводить предписанные ритуальные мероприятия, эти мероприятия имеют очень сложные ритуалы и правила, хотя во многих областях они различны. Но, обычно, «7 дней» траурный (погребальный) обряд для умершего является наиболее приемлемым для китайцев, даже этот обычай до сих пор популярен. «7 дней» — это цикл, в котором умерший проводит повешение. После смерти предков семья проведет семи 7-дневных (всего 49 дней) мероприятия для умершего, то есть 7-й день после смерти, 14-й день, 21-й день, 28-й день, 35-й день, 42-й день, 49-й день. В эти дни первые «7 дней», третьи «7 дней» (21-й день) и пятые «7 дней» (35-й день) являются наиболее важными днями, и в этот день родственники и друзья отправят ритуальные бумажные деньги (сжигаемые на похоронах) покойному.

В этих семи 7-дневных жертвоприношениях также существуют различные запреты: например, в первых 7-дневных жертвоприношениях члены семьи должны готовить богатую пищу для покойного, а все члены семьи должны уходить. Потому что люди думают, что покойный вернется, чтобы поесть, если он увидит свою семью, он не сможет уйти. В этот ужин, говядина, конина и собачье мясо не могут появиться, потому что в легенде о народных предрассудках эти три животных принадлежат призраку. С 23:00 часов вечера до 01:00 ночи следующего дня семья также ставила миску с чистой водой и цельными зернами на дверь дома, а утром вода должна быть вылита в дверной проем, а зерна должны быть выброшены в реку. Потому что это может легко заставить душу умершего уйти, и семья станет счастливее и здоровее. В дополнение к этому, если члены семьи беременны или имеют детей в возрасте до месяца, они не могут участвовать в первых 7-дневных жертвоприношениях, поскольку, согласно народным суевериям, женщины в этот период увидят то, что не могут увидеть обычные люди (здесь относится к призраку, неприкаянному душу и т.д.).

В дополнение к этим ритуальным действиям семья будет совершать жертвоприношения покойному в первый год, второй год и третий год смерти покойного, а также в день рождения покойного и праздник Цинмин.

Согласно традиционным обычаям, ближайшие члены семьи не могут проводить грандиозные торжества, такие как дни рождения, свадьбы и т.д., в течение трех лет после смерти старших.

Как и другие семейные праздники, сегодня китайцы проводят Годовщина смерти своих предков в соответствии со своими собственными желаниями. Некоторые люди все еще придерживаются традиционных обычаев. Некоторые люди упрощают традиционные обычаи. Например, некоторые молодые люди проводят свадьбу через год, а не через три года, как раньше. Однако, независимо от того, как меняется церемония, мы все равно можем увидеть множество традиционных жертвенных культур и обычаев.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Социальные и семейные праздники Китая являются одним из важных компонентов системы китайских народных праздников, в современном Китае эти праздники являются молодыми, они не только имеют свой собственный фон, но и отвечают социальным и жизненным потребностям современного китайца.
2. Дни социальной памяти Китая (социальные праздники) — огромная группа праздников, и общее количество этих праздников растет. Некоторые из этих праздников зародились из международ-

ных праздников, другие имеют свои корни в китайской культуре, а третьи праздники напоминают о важных событиях. Но все эти праздники отвечают потребностям современного общества и выполняют свои социальные функции.

3. Даты некоторых китайских праздников обладают уникальными культурными особенностями. Например, «День пожаротушения» отмечается 9-го ноября, потому что число «119» в китайском языке имеет значение «Нужно спасти меня». «День отца» празднуется состоялся 8 августа, потому что произношение числа «8» совпадает с произношением китайского иероглифа «爸» (Па), Праздник, который отмечается 8 августа, обозначается числом 88, которое произносится по-китайски как «Папа». И дата «Дня лечения инфаркта миокарда» совпадает с номером скорой медицинской помощи — 120.
4. Китайцы свободны в выборе способа отмечать свои семейные праздники, которые могут отражать свободную жизнь современного китайского народа, как и люди из других стран. Некоторые из этих праздников соответствуют особенностям китайской культуры. Некоторые из них отмечаются также, как на Западе, что стало возможным после начала политики реформ и открытости. Эти праздники также являются важной частью системы китайских праздников.

ЛИТЕРАТУРА

1. 现代节日解读 / 殷兆安主编. 长沙: 中南大学出版社, 2016年. 307页. (Интерпретация современных праздников / гл. ред. Инь Чжаоань. Чанша: Изд-во Центрального Южного Университета, 2016. 307 с.)
2. 李琦. 节日与纪念日备忘录 / 李琦. 北京: 中国水利水电出版社, 2008年. 334页. (Ли Ци. Меморандум о празднике и годовщине / Ли Ци. Пекин: Изд-во «Китайские водные ресурсы и гидроэнергетика», 2008. 334 с.)
3. 刘志学. 葛均波院士: 建议设立 «全国心梗救治日» // 中国医药导报. 2015年. 第12卷. 第8期. 第8页. (Лю Чжисюэ. Академик Ге Цзюньбо: рекомендуется учредить «День лечения инфаркта миокарда» // Китайский медицинский вестник. 2015. Вып. 12. № 8. С. 8.)
4. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости: 1980–2010 гг.: дис. . . . канд. культурологии: 24.00.01 / Цзя Хуэйминь. — Владивосток, 2017. — 303 с.
5. 结婚周年纪念日 [Электронный ресурс] // 百度百科. — Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E7%BB%93%E5%A9%9A%E5%91%A8%E5%B9%B4%E7%BA%AA%E5%BF%B5%E6%97%A5/5887283?fr=aladdin> (дата обращения: 13.07.2019). — День годовщина свадьбы // Энциклопедия Baidu.

© Шан Бофэй (Shangbofei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕРАВНОВЕСНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР АВАРИЙНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

NON-EQUILIBRIUM MENTAL STATES OF DRIVERS AS A FACTOR IN THE METROPOLIS ACCIDENT RATE

*J. Voroncova
V. Yermolaev
A. Chetverikova
E. Butovskaya*

Summary. The article presents an analytical review of modern domestic and foreign research, as well as modern innovative developments devoted to the problem of improving road safety. The results of the study, devoted to the learning of the dominant non-equilibrium mental states, considered from the point of view of one of the factors of road accidents, complement the accumulated knowledge of science in the field of road safety. Based on the results obtained in an empirical study, the authors of the article established that drivers who at least once participated in traffic accidents are more pronounced in the intensity of non-equilibrium mental states, as well as in less stable emotional immunity. The authors point out the possible conditionality of emergencies in non-equilibrium mental states for drivers with sufficient work experience having a level of professionally important qualities being formed within the normal range, which determines the need for further research in order to study the psychological determinants of accidents more thoroughly.

Keywords: non-equilibrium mental states, traffic psychology, road safety, traffic accidents, psychological determinants of accident rate, professionally important qualities, driver experience.

Воронцова Юлия

Аспирант, Московский педагогический
государственный университет
jl.voroncova@gmail.com

Ермолаев Виктор Владимирович

К.псх.н., доцент, Московский педагогический
государственный университет
evv21@mail.ru

Четверикова Алена Ивановна

Гл. специалист, АО Московская областная
энергосетевая компания
alenchetverikova@yandex.ru

Бутовская Елена Вячеславовна

Старший преподаватель, Московский
педагогический государственный университет
eva27-07@mail.ru

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор современных отечественных и зарубежных исследований, а также современных инновационных разработок, посвященных проблеме повышения безопасности дорожного движения. Статья посвящена изучению доминирующих неравновесных психических состояний, рассматриваемых с точки зрения одного из факторов дорожной аварийности. На основании результатов эмпирического исследования было установлено, что водители, хотя бы раз участвовавшие в дорожно-транспортных происшествиях отличаются более выраженной интенсивностью неравновесных психических состояний, а также отличаются менее стабильной эмоциональной устойчивостью. Авторы указывают на возможную обусловленность аварийных ситуаций неравновесными психическими состояниями при нормальном уровне сформированности профессионально важных качеств и достаточном стаже работы водителей, что определяет необходимость реализации дальнейших исследований, с целью более углубленного изучения психологических детерминант аварийности.

Ключевые слова: неравновесные психические состояния, транспортная психология, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, психологические детерминанты аварийности, профессионально важные качества, стаж водителей.

По итогам 2018 года, передовые места по дорожной аварийности в Российской Федерации (далее РФ), занимают города мегаполисы [3]. Внушительный вклад отечественных разработок (в большей степени административных, внешних и техногенных) в программы повышения безопасности дорожного движения, к сожалению, не приносит ожидаемых результатов. Тем не менее, в попытках снижения показателей аварийности, наибольшее внимание правительством уделяется качественному развитию прокладываемого транспортно-эксплуатационного состояния дорожных сетей, транспортных развязок и достаточной их освещенности.

В этом контексте стоит обратить внимание на данные, представленные в 2005 году, в которых исследователи Волгоградской области пришли к выводу о том, что рост третьей доли всех ДТП связан с высокой неудовлетворительностью условий дорожно-транспортных сетей, указывая на необходимость их развития [Error: Reference source not found]. Очевидно, что с того времени качество дорог практически всех регионов России вышло на критично новый уровень, однако 1/2 вторая всех ДТП совершается на дорогах мегаполисов, а именно городах федерального значения — Москвы и Санкт-Петербурга [3] (качество дорог которых в последние десятилетия зна-

чительно выросло). Таким образом, мы имеем возможность наблюдать неизменность масштаба проблемы, обусловленную огромным количеством пострадавших и погибших в результате ДТП, а также недостаточность принятия мер по развитию только внешней инфраструктуры для обеспечения высокого уровня безопасности.

Помимо развития дорожной инфраструктуры, на сегодняшний день, наиболее эффективным способом снижения частных случаев аварийности, является ужесточение административных взысканий и требований, выдвигаемых к водителям транспортных средств. Наглядным примером продуктивности подобных мер выступают данные, представленные научным центром безопасности дорожного движения [4], согласно которым количество ДТП, произошедших по вине нетрезвых водителей в первой половине текущего года, составило меньшее количество по сравнению с прошлыми годами. Вместе с тем, вступившие в силу поправки от 28 июня 2019 года в 264 статью УК

РФ [7], существенно ужесточающие уровень ответственности нетрезвых водителей за аварии с особо тяжкими последствиями, а также нетрезвых водителей, покинувших место ДТП, могут быть основанием для прогноза положительной тенденции в возможном снижении подобных аварий. Однако даже полное нивелирование ДТП с участием пьяных водителей не способно в полной мере обеспечить высокую устойчивость безопасности дорожного движения.

Примечательно, что все вышеперечисленные попытки относятся к внешней составляющей системы безопасности движения. Вместе с тем в рамках комплексного подхода к исследованию проблемы аварийности, как правило, выделяются две основные группы факторов: 1) внешние — дорожная обстановка (плотность движения, состояние дорожных сетей, освещение, транспортное средство и пр.) и 2) внутренние факторы — психологические и физиологические. При этом известно, что большинство ДТП, в структуре основных показателей аварийности, неизменно связаны со второй группой факторов, так же называемых человеческим фактором. К данной группе общепринято относить невнимательность в процессе управления транспортным средством, допущение ошибочных действий, нарушение правил дорожного движения (далее ПДД) и т.д. Стоит отметить, что за первую четверть 2019 года, общее соотношение ДТП по РФ, связанных с несоблюдением ПДД составило 89%. При этом техническая неисправность транспортных средств, т.е. причины, относящиеся к группе внешних факторов, в данном случае составили всего лишь 4% [4]. Так, наука сталкивается с явной необходимостью изучения именно психологических детерминант аварийности.

В этом контексте, роль психологических факторов с точки зрения особенностей водителей (являющихся главным звеном в системе «водитель — автомобиль — дорога — среда») в последние годы выступают одним из приоритетных направлений в области изучения проблематики состояния безопасности дорожного движения. Так, центром внимания представителей современной науки разных направлений (главным предметом которых является не просто человек, а человек во взаимоотношениях с техникой) доминирующим образом выступают попытки разработки и внедрения инновационных вспомогательных и, одновременно облегчающих процесс управления транспортными средствами, приборов. В последние годы, в области автомобильной промышленности, активное развитие получили разработки системы контроля, оценивающие состояния сна и бодрствования водителей, а также системы обратной связи вместе с современными способами поддержания бодрствования за рулем. К примеру, для поддержания бодрствования при выявленных признаках снижения контроля за управлением автомобилем используются аудио или видео сигналы, а также способы, приводящие к срабатыванию системы тормозов или изменения рулевого управления. С целью снижения рисков засыпания за рулем, в некоторых европейских странах активно обсуждается вопрос о пересмотре норм выдачи водительских удостоверений лицам с выраженной сонливостью. Помимо систем, направленных на отслеживание уровня бодрствования, в некоторые автомобили встраиваются датчики, определяющие угол отклонения руля; камеры, расположенные перед лобовым стеклом, которые оценивают не только движение, но и его траекторию по трассе. Многие отечественные компании с целью повышения безопасности дорожного движения активно внедряют приборы не предполагающие встраивания в конструкцию автомобиля, а осуществляющие мониторинг функционального состояния водителей путем фиксации электрических характеристик кожи руки [11]. Очевидно, что подобные и другие системы, главным образом направлены на снижение рисков аварийности вследствие влияния человеческого фактора. Тем не менее, в попытках приоритетно переоснастить внешнюю составляющую инновационными системами, наука все более отдаляется от непосредственного изучения психологических детерминант аварийности. Хотя общеизвестно, что даже при внедрении инновационных технических систем, работающих без сбоев и выдающих своевременно необходимую водителю информацию, зачастую катализатором возникновения аварийных ситуаций продолжает оставаться тот самый человеческий фактор. По нашему мнению, состояние безопасности дорожного движения нуждается в комплексном подходе не столько в отношении развития внешней составляющей, сколько в приоритетном учёте и частичном пересмотре психологических основ человеческого

фактора в аварийности транспорта. Об этом свидетельствуют и первые результаты тестирования беспилотных транспортных средств. Согласно данным специалистов из Университета Райса и Техасского технологического университета, рассматривающих причины аварий с участием

беспилотных транспортных средств, водители, садясь за руль беспилотного транспортного средства, в результате доверия беспилотной машине, расслабляются, что перестают концентрировать своё внимание на дороге, в конечном счете, переставая контролировать дорожную ситуацию в целом. Так, в первые десять минут виртуальной поездки точность распознавания и реагирования водителей на внештатную ситуацию составляет 88%, что свидетельствует о том, что водители все-таки упускают из виду несколько опасных ситуаций. Однако по истечении 40 минут фиксируется спад точности реакции до 7–21%. Таким образом, исследователи заключили, что с увеличением времени использования автоматизированной системы управления транспортным средством, увеличивается вероятность риска неспособности водителя отреагировать на опасность [15].

Психологической науке достоверно известно, что человеческий фактор, возникающий в процессе выполнения профессиональной деятельности, связан с несколькими компонентами. Основные, вызывающие наибольший интерес современных исследователей и практико-ориентированных деятелей, сводятся к 1) актуализации различных функциональных и психических состояний (снижение работоспособности вследствие неустойчивости к монотонной деятельности, утомление, скука, эмоциональность и пр.), 2) недостаточной развитости профессионально важных качеств наряду с недостаточной профессиональной подготовки и 3) возрастными особенностям.

Стоит отметить, что в проблематике психических состояний, находящихся в фокусе современной научной мысли, особый интерес вызывает идея о том, что именно личностные и индивидуальные качества текущих психических состояний, напрямую связаны с допускаемыми ошибочными действиями в процессе выполнения деятельности [5]. В этом контексте особого внимания заслуживает разработанная А.О. Прохоровым концепция неравновесных психических состояний (далее НПС), определяющая их как состояния более высокого (радость, восторг, тревога и др.) или низкого (грезы, подавленность, печаль, утомление и др.) уровня психической активности, относительно среднего [9]. Согласно его теории, помимо динамики изменений психических процессов, уровень интенсивности психического состояния может обуславливать и изменения физиологических реакций. Актуализация же самих неравновесных психиче-

ских состояний, в рамках данного подхода, происходит как при повышении личностной значимости конкретного события, так и при насыщенности поступающего информационного потока.

В связи с информационной перегруженностью, напряжённостью и интенсивностью жизни и движения в условиях мегаполиса, можно предположить, что специфика деятельности водителя предполагает вероятность снижения эмоциональной устойчивости, увеличивающей риск актуализации неравновесных психических состояний, непосредственным образом сказывающихся на безопасности вождения. Таким образом, опираясь на актуальную ситуацию состояния безопасности дорожного движения наряду с недостаточной изученностью его психологических детерминант мы выдвинули гипотезу о наличии доминирующих неравновесных психических состояний у водителей склонных к более частому попаданию в ДТП.

Программа и результаты эмпирического исследования доминирующих психических состояний водителей автотранспорта.

Исследование проводилось на базах Шатурского пассажирского автотранспортного предприятия (Московская область) — 97 водителей; и автотранспортного предприятия Министерства обороны — 60 водителей. В исследовании приняли участие водители от 18 до 66 лет. Общий объем выборки составил 157 человек. Мы задались целью выявления доминирующих НПС водителей. Выборка была разделена на две группы по 40 и 117 человек. Первую группу составили водители, участвовавшие в ДТП, а вторую — ни разу не участвовавшие в ДТП водители.

Известно, что условия мегаполиса предполагают высокую интенсивность движения, которая, так или иначе, провоцирует эмоциональное напряжение. С целью изучения НПС как фактора аварийности в условиях мегаполиса, мы выдвинули гипотезу о том, что водители с НПС попадают в аварии чаще, чем водители с доминирующими равновесными психическими состояниями.

Объектом исследования выступили неравновесные психические состояния водителей. Предметом — неравновесные психические состояния водителей в условиях мегаполиса. Все водители диагностировались с помощью следующего инструментария:

1. Аппаратно-программный комплекс для тестирования водителей УПДК-МК «Автомобильный» производства АО «НЕЙРОКОМ» [1], с целью оценки способностей водителей к адекватному управлению транспортным средством в условиях специальных помех и стрессогенных факторов;

2. Методика определения доминирующего состояния Л.В. Куликова [2]. Опросник предназначен для диагностики относительно устойчивых (доминирующих) состояний с помощью субъективных оценок обследуемых. Доминирующее состояние характерно не столько в данный конкретный момент, зависящий от особенностей определенной ситуации, сколько вообще для настоящего периода жизни человека. Оно в меньшей степени обуславливается актуальной, текущей ситуацией, и в большей степени — социально-психологическими личностными факторами, на его фоне формируются и существуют актуальные состояния.
3. Тест Ландольта (адаптирован и модифицирован В.Н. Сысоевым) [12]. Тест направлен на оценку общей работоспособности человека и ее составляющих: продуктивности, скорости переработки информации, точности, выносливости и надёжности.

На первом этапе исследования мы опирались на выделяемые наукой периоды наиболее опасного и безопасного вождения, к числу которых обычно относят опасный младший, опасный старший и безопасный периоды.

Опасный младший период вождения связывается с особенностями психоэмоционального поведения, как правило, с повышенной самонадеянностью при явной недостаточности опыта. Опасный старший период связывается с общим снижением психофизиологических реакций [10]. В этом контексте, представители зарубежной психологии к одним из факторов аварийности относят возрастные особенности, опосредованные снижением пространственной ориентации и скорости восприятия [20], а также сниженной общей познавательной способностью [17]. Таким образом, в связи с вероятностным влиянием спада когнитивных функций на безопасность вождения, водители, чей возраст превышает возрастной порог в 70 лет, определяют в группу риска [19]. Безопасный период вождения, выделенный третьим в ряде вышеперечисленных, отличается отсутствием излишней самоуверенности, обусловленной стабильным психоэмоциональным состоянием [10]. Вместе с тем, в начале 2000-х годов, немецкие эксперты пришли к выводам о том, что а) наибольшее количество ДТП среднестатистическим водителем совершается в период первого года управления транспортным средством, а также в период от трех до пяти лет с момента получения водительского удостоверения; б) в дальнейшем (примерно от пяти до десяти лет) вероятность попадания в ДТП снижается; в) по истечении десяти лет, ежедневно управляющие автомобилем водители попадают в аварии лишь в единичных случаях.

Очевидно, что психофизиологические особенности человека подвергаются возрастным изменениям, а молодые и неопытные водители, вероятно могут отличаться менее развитой устойчивостью эмоционального фона. Однако стоит отметить, что однозначных определений возрастных границ выделяемых опасных периодов на сегодняшний день наука не предоставляет. Вместе с тем, не имеется и эмпирически проверенных данных о том, что всем водителям, попадающим в условно обозначенный безопасный период, характерна стабильность психоэмоционального состояния. Тем не менее, учитывая вероятность опасных периодов вождения, нами была проверена промежуточная гипотеза о том, что водители со стажем до 3-х лет (условно относящиеся к опасному младшему периоду) чаще попадают в ДТП за последние три года, чем водители со стажем от 3-х лет. Статистический анализ эмпирических данных осуществлялся при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни в программе Statistica 10.

В результате статистического анализа данных, были выявлены достоверно значимые различия между показателями аварийности у водителей со стажем до 3-х и у водителей от 3-х лет ($z_{ДТПЗ} = -2,577$, при $p=0,05$). Полученные различия свидетельствуют о том, что водители со стажем свыше 3-х лет, становились участниками ДТП за последние три года чаще, чем водители со стажем, не превышающим 3-х лет. Таким образом, промежуточная гипотеза нашего исследования не нашла своего подтверждения и основываясь на полученных результатах мы пришли к выводу, что наличие стажа и выработанные навыки вождения не являются определяющим для безопасного управления транспортным средством, даже не смотря на то, что водители с небольшим опытом априори относятся к группе риска.

Далее, опираясь на результаты первого этапа, мы провели диагностику психических состояний, эмоциональной устойчивости и общего уровня работоспособности водителей. Водители группировались по признаку: участвовавшие и ни разу не участвовавшие в авариях. Статистический анализ эмпирических данных осуществлялся при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни в программе Statistica 10.

Результатом статистического анализа данных по тесту Ландольта выступили обнаруженные достоверно значимые различия между показателем скорости переработки информации ($z_S = 2,717$ при $p=0,05$). Выявленные различия свидетельствуют о том, что водители ни разу не попадавшие в аварийные ситуации отличаются более высоким параметром принятия решения, обусловленным более высокой скоростью переработки информации, необходимой для безопасного управления транспортным средством.

Наиболее распространенным способом повышения надежности профессионализма и соответствия ПВК, на сегодняшний день являются попытки их тренировки. Процесс развития ПВК, по мнению В.Д. Шадрикова [13] заключается в перестройке операционных механизмов в оперативные. Формирование ПВК направлено в сторону приспособления не только отдельных свойств системы, но и отдельных качеств окружающего предметного пространства в соответствии с требованиями деятельности. По нашему мнению, нельзя однако упускать факт непрерывной новизны дорожного движения, особенно в условиях мегаполиса. Так, если приспособление к условиям транспортного средства достигается довольно просто, то адаптация к постоянно меняющейся, информационно перегруженной дорожной обстановке мегаполисов практически невозможна. Результатом снижения адаптивных механизмов может выступить ситуативное снижение ПВК, а выполнение деятельности при их несоответствии может приводить к росту напряжения функционирования всего организма [6]. Вследствие роста напряжения у человека запускаются функциональные резервы, укоряется их истощение, что приводит к быстрому нарастанию утомления, снижению общего уровня работоспособности и ухудшению протекания психических процессов. Таким образом, естественное или натренированное соответствие ПВК водителя, не может выступать однозначным и абсолютно надёжным индикатором безопасного управления транспортным средством.

Далее с целью диагностики эмоциональной устойчивости, по методике «Эмоциональная устойчивость», представленной аппаратно-программным комплексом для тестирования водителей УПДК-МК «Автомобильный», были выявлены достоверно значимые различия между показателями в разнице допускаемых ошибок в условиях с помехами и в условиях без специальных помех ($z_{БП}$ и $\Pi = 2,857$, при $p=0,05$). Выявленные различия свидетельствуют о том, водители, которые становились участниками ДТП хотя бы единожды, допускают большее количество ошибочных действий, чем водители, не попадавшие в аварии. Таким образом, водители, ни разу не попадавшие в ДТП отличаются более высокой эмоциональной устойчивостью к выполнению деятельности вне зависимости от наличия или отсутствия стресс факторов.

Наибольшее количество достоверных различий, в результате статистического анализа данных было обнаружено по методике определения доминирующего состояния Л.В. Куликова. Так, статистически значимые различия выявлены между доминирующими психическими состояниями по показателям «тонус: высоки — низкий» ($z_{то} = 3,142$ при $p=0,05$), «раскованность — напряженность» ($z_{ра} = 2,659$ при $p=0,05$) и «удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом» ($z_{уд} = 2,611$ при

$p=0,05$). Обнаруженные различия свидетельствуют о следующем:

- ◆ Водители, попадающие в ДТП, отличаются доминирующими неравновесными состояниями пониженной психической активности, выражающейся в несобранности, вялости, инертности, повышенной вероятности быстро наступающего утомления и склонности к проявлению астенических реакций на возникающие сложности.
- ◆ Водители ни разу не попадавшие в ДТП отличаются доминированием равновесных психических состояний, с характерной условно средней активностью, обусловленной субъективным ощущением внутреннего запаса сил, собранности и высокой вероятностью к проявлению астенических реакций на возникающие трудности.
- ◆ Водители, попадающие в ДТП, отличаются доминирующими неравновесными состояниями пониженной психической активности, отражаемой в повышенной эмоциональной напряженности. Этим водителям характерны: стремление осуществить необходимую деятельность одобряемым со стороны окружающих образом; повышенные переживания значимости относительно происходящих событий и демонстрируемой модели поведения или деятельности.
- ◆ Водители ни разу не попадавшие в ДТП отличаются доминированием равновесных психических состояний, обусловленных внутренней раскованностью. Поставленные цели этой группой водителей воспринимаются реально достижимыми. Им характерно большее принятие собственной личности и модели поведения.
- ◆ Водители, попадающие в ДТП, отличаются склонностью к доминирующим неравновесным состояниям пониженной психической активности, отражаемой в повышенной неудовлетворенности самореализацией и жизнью в целом. Эта группа водителей отличается повышенной склонностью к уходу в сомнения, оказывающих влияние на уровень внутренней ответственности.
- ◆ Водители ни разу не попадавшие в ДТП отличаются склонностью к доминирующим равновесным психическим состояниям, обусловленных развитой способностью к принятию ответственности, совершению выбора и адекватной оценки собственной личной успешности.

Таким образом, в результате эмпирического исследования мы пришли к выводу о том, что водителям, хотя бы единожды принявшим участие в ДТП, характерны: склонность или доминирование неравновесных психических состояний; менее стабильная эмоциональная устойчивость и меньшая скорость переработки поступающей информации.

Данные нашего эмпирического исследования дополняют ранее высказанные идеи относительно связи неравновесных психических состояний и ПВК. Так, известно, что эмоциональные состояния, связанные с повышенной тревожностью могут оказывать влияние на ПВК, а именно на психомоторную активность и обработку поступающей информации [16]. Говоря о негативном влиянии состояния тревожности интенсивного уровня, зарубежные ученые также указывают и на способствование более эффективному выполнению деятельности в случае умеренного уровня ее интенсивности [18]. На восьмом международно-практическом конгрессе, посвященном 100-летию российской военной авиации, выдвигались идеи негативного влияния состояния скуки и внутренней неудовлетворенности собственной жизнью на ПВК пилотов и диспетчеров, а именно на функции внимания [6]. Вместе с тем, особый интерес вызывает, получившая в 2005 году федеральный статус специальная немецкая программа SAFE-NET PLUS — «Дальнейшее распространение опыта безопасного вождения среди начинающих водителей» [14], в рамках которой, помимо развития профессиональных навыков, необходимых для безопасного управления транспортным средством, особое внимание уделяется развитию психологической устойчивости.

Заслуживает внимания тот факт, что недостаточный уровень ПВК, может выступать причиной повышенной аварийности, однако однозначных психологических причин, по которым он может быть снижен до опасного, наука на сегодняшний день не предоставляет. Результаты, полученные в настоящем исследовании наряду с неоднозначностью выводов многих отечественных и зарубежных эмпирических исследований, посвященных проблеме взаимосвязи психических состояний и ПВК, а также российские показатели ДТП за 2018 год, совершенные по вине водителей возрастного диапазона от 30 до 50 лет [Error: Reference source not found] (условно относящихся к периоду безопасного вождения), определяют перспективу необходимости дальнейшего исследования психологических детерминант аварийно-

сти, а именно возможной их обусловленности неравновесными психическими состояниями при нормальном уровне сформированности ПВК и достаточном стаже работы водителей.

ВЫВОДЫ

1. Выявлены различия в частоте случаев ДТП среди группы водителей со стажем менее и более 3-х лет. Неопытные водители со стажем менее 3-х лет, за последние три года становились участниками ДТП реже, чем водители со стажем от 3-х лет за период последних трех лет. Это может свидетельствовать о том, что наличие стажа и выработанные навыки вождения не являются определяющим для безопасного управления транспортным средством, даже не смотря на то, что водители с небольшим опытом априори относятся к группе риска.
2. Выявлены различия в показателях общего уровня работоспособности у водителей, хотя бы раз участвовавших в ДТП и водителей, ни разу не принявших участие в ДТП. Водители, ни разу не попадавшие в аварии, отличаются более высокой скоростью принятия решения, обусловленной более высокой скоростью переработки информации.
3. Выявлены различия по показателю эмоциональной устойчивости в группах водителей, ни разу не попадавших в аварии и хотя бы раз, принявших участие в ДТП. Водители, ни разу не принявшие участие в ДТП отличаются более высокой эмоциональной устойчивостью.
4. Водителей, хотя бы раз участвовавших в ДТП отличаются более выраженной интенсивностью неравновесных психических состояний, таких как: внутреннее ощущение усталости, несобранности, сниженной концентрации, инертности. Для них преимущественным образом характерна эмоциональная напряженность, склонность к сомнениям, а также общая неудовлетворенность самореализацией и ходом жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппаратно-программный комплекс (АПК) для тестирования и развития психофизиологических качеств водителей УПДК-МК Автомобильный // NEUROCOM. RU. URL: http://www.neurocom.ru/ru2/auto/updk_mk_auto.html (дата обращения: 22.07.2019).
2. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г. С. Никифорова. — СПб.: Речь, 2011. — 950 с.
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2018 года. Информационно-аналитический обзор. — М.: ФКУ НЦ БДД МВД России, 2018. — 18 с. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1535386> (дата обращения: 19.07.2019).
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первый квартал 2019 года. Информационно-аналитический обзор. — М.: ФКУ НЦ БДД МВД России, 2019. — 17 с. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1596113> (дата обращения: 19.07.2019).
5. Емельянов А.М., Котик М. А. Ошибки человека-оператора (Психологический и кибернетический аспекты) / А. М. Емельянов, М. А. Котик // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Транспорт». — 1988. — № 12. — С. 15–16.

6. Козлов В. В. Профотбор в авиации: зачем и кому он нужен? / В. В. Козлов // Человеческий фактор: человек в экстремальных условиях, клинично-физиологическое и психологическое состояние, медицинский контроль и врачебно-профессиональная экспертиза: материалы восьмого международного науч.-практ. конгр. 25–29 мар. 2013 г. — М.: НЦССХ им А. Н. Бакулева РАМН. — С. 78–80.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: УК РФ Статья 264. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (в ред. Федерального закона от 13.02.2009 N20-ФЗ) // Федеральный закон от 17.06.2019 N146-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Оценка влияния дорожных условий на аварийность движения на дорогах общего пользования волгоградской области // А. Н. Васильев, С. В. Алексиков, М. М. Девятов, В. М. Девятов / Вестник ВолгГАСУ: Строительство и архитектура. — 2005. — № 5 (17). — С. 88–91.
9. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний / А. О. Прохоров. — М.: ИП РАН, 1998. — 152 с.
10. Ротенберг Р. В. Основы надежности системы водитель-автомобиль-дорога-среда / Р. В. Ротенберг. — М.: Машиностроение, 1986. — 216 с.
11. Система поддержания работоспособности водителя Вигитон // NEUROCOM.RU. URL: <http://www.neurocom.ru/ru2/auto/vigiton.html> (дата обращения: 19.07.2019).
12. Тест Ландольта. Диагностика функционального состояния и работоспособности // Тесты и методики для психологов // IMATON.COM. URL: <https://www.imaton.com/metodiki/met/33/> (дата обращения: 22.07.2019).
13. Шадриков В. Д., Дружинин В. Н. Формирование подсистемы профессионально важных качеств в процессе профессионализации / В. Д. Шадриков, В. Н. Дружинин // Проблемы индустриальной психологии. — Ярославль: ЯрГУ, 1979. — С. 3–18.
14. Шадрин. А. Пиковые показатели статистики дорожно-транспортных происшествий можно снизить. Каким образом? / А. Шадрин // Дорога — наша жизнь. Всероссийский журналистский проект, 2013. URL: <http://dorogajizni.ru/old/21/3020505.htm> (дата обращения: 22.07.2019).
15. Eric T. Greenlee, Patricia R. DeLucia, David C. Newton. driver vigilance in automated vehicles: Effects of demands on hazard detection performance / Greenlee Eric T., DeLucia R. Patricia, C. David // Human factors: The journal of the human factors and ergonomics society. — 2018. — V.61, Issue 3. — P. 474–487.
16. Halvari H., Gjesme T. Trait and state anxiety before and after competitive performance / H. Halvari, N. Gjesme // Perceptual & motor skills. — 1995. — Vol. 81 (3), pt. 2. — P. 1059–1070.
17. Impairments of some cognitive functions are common in crash-involved older drivers / C. Lundberg, L. Hakamies-Blomqvist, O. Almkvist, K. Johansson // Accident analysis and prevention. — 1998. — Vol. 30, — N3. — P. 371–377.
18. Janelle C.M., Singer R. N., Williams A. M. External distraction and attentional narrowing: visual search evidence / C. M. Janelle, R. N. Singer, A. M. Williams // Journal of sport & exercise psychology. — 1999. — Vol. 21. — P. 70–91.
19. Ryan G.A., Legge V., Rosman D. Age-related changes in drivers' crash risk and crash type / G. A. Ryan, V. Legge, D. Rosman // Accident analysis and prevention. — 1998. — Vol. 30 (3). — P. 379–387.
20. Schaie K. W. Intellectual development in adulthood / K.W Schaie // Handbook of the psychology of aging. 4th edn, San Diego: Academic Press, 1996. — P. 266–286.

АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ ПРОГРЕССИРУЮЩЕЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

ADAPTATION OF FOREIGN ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGY WITHIN THE FRAMEWORK OF PROGRESSIVE CORPORATE CULTURE IN RUSSIA

D. Ginzburg

Summary. In the organization of the company's modern work culture involves not only material stimulants and physical conditions that meet the needs of comfort, motivating to constructive professional activity of employees — an important factor is the psychological climate in which every person works, whether it is a small office or a city-forming enterprise. If earlier, in the postwar period, in Russia there was a great emphasis on the "impact" of workers and the quality of products in order to quickly restore the production resources of the country, today domestic scientists are concerned about the issue of moral and ethical standards and team-building, affecting the quality of workers. In foreign countries, including the United States, researchers began to study this issue before the Russian, so that a large number of works based on the works of foreign authors, while not adapted to the characteristics and specifics of the Russian mentality. The relevance of this article is also due to the fact that the phenomenon of organizational culture abroad has been studied for more than a hundred years, and in Russia this science has no more than 30 years of experience.

Keywords: corporate culture, business culture, human resources, corporate psychologist.

Гинзбург Денис Александрович

*Преподаватель, Открытый гуманитарно-экономический университет, г. Москва
89160116111@mail.ru*

Аннотация. При организации деятельности компании современная культура труда предполагает не только материальные стимуляторы и физические условия, удовлетворяющие потребностям в комфорте, мотивирующие к конструктивной профессиональной деятельности сотрудников — важным фактором является психологический климат, в котором работает каждый человек, будь то небольшая контора или градообразующее предприятие. Если ранее, в послевоенное время, в России делался большой акцент на «ударности» работников и качестве продукции с целью максимально быстро восстановить производственные ресурсы страны, то сегодня отечественных ученых озаботил вопрос морально-этических норм и командообразующего звена, влияющих на качество труда работников. В зарубежных странах, включая США, исследователи начали изучать данный вопрос ранее российских, вследствие чего большое количество работ опирается на труды иностранных авторов, при этом не адаптированных под особенности и специфику русского менталитета. Актуальность данной статьи также обусловлена тем, что феномен организационной культуры за рубежом изучается более ста лет, а в России данная наука насчитывает не более 30-ти лет опыта.

Ключевые слова: организационная культура, деловая культура, человеческие ресурсы, корпоративный психолог.

Корпоративная психология является одной из самых малоизученных, тем не менее, очень востребованных наук в передовых и развивающихся странах. Множество исследований отечественных учёных по психологии и психодиагностике опираются на переводы трудов зарубежных коллег. Согласно исследованиям Л. Н. Захаровой, Дж. С. Крокстон, Б. Б. Ярмахова (2006), «в России организационная психология начала свое относительно самостоятельное развитие с середины 90-х гг. XX в. В Америке профессия организационного психолога существует уже более 85-ти лет» [2, с. 45], соответственно, в 2019-м году данная профессия на зарубежном рынке уже насчитывает более ста лет своего существования. В России, согласно данным Интернет-портала по аналитике труда Grubber.ru, самая большая потребность в корпоративных психоло-

гах на 12 августа 2019 г. наблюдается в Новосибирске, где открыта 191 вакансия, далее следуют организации Санкт-Петербурга — 57 вакансий, а замыкает тройку лидеров Краснодар — 29 предложений о работе. Если говорить о столице и Подмосковье, то в Москве общее количество вакансий — 308, средняя зарплата корпоративного психолога составляет 48 000 руб.; больше всех данные специалисты зарабатывают в Лобне — в среднем 120 000 руб.; далее идет Невинномысск — 70 000 руб.; на третьем месте средняя зарплата в 45 300 руб. (Санкт-Петербург) [3]. Исходя из данных Grubber.ru, веяния западной культуры труда активно приживаются в России, однако, ввиду того, что данная область психологии сравнительно молода, она требует соответствующей адаптации опыта иностранных коллег с учетом специфики русского менталитета.

В Американской культуре труда корпоративная психология включает шесть фундаментальных направлений:

1. Набор и размещение персонала, рабочей силы;
2. Проблемы развития и подготовки персонала, повышение квалификации;
3. Управление (организационные детерминанты эффективности): психологические вопросы, связанные со структурой организации, лидерством, коммуникациями, организационным климатом и организационной культурой; мотивация;
4. Организационное развитие в свете глобализации и прогресса мирового рынка труда;
5. Качество работы — профилактика и коррекция дезорганизации, возникающей вследствие испытываемых негативных состояний сотрудниками, таких как, например, стресс, утомление и пр.
6. Эргономика, т.е. исследование влияния человеческого фактора на трудовые процессы [2, с. 45–47].

В современной российской корпоративной психологии должное внимание уделяется следующим факторам, способствующим эффективной трудовой деятельности сотрудников:

1. Выборка людей при приёме на работу на вакантные должности;
2. Индивидуальное консультирование работников по их психологическим проблемам, касающимся профессиональной деятельности или воздействующим на нее;
3. Консультирование руководства по ситуациям, возникающим в коллективе (удовлетворенность сотрудниками работой и рабочим местом, групповые конфликты и дисбаланс отношений «руководство — сотрудник», стрессы), рекомендации по улучшению психоэмоциональной ситуации в организации и по повышению психологического комфорта персонала.
4. Конфликтология и оказание психологической помощи в тяжелых переговорах;
5. Проведение мероприятий по снижению профессионального выгорания;
6. Проведение сеансов психоэмоциональной разгрузки.

Итак, поиском корпоративного психолога отечественные фирмы озадачены ввиду того, что сегодня российские компании стали активно заимствовать чужую (зарубежную) корпоративную культуру, при этом они не способны грамотно адаптировать ее под отечественную специфику труда. В то время как корпоративный психолог, с учетом достижений иностранных коллег, способен адаптировать данный феномен под русский менталитет, при этом принимая во внимание прошлые принципы ведения трудовой деятельности в организациях.

Основой инновационного подхода в России к работе, базирующегося на исследованиях зарубежных психологов, является партнерство с высшим и средним руководством простых подчиненных. А. А. Dranitsa (2012) подчёркивает в своем исследовании, что в культурах с большой дистанцией власти каждый имеет свое законное место в социальной иерархии, а социальный статус человека должен быть ясным, чтобы другие могли проявлять должное к ним уважение [8]. Согласно исследованиям нидерландского социолога Г. Хофстеде, параметр дистанции власти в России один из самых высоких. «Российская сфера бизнеса, относящаяся к культуре с высокой дистанцией власти, представляет собой абсолютно четкую иерархию, основанную на распределении властных полномочий. Характерной чертой такой культуры также является терпимость к несправедливости в распределении власти и ответственности в организации» [1]. «Управленцы в странах с низкой дистанцией власти полагаются в работе не только на свой опыт, но и на опыт своих подчиненных, признавая его одинаково ценным. К странам с низкой дистанцией власти относятся США» [4].

В России рабочие отношения «начальник — подчиненный» опираются на строгую субординацию, нарушение которой принимается начальником за фамильярность и панибратство, а нежелание руководства принимать сотрудников за равных расценивается персоналом как предвзятость, однако, за рубежом партнерство с руководством считается эффективным методом достижения стратегических целей, заданных компанией.

В качестве демонстрации величины влияния лидерства на взаимоотношения и поведение сотрудников, американской компанией по обучению менеджменту Wilson Learning было проведено исследование среди 25 000 работников в различных фирмах, которое продемонстрировало, что 69% сотрудников, удовлетворенных своей работой, аргументируют своё импонирующее поведение своими руководителями. Значительное отставание в производительности было связано с отсутствием или плохим руководством [9, с. 7]. Следовательно, дистанционирование руководства от подчиненных негативно сказывается на производительности компании, соответственно, на профессиональной деятельности сотрудников, их психоэмоциональном состоянии и рабочем настроении.

Также важной тенденцией в области корпоративной психологии является формирование фирменного стиля организации как фактора корпоративной безопасности, профессионального единения и организационного порядка на работе. Формирование фирменного стиля осуществляется на основе когнитивного, аффективного и конативного элементов корпоративной культуры. Что касается совокупности различных систем, составляющих

корпоративное управление, определено, что корпоративная идентичность является одним из существенных атрибутов, которому уделяется все большее внимание со стороны огромного числа субъектов не только в силу их собственного стремления к повышению корпоративного имиджа и совершенствования корпоративного управления, но и в силу внешних экономических причин. Установлено, что эти признаки развития компаний могут быть оценены и иметь ценностные параметры. Например, проведя соответствующий опрос в 2000 году, McKinsey & Company оценила акционерную стоимость с 50%-ным дисконтированием в российских компаниях только из-за отсутствия корпоративной системы управления, т.е. с 50%-ным когнитивным искажением.

Несомненно, вышеизложенные причины побуждают компании серьезно задуматься о формировании и развитии корпоративного управления и фирменного стиля, адаптированного под российский менталитет. Однако организации склонны полагаться на стратегии, подходы и модели, предлагаемые зарубежными авторами. Исходя из исследования Е. Б. Прелыгиной (2011), отечественные корпорации упускают главное, игнорируя тот факт, что эти модели были созданы в сообществах с более стабильной политической, социальной и коммуникационной средой; в сообществах, которые были жестко структурированы профессиональными и местными интересами; наконец, в сообществах, содержащих гораздо более однотипную и в целом достоверную информацию [10]. Российская реальность, напротив, более изменчива, диверсифицирована, подвержена случайным влияниям, включает давние традиции недоверия к перспективам стабильности и неизменности в становлении организации / власти / принципов государственной политики (и, соответственно, принципов политики руководства).

В импедиментальной литературе, а также в управленческих и маркетинговых исследованиях, фирменный стиль обычно определяется как коллективное общественное восприятие компании многими людьми, как внешне, так и внутренне. Согласно определению М. В. Томиловой (2002) в рамках описанного подхода: фирменный стиль — это «интегрированное восприятие (осознание и оценка) компании различными общественными группами; восприятие, которое формируется через информацию, хранящуюся в их памяти и связанную с различными аспектами деятельности компании» [5] — одной из первоочередных задач корпоративного психолога является наполнение информационной составляющей описания корпоративной идентичности для формирования ее позитивного имиджа в общественном сознании путем позитивной оценки этой информации [10]. Позитивный корпоративный имидж — это параметры корпоративного поведения и корпоративной культуры

для новых сотрудников. В этом контексте формирование и укрепление корпоративного имиджа является одним из аспектов социально ответственного поведения как руководителей, так и всех участников корпоративного этикета. При этом прямое копирование зарубежных моделей фирменного стиля и организационного стиля управления не целесообразно без адаптации под российский менталитет, иначе некоторые элементы чужой культуры труда могут показаться для русского сотрудника неуместными, нелепыми или бессмысленными, что снизит профессиональный энтузиазм.

Адаптация зарубежных тенденций также предельно актуальна при работе в российских компаниях международного формата. Участники современного отечественного рынка труда пришли к солидарному заключению, что иностранную корпоративную психологию и принципы её воздействия необходимо адаптировать под российский менталитет. Например, в Minale Masterbrand, центральный офис которой находится в Лондоне, российские коллеги заимствуют элементы демократического стиля управления, организационные принципы работы с проектами, демократический стиль профессиональной коммуникации и корпоративный дресс-код. При этом демократический стиль коммуникации, приемлемый для лондонской компании, при работе с российским рынком адаптируется под отечественный менталитет. «Мы не можем в некоторых вещах идти дальше, как это делается в нашем лондонском офисе: там топ-менеджер считает абсолютно нормальным для себя, например, после рабочего дня сесть на велосипед и поехать домой. В Москве такое по ряду причин почти невозможно» [6].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что корпоративная психология, хоть и молодая наука в России, однако, очень востребованная. В настоящий момент основной процент исследований в данной области во многом опирается на зарубежные источники, что обусловлено столетним опытом разработок американских ученых касательно обозначенного феномена. Несмотря на то, что иностранные наработки весьма ценны, их прямое заимствование неприемлемо — необходима адаптация под российский менталитет.

Плюсы заимствований опыта зарубежных исследователей и работы HR-менеджеров заключаются в следующем:

1. Многие гипотезы неоднократно подтверждены и апробированы, а многолетний опыт работы позволил скорректировать все недочеты и изъяны в исследованиях иностранных корпоративных психологов;
2. Возможность использовать готовые модели, психодиагностический материал и пр.;

3. Готовые и апробированные модели упрощают адаптацию новых сотрудников в организации;
4. Чётко сформированная корпоративная культура и этика повышает эффективность профессиональной деятельности сотрудников и, соответственно, всей организации.

Минусы заимствований исследований зарубежных учёных и опыта работы HR-менеджеров:

1. Модели поведения, корпоративной культуры и этики не адаптированы под российский менталитет;
2. Корпоративные правила, сформированные без учета интересов конкретных сотрудников, способны вызвать обратный эффект: спровоцировать недовольство, демотивацию или апатию к работе.

Чтобы использование зарубежного опыта работы и исследований в области корпоративной психологии было эффективно и релевантно, необходимо:

1. Адаптировать принципы работы психолога, корпоративной культуры труда и этики под российский менталитет;
2. Снизить фактор высокой дистанции власти в российских компаниях с переориентацией на партнерство высшего и среднего руководства с сотрудниками, признавая одинаково ценным опыт и мнение и управленцев, и подчинённых;
3. Поведение управленцев должно демонстрировать не только лидерство, но и включать элементы наставничества и коучинга;
4. Формирование фирменного стиля в рамках отечественной культуры труда;
5. Адаптация зарубежных тенденций в российских организациях международного формата с учетом правил и корпоративного регламента иностранных коллег в процессе коммуникации с представителями зарубежных компаний, модификация тех же принципов под российскую аудиторию современного отечественного рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутарева Н. Ю., Виноградов Н. В. Корпоративная культура в современной России и США // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — С. 1478–1481.
2. Захарова, Л. Н. Актуальные направления организационно-психологических исследований в России и США (на примере Нижегородского государственного университета и Университета штата Нью-Йорк) / Л. Н. Захарова, Дж. С. Крокстон, Б. Б. Ярмахов // Вестник Нижегородского университета Им. Н. И. Лобачевского. серия: Социальные науки. — 2006. — № 1 (5). — С. 45–53.
3. Корпоративный психолог в Москве: статистика и рейтинг зарплат, количество вакансий и анализ рынка. Статья от 12 августа 2019 г. URL: <https://grubber.ru/statistika/moskva/korporativnyu-psiholog#4>. Дата обращения: 12.08.2019.
4. Крэггер, Отто. Типы людей и бизнес: Как 16 типов личности определяют ваши успехи на работе: [Пер. с англ.] / О. Крэггер, Дж. М. Тьюсон. — М.: Персей, 1995. — 557 с.
5. Томилова, М. В. Модель имиджа организации / М. В. Томилова // Маркетинг в России и за рубежом. — 1998. — № 1. URL: <https://www.cfn.ru/press/marketing/1998-1/05.shtml>. Дата обращения: 12.08.2019.
6. Упал — отжался. Зачем российским компаниям чужая корпоративная культура. HR-Portal. URL: <https://hr-portal.ru/article/upal-otzhalsya-zachem-rossijskim-ko.mpaniyam-chuzhaya-korporativnaya-kultura>. Дата обращения: 13.08.2019.
7. Ходусева, А. В. Повышение качества управления транспортной организацией на основе совершенствования корпоративной культуры: дисс. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Ходусева Антонина Валентиновна; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. — Москва, 2012. — 163 с.
8. Dranitsa, A. A. Russian business culture according to G. Hofstede methodology / A. A. Dranitsa; lang. adv. N. A. Nikolaenko; sci. adv. E. G. Leontyeva // Journal of Economics and Social Sciences. — 2012. — № 1. — [4 p.].
9. Flood, P.C. (2008) Leadership, Human Resource Management and the Content of the Psychological Contract / P. C. Flood, N. Ramamurthy, A. McDermott, E. Conway // Ireland: Dublin City University. — 22 p.
10. Pereygina, E.B. (2011). Corporate Identity as a Factor of Corporate Security. Psychology in Russia: State of the Art, 4, 348–360.

© Гинзбург Денис Александрович (89160116111@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АЛЬТРУИЗМ И ГЕДОНИЗМ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Железная Анна Борисовна

Аспирант, МГПУ

Undina08@inbox.ru

ALTRUISM AND HEDONISM IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL CHOICE

A. Zheleznyaya

Summary. The paper deals with the concepts of altruism and hedonism embedded in the system structure of the personality as value orientations. Depending on the degree of expression of these qualities in the psychological type, we can talk about the nature and professional orientation of the person. The work is not an empirical study and is theoretical in nature. For the first time the gradation of altruism and hedonism on macro and micro levels is introduced. Having studied the methods to identify the motivational and value sphere of personality, as well as literary sources on the topic, the author comes to the conclusion that altruism or hedonism can not only manifest itself in its pure form as a value, but also be combined with each other with different degrees of intensity. The degree of expression of these qualities in an individual is influenced by education, education, media, traditions, mentality and the overall economic situation in society. G. Gurdjieff and P. Uspenski has identified 9 personality types in nine of the dominant fears in the personality structure. B. N. Ryzhov, L. B. Smolovskaya with M-8 test distinguish motivational and value sphere of personality. S. Schwartz identifies 10 personality profiles using the leading type of value orientation. Survey of E. A. Tatarintsev, V. I. Rogacheva examines the manifestations of selfishness, and altruism in youth in four areas. Based on the above research, the author comes to the conclusion that altruism and hedonism are organic formations in the structure of a person's personality and affect not only his life activity, but also his choice of his direction of professional development.

Keywords: altruism, hedonism, motivational and value sphere of personality, dominant fear, psychological type, career orientations.

Аннотация. В работе рассматриваются понятия альтруизм и гедонизм, встроенные в системную структуру личности в качестве ценностных ориентиров. В зависимости от степени выраженности этих качеств в психологическом типе можно говорить о характере и профессиональной направленности личности. Работа не является эмпирическим исследованием и носит теоретический характер. Впервые вводится градация альтруизма и гедонизма на макро- и микроуровни. Изучив методики на выявление мотивационно-ценностной сферы личности, а также литературные источники по теме, автор приходит к выводу, что альтруизм или гедонизм могут не только проявляться в чистом виде как ценность, но и совмещаться друг с другом с разной степенью интенсивности. На степень выраженности этих качеств в отдельном человеке влияют воспитание, образование, средства массовой информации, традиции, менталитет и в целом экономическая ситуация в обществе. Г. Гурджиев и П. Успенский выявили 9 психотипов через девять доминирующих страхов в структуре личности. Б. Н. Рыжов, Л. Б. Смоловская с помощью М-теста выделяют 8 мотивационно-ценностных сфер личности. Ш. Шварц определяет 10 профилей личности через ведущий тип ценностной направленности. Анкетный опрос Е. А. Татаринцева, В. И. Рогачевой рассматривает проявления эгоизма, альтруизма в молодежной среде в четырех сферах деятельности. Основываясь на вышеназванных исследованиях, автор приходит к выводу, что альтруизм и гедонизм — органические образования в структуре личности человека, влияющие на его жизнедеятельность и на выбор профессионального пути.

Ключевые слова: альтруизм, гедонизм, мотивационно-ценностная сфера личности, доминирующий страх, психологический тип, карьерные ориентации.

Введение

Альтруизм и гедонизм — понятия, характеризующие личность. В задачу исследования входило определение степени выраженности этих понятий в структуре личности в зависимости от экзистенциальных страхов, испытываемых человеком. Исследование носит теоретический характер и представляет собой точку зрения автора, основанную на литературных источниках.

Альтруизм и гедонизм в системной структуре личности

Методологической базой исследования послужили следующие методики: эннеаграмма Г. Гурджиева, П. Успенского и описание 9-ти психотипов через доминирующий экзистенциальный страх, «М-тест» Б. Н. Рыжова, Л. Б. Смоловской, «Ценностный опросник» Ш. Шварца, анкетный опрос Е. А. Татаринцева, В. И. Рогачевой на выявление эгоизма и альтруизма в социальном поведении

Рис. 1. Поведенческая система координат

молодежи в четырех сферах деятельности: 1) учеба, работа, труд; 2) семейные и межличностные отношения; 3) самореализация и развитие; 4) досуг. Ученые Татаринцев Е. А., Рогачева В. И. пришли к выводу, что в сферах учебы, работы, труда, самореализации и развития, досуга молодежь руководствуется активным эгоизмом, а в сфере семейных и межличностных отношений — альтруизмом [5].

Психологи-исследователи Б. Н. Рыжов, Л. Б. Смоловская выделили восемь типов мотиваций: четыре биологических и четыре социальных, среди которых по две мотивации развития и мотивации сохранения порядка в системе [3; 4; 8–10]. Кроме того, в биологических и социальных прослеживается микроуровень и макроуровень:

1. Самосохранение: биологическая мотивация сохранения индивида, микроуровень;
2. Витальность: биологическая мотивация развития индивида, микроуровень;
3. Альтруизм: биологическая мотивация сохранения вида, макроуровень;
4. Репродукция: биологическая мотивация развития вида, макроуровень;
5. Защита «Я»: социальная мотивация сохранения личности, микроуровень;

6. Познание: социальная мотивация развития личности, микроуровень;
7. Нравственность: социальная мотивация сохранения общества, макроуровень;
8. Самореализация: социальная мотивация развития общества, макроуровень.

Как видим, мотивация «Гедонизм» в методике не выражена, зато ценности, присущие гедонизму, распределены по четырем мотивациям: «Самосохранение» — комфортные условия жизни, здоровье, отдых и развлечения, личная безопасность, «Витальность» — свобода передвижения и поступков, занятия спортом, вкусное и здоровое питание, хорошая одежда, «Репродукция» — дети, любовь, внешняя привлекательность, счастливая семейная жизнь, «Самореализация» — ваше влияние и авторитет, творчество, ваша страна и ее роль в мире, возможность реализации своих способностей.

Для мотивации «Альтруизм» обозначены следующие ценности: забота о семье и близких, готовность поддерживать другого человека, безопасность родственников, помощь другу; для мотивации «Нравственность» — следующие: порядок и благополучие в обществе, красота и гармония окружающего мира, справедливость в отношениях между людьми, традиции и культура вашего

Таблица 1. Альтруизм и гедонизм в системе ценностей личности

Свойство характера		М-тест	Ценностный опросник
Альтруизм	микроуровень	Альтруизм	Добро
		Защита «Я»	Конформизм
	макроуровень	Нравственность	Традиции
		Познание	Универсализм
Гедонизм	микроуровень	Репродукция	Безопасность
		Самосохранение	Гедонизм/Стимуляция
	макроуровень	Витальность	Самостоятельность
		Самореализация	Власть/Достижения

Таблица 2. Альтруизм и гедонизм в структуре психотипов

Страхи	Альтруизм		Гедонизм	
	Макроуров. I	Микроуров. III	Макроуров. II	Микроуров. IV
Несовершенства		III	II	
Одиночества		III		IV
Неудачи		III	II	
Заурядности	I			IV
Бесцеремонности	I			IV
Предательства		III		IV
Бездействия			II	IV
Слабости	I		II	
Конflikта	I	III		

народа; для «Защиты «Я»»: верность своим моральным принципам, самоуважение, привязанность и уважение к вам других людей, уверенность в завтрашнем дне; «Познание» — интересная работа, общение с друзьями и интересными людьми, образование и культура, получение новой информации о мире, науке и искусстве.

Таким образом, определение выраженности тех или иных установок человеческой личности может быть рассмотрено в виде системы координат, где по оси ординат находятся альтруизм и гедонизм, а по оси абсцисс — направленность действий на узкий круг (человека, семью, друзей) — микроуровень, или на широкий круг (работу, учебу, коллектив, общество) — макроуровень (рис. 1).

Тогда альтруизм микроуровня может быть выражен мотивациями «Альтруизм» и «Защита «Я»», а макроуровня мотивациями «Нравственность» и «Познание».

Гедонизм микроуровня — мотивациями «Репродукция», «Самосохранение», макроуровня — «Витальность» и «Самореализация».

«Ценностный опросник» Ш. Шварца выделяет 10 типов мотивационно-ценностных сфер личности [6; 7]. Из них к гедонизму микроуровня можно отнести сферы «Гедонизм», «Стимуляция», «Безопасность», к альтруизму микроуровня «Добро», «Конформизм», к гедонизму макроуровня — «Власть», «Достижения», «Самостоятельность», к альтруизму макроуровня — «Традиции», «Универсализм» (табл. 1).

Альтруизм микроуровня — это желание помочь близкому кругу людей: друзьям, семье, родственникам.

Альтруизм макроуровня касается рабочего коллектива или общества в целом: желание достижения успехов в совместном труде и процветания стране.

Гедонизм микроуровня — это желание пользоваться благами цивилизации одному или небольшой группой лиц, пребывание в эйфории или радости от потребления ресурсов.

Гедонизм макроуровня — желание сделать жизнь лучше и веселее для рабочего коллектива или общества в целом, беспрепятственное удовлетворение потребностей всеми людьми, избегание нужды (табл. 2).

Гедонизм и альтруизм как ценности зависят от воспитания, образования, менталитета, традиций, аттитудов.

Альтруизм и гедонизм в структуре психологических типов

По методике эннеаграммы Г. Гурджива, П. Успенского психологические типы личности выявляются в зависимости от доминирующего экзистенциального страха, испытываемого человеком [2].

I, II — макроальтруизм и макрогедонизм характерен для страха «Слабости», психологический тип «Лидер». «Победа любой ценой» — девиз этих людей, они щедры как на выражение эмоций, так и на помощь или раздачу ресурсов обществу. Это революционеры, готовые умереть за «Свободу, Равенство, Братство». Их можно встретить в профессиях, требующих напряжения эмоционально-волевых сил: МЧС, Росгвардии, МВД.

I, III — макроальтруизм, микроальтруизм характерен для страха «Конфликта», психологический тип «Миротворец». Их девиз: «Все люди созданы равными». Это профсоюзные лидеры или филантропы, сочувствующие нуждающимся, часто работают в благотворительных фондах, организациях или волонтерами.

I, IV — макроальтруизм, микрогедонизм характерен для страхов «Заурядности», «Бесцеремонности», психологические типы «Романтик», «Наблюдатель». «Лишь бы не было войны» — девиз этих людей. Они находят себя в дипломатической сфере, научной работе, просветительской деятельности, политологии, статистики и аналитики.

II, III — макрогедонизм, микроальтруизм характерен для страхов «Несовершенства», «Неудачи», психологи-

ческие типы «Перфекционист», «Боец». «Вижу цель — не вижу препятствий» — девиз этих людей. Достижение высоких результатов в выбранной области становится их приоритетом и стимулом к продвижению по службе. Их можно встретить в профессиях, требующих большой ответственности: медицине, образовании, журналистике.

II, IV — макрогедонизм, микрогедонизм характерен для страха «Бездействия», психологический тип «Авантюрист». «От каждого по возможности, каждому по потребности» девиз этих людей. Они часто работают ивент-менеджерами, ди-джеями, актерами эстрады, цирка, их можно встретить в сферах туризма, гостиничного бизнеса, рекламы.

III, IV — микроальтруизм, микрогедонизм характерен для страхов «Одиночества», «Предательства», психологические типы «Помощник», «Консерватор». «От каждого по способности, каждому по труду» — девиз этих людей. Для них важны четкие инструкции, дисциплина, постоянство и стабильность во всем. Это чаще всего бухгалтеры, охранники, продавцы магазинов, их можно встретить в сферах бытовых услуг: химчистках, прачечных, салонах красоты.

Таким образом, на жизненные установки, профессиональную направленность личности влияют не только внешние факторы, но и поведенческие ориентиры, выраженные в гедонистических и альтруистических ценностях [1].

Заключение

Данное исследование посвящено понятиям альтруизм и гедонизм, встроенным в системную структуру личности, и проявлению их в психологических типах. По мнению автора, гедонизм и альтруизм могут выявляться на макро- и микроуровнях, влияя таким образом на характер человека и на его жизнедеятельность, а также на моральные и нравственные установки. Рассмотрены типы личности и их карьерные ориентации в зависимости от интенсивности показателей альтруизма и гедонизма. Высказано предположение, что данные показатели могут изменяться под влиянием воспитания, образования и, соответственно, менять приоритеты личности во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железная А. Б. Мотивационно-ценностные опросники и их использование в условиях школы / А. Б. Железная // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Конструктивизм в психологии и педагогике» (Волгоград, 26. 10. 2019 г.). — Стерлитамак: АМИ, 2019.
2. Государев Н. А. Психодиагностика. Методологии и методики исследования психологических типов. — М.: Ось-89, 2009. — 144 с.
3. Рыжов Б. Н. Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 23. С. 5–11.

4. Рыжов Б. Н., Смоловская Л. Б. Методика системной диагностики мотивационно-ценностной сферы личности: М-тест // Системная психология и социология. 2018, № 4 (28). С. 26–39.
5. Татаринцев Е. А., Рогачева В. И. Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте общества массового потребления // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 111–117.
6. <https://psycabi.net/testy/322-test-tsennosti-shvartsa-tsennostnyj-oprosnik-tso-shvartsa-metodika-shvartsa>.
7. Schwartz Shalom H. Basic Human Values: Theory, Measurement, and Applications. The Hebrew University of Jerusalem // Revue française de sociologie. 2006. № 42. P. 249–288.
8. Shah James Y., Gardner Wendi L. Handbook of Motivation Science. Guilford Press, 2013. 638 p.
9. Stoyanov Stoyan. A Theory of Human Motivation. CRC Press, 2017. 98 p.
10. Wentzel Kathryn R., Miele David B. Handbook of Motivation at School // Educational Psychology Handbook. Routledge. 19 February 2016. 532 p.

© Железная Анна Борисовна (Undina08@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГПУ

ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

FEATURES OF REFLEXIVE REGULATION OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM FROM THE POSITIONS OF THE SYSTEM-SUBJECT APPROACH

I. Kadochnikova

Summary. In the framework of this article, the problem of the reflexive regulation of the employees of the penitentiary system is raised from the perspective of a system-subjective approach. The importance of research in this area is emphasized, since the deliberate professional activity of the penitentiary system employee acquires meaningfulness exclusively thanks to the ability to reflect. The study of the severity of reflection among employees allowed us to formulate reasoned conclusions both in relation to their ability to build a meaningful image of their service, and in predicting the professional competence of subjects of labor. At the same time, this article emphasizes the specificity of the manifestation of reflective regulation depending on the length of service and affiliation with different structural units of correctional institutions. The reflexive regulation of the employees of the penitentiary system in this study is studied by the author from the perspective of a system-subjective approach developed by E. A. Sergienko.

Keywords: system-subjective approach, subject, reflexive regulation, employee of the penitentiary system, security department, security department.

Кадочникова Ирина Владимировна

*Соискатель, Челябинский государственный университет
irishechkadruga@mail.ru*

Аннотация. В рамках данной статьи поднимается проблема рефлексивной регуляции сотрудников уголовно-исполнительной системы с позиций системно-субъектного подхода. Подчеркивается важность исследований в рамках данного направления, так как преднамеренная профессиональная деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы приобретает осмысленность исключительно и благодаря способности к рефлексии. Исследование уровня выраженности рефлексии у сотрудников позволило сформулировать аргументированные выводы как в отношении их способности к построению осмысленного образа своей службы, так и в прогнозировании профессиональной компетентности субъектов труда. При этом, в настоящей статье подчеркивается специфичность проявления рефлексивной регуляции в зависимости от стажа служебной деятельности и принадлежности к разным структурным подразделениям исправительных учреждений. Рефлексивная регуляция сотрудников уголовно-исполнительной системы в данном исследовании изучается автором с позиций системно-субъектного подхода, разработанного Е. А. Сергиенко.

Ключевые слова: системно-субъектный подход, субъект, рефлексивная регуляция, сотрудник уголовно-исполнительной системы, отдел безопасности, отдел охраны.

В последние десятилетия перед правоохранительными органами Российской Федерации, а в частности, перед уголовно — исполнительной системой (далее — УИС), остро стоит проблема подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно функционировать в качестве субъектов своей служебно-профессиональной деятельности. При этом, не менее важным аспектом в постановке данной проблемы является вскрытие психологических закономерностей профессионального функционирования в напряженных и «агрессивных» условиях служебной деятельности. В связи с этим, исследование рефлексии сотрудников УИС как способности управления своей деятельностью через регуляцию имеющихся индивидуальных закономерностей в условиях неопределенности и стрессогенности, является перспективным. Не менее перспек-

тивным является исследование заявленной проблемы с позиций системно-субъектного подхода, разработанного Е. А. Сергиенко [7, 8, 9].

В рамках системно-субъектного подхода центральной категорией выступает категория субъекта [7, 8, 9]. При этом, важным предиктором развитой субъектности является рефлексия [1, 8].

С точки зрения А. К. Осницкого, синтез знаний и представлений человека как о себе, так и о своих возможностях, происходит за счет способности к рефлексии [5].

С позиции В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, в самовосприятии человека строится его цельный образ и модификация этого образа при постоянных обновлениях

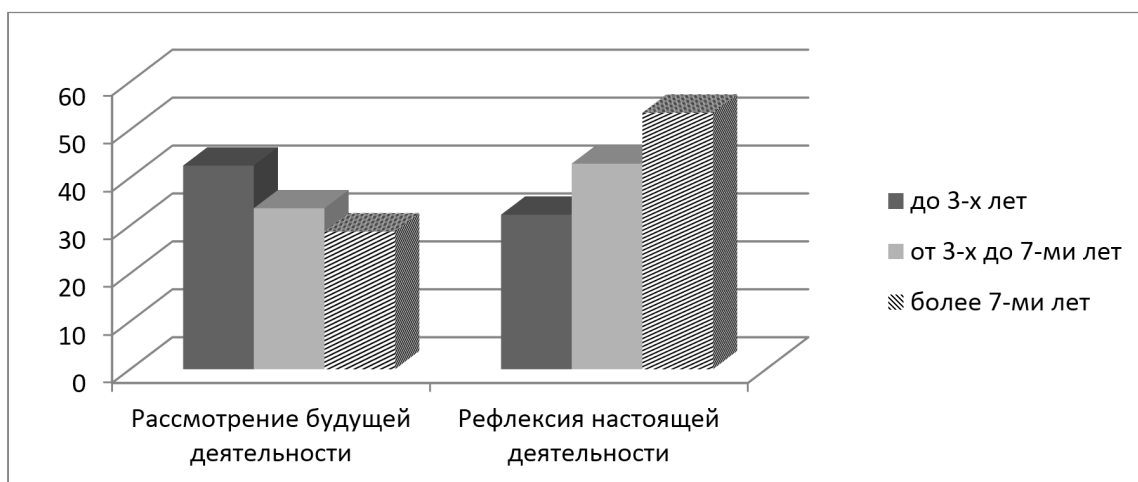

Рис. 1. Результаты исследования в отделе безопасности (по критерию стажа служебной деятельности) («Индивидуальная мера рефлексивности» А. В. Карпова с использованием средних значений)

и корректировке информации о себе [10]. Более того, рефлексия репрезентируется в двух взаимообусловленных аспектах: в собственной соотнесенности человека к самому себе и в его деятельности [1].

Осознанность, целенаправленность, стратегическое планирование, анализ конкретных условий функционирования, ориентация на определенные способы и средства достижения поставленных целей, творчество и нестандартность при реализации своей деятельности, корректировка своих действий, осмысленность и, в конечном итоге, качество степени достижения результата,— оказываются возможными благодаря рефлексивной регуляции.

Данное исследование было проведено на базе исправительных учреждений ГУФСИН России по Челябинской и Курганской областям. Общее количество принявших участие — 207 сотрудников младшего начальствующего состава исправительных колоний строгого режима; мужчины в возрасте от 19 до 44 лет. Сотрудники были распределены по субвыборкам в зависимости от стажа служебной деятельности (до трех лет в УИС, от трех до семи, от семи и более), а также по факту принадлежности к отделу безопасности и отделу охраны.

Принципиальным различием между указанными структурными подразделениями является степень контактности с осужденными. Так, для сотрудников отдела безопасности характерно ежедневное профессиональное взаимодействие с осужденными, что обусловлено спецификой трудовой деятельности в данном отделе: обеспечение соблюдения спецконтингентом правил внутреннего распорядка в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Для сотрудников отдела охраны не свойственен контакт с осужденными, напротив, специфика службы не предполагает данного взаимодействия. Сотрудники отдела охраны несут службу с огнестрельным оружием и созданы в исправительных учреждениях в целях предотвращения побегов осужденных.

Объект исследования — рефлексия сотрудника УИС

Предмет — особенности рефлексии сотрудников УИС в зависимости от стажа служебной деятельности и трудовой специализации.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что по мере увеличения стажа служебно-профессиональной деятельности и в связи с трудовой специализацией у сотрудников УИС специфицируются особенности рефлексивной регуляции.

Для исследования особенностей рефлексивной регуляции сотрудников режимной и охранной служб была выбрана «Методика определения индивидуальной меры рефлексивности» А. В. Карпова (Карпов, 2003). Операции математического анализа были осуществлены на базе SPSS (версия 22.0; SPSS Inc., США).

Анализ полученных результатов свидетельствует о качественных и количественных особенностях рефлексии сотрудников УИС, что проявляется в выраженности показателей по шкалам данной методики: «рефлексия настоящей деятельности» и «рассмотрение будущей деятельности» во всех группах обследуемых: и в зависимости от трудовой специализации, и в зависимости от стажа служебной деятельности.

Таблица 1. Результаты исследования в отделе безопасности с использованием непараметрического критерия Н — Краскела-Уоллеса («Индивидуальная мера рефлексивности», А. В. Карпов)

	Рефлексия настоящей деятельности	Рассмотрение будущей деятельности
Хи-квадрат	50,861	21,863
р	0,000	0,000

Таблица 2. Результаты дискриминантного анализа независимых выборок сотрудников отдела безопасности, «Индивидуальная мера рефлексивности», А. В. Карпов

	Лямбда Уилкса	F	р
Рефлексия настоящей деятельности	0,041	32,819	0,012
Рассмотрение будущей деятельности	0,037	31,353	0,006

Таблица 3. Результаты исследования в отделе охраны с использованием непараметрического критерия Н — Краскела-Уоллеса («Индивидуальная мера рефлексивности», А. В. Карпов)

	Рефлексия настоящей деятельности	Рассмотрение будущей деятельности
Хи-квадрат	21,066	46,923
р	0,000	0,000

Особенности рефлексивной регуляции сотрудников отдела безопасности

Молодые сотрудники отдела безопасности (до трех лет в УИС) демонстрируют понижение показателей по шкале «рефлексия настоящей деятельности» и повышение показателей по шкале «рассмотрение будущей деятельности» (рис. 1, табл. 1, 2)

Это обусловлено тем, что на первоначальных этапах служебной деятельности молодые сотрудники редко привлекаются к исполнению ответственных и нестандартных задач, вовлечены в процесс профессионального обучения и, в связи с этим, ориентированы на те ситуации на службе, которые находятся в «перспективе». Но по мере увеличения лет, отработанных в УИС, отмечена диаметрально противоположная тенденция: увеличение показателей по шкале «рефлексия настоящей деятельности» и понижение по шкале «рассмотрение будущей деятельности» (рис. 1, табл. 1, 2); в большей степени выраженность показателей присутствует в субвыборках сотрудников отдела безопасности, имеющих стаж службы более семи лет в УИС. Данная тенденция может быть обусловлена спецификой трудовой деятельности в отделе безопасности: нестандартностью и непоследовательностью решаемых задач, их разнообразием, ограниченными временными ресурсами, а также постоянным профессиональным контактом с осужденными. Повышение показателей по данной шкале проявляется как способность к оперативному анализу сложившихся

обстоятельств и гибкому реагированию на изменяющиеся условия службы.

Проведенные нами исследования личности сотрудника УИС [3, 4] свидетельствует о том, что у сотрудников отдела безопасности отсутствует когнитивная ригидность, что проявляется в увеличении способности лавировать в нестандартных служебно-профессиональных ситуациях, а также в способности своевременно оценивать и корректировать имеющиеся модели поведения в зависимости от усложнения условий деятельности.

Наряду с этим, понижение показателей по шкале «рефлексия будущей деятельности» у сотрудников отдела безопасности соразмерно выслуге лет также вполне обусловлено. В силу нестабильности трудовой деятельности сотрудники не видят смысла моделировать будущую служебно-профессиональную ситуацию. В процессе реализации своих функций демонстрируют в большей степени ориентированность на саму цель, а не на процесс ее достижения, в силу чего часто допускают ошибки в деятельности.

Особенности рефлексивной регуляции сотрудников отдела охраны

У сотрудников отдела охраны выявлены иные тенденции. Так, на первоначальных этапах служебной деятельности статистической значимости показателей выявлено не было, в то время, как в субвыборках со стажем службы в УИС от трех до семи и от семи лет и более,

Таблица 4. Результаты дискриминантного анализа независимых выборок сотрудников отдела охраны, «Индивидуальная мера рефлексивности», А. В. Карпов

	Лямбда Уилкса	F	p
Рефлексия настоящей деятельности	0,109	32,201	0,002
Рассмотрение будущей деятельности	0,084	28,605	0,001

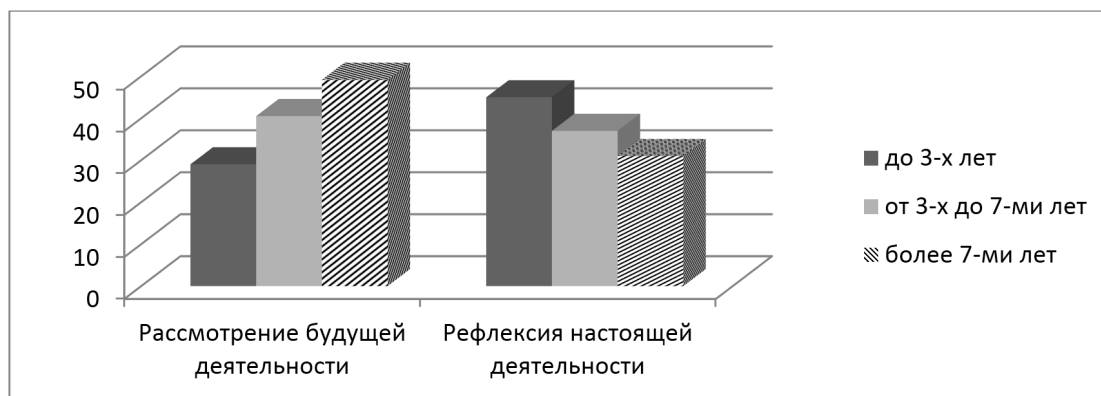

Рис. 2. Результаты исследования в отделе охраны (по критерию стажа служебной деятельности) («Индивидуальная мера рефлексивности» А. В. Карпова с использованием средних значений)

наблюдается понижение показателей по шкале «рефлексия настоящей деятельности» и повышение по шкале «рассмотрение будущей деятельности» (рис. 2, табл. 3, 4). Полученные тенденции в рефлексивной регуляции можно объяснить следующим образом. Профессиональная деятельность сотрудников отдела охраны не предполагает разнообразного характера выполняемых служебных задач, отличается четкой алгоритмизированностью протекающей деятельности, доведением до автоматизма выполняемых служебных функций. У субъектов труда в данном случае нет необходимости в быстрой перестройке имеющейся программы деятельности.

Личный состав ориентирован на предстоящие действия в случае возникновения побега со стороны осужденного, так как основной целью в деятельности роты охраны является профилактика побеговой активности. Таким образом, личный состав отдела охраны демонстрирует диспозицию на будущее, то, как они будут

действовать в ситуации чрезвычайного происшествия, так как культивируемая в данном профессиональном сообществе роль службы охраны в предотвращении побега способствует гипертрофированному чувству ответственности, напряженности и самоконтролю.

Таким образом, выявленные изменения в рефлексии сотрудников УИС специфизированы условиями выполняемой деятельности. У сотрудников отдела безопасности усиливается способность в рефлексии наличных условий «здесь и сейчас», у сотрудников отдела охраны ориентация на будущие события, при общем понижении в рассматриваемых группах уровня фундаментального осмысления сущности своего труда, своих возможностей и способности выйти за пределы представленной ситуации и критично осмыслить происходящее. Таким образом, мы констатируем снижение в рефлексивной регуляции личного состава исправительных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. — М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2005—448 с.
2. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. — 2003 — Т. 24. — № 5. — С. 45—57.
3. Красник, В.С., Кадочникова, И. В. Структурные изменения личности в деятельности профессионала в зависимости от условий профессиональной деятельности (на примере сотрудников исправительных учреждений) / В. С. Красник, И. В. Кадочникова // «Роль та місце ОВС у розбудові демократичноі правової держави», VII Міжнароднонауково-практичноі конференції (2015; Одеса). Матеріали VII Міжнароднонауково-практичноі конференції «Роль та місце ОВС у розбудові демократичноі правової держави» 05 березня 2015 року. — Одеса: ОДУВС, 2015. — 260 с.

4. Красник, В.С., Кадочникова И. В. Особенности контроля поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от стажа служебной деятельности (на примере отдела безопасности) // Современные атрибуты теории и практики психологии и педагогики: сборник научных трудов, посвященный 20-летию юбилею Факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета / под общ.ред. С. А. Репина, И. В. Пономаревой. — Челябинск: Изд-во Печатный двор, 2017. — С. 155–161.
5. Осницкий А. К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 [Электронный ресурс]// Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.07.2019).
6. Сергиенко Е. А. Континуально-генетический принцип становления субъекта//Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. — М.: Институт психологии РАН, 2009. — С. 50–67.
7. Сергиенко Е. А. От когнитивной психологии к психологии субъекта // Психологический журнал. — 2007. — Т. 28. — № 1. — С. 17–27.
8. Сергиенко Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. — 2013. — Т. 34. — № 2. — С. 5–16.
9. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива// Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 1. — С. 120–132.
10. Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 619 с.

© Кадочникова Ирина Владимировна (irishchkadraga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Челябинск

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ПАЦИЕНТОВ СТАЦИОНАРА НА ЭТАПЕ АДАПТАЦИИ ИХ К ДИАГНОЗУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ

EMOTIONAL EXPERIENCES OF HIV-INFECTED HOSPITAL PATIENTS AT THE STAGE OF ADAPTATION TO DIAGNOSIS DEPENDING ON THEIR CHURCHING

A. Kadyshv

Summary. The article investigates some emotional and spiritual experiences of HIV-infected patients with ICB № 2 of Moscow at the stages of their adaptation to diagnosis depending on their church-going. The article considers the feeling of loneliness and ways to overcome it by patients; their fears; the degree of dissatisfaction with life; self-condemnation; recognition of guilt and justice of punishment; sadness, irritability, tendency to tears; self-absorption, suicidal tendencies. It is established that despite the increased emotionality of in-churched patients, among them more working, interested in the problems of other people who are worried not only about their health, but also about the health of loved ones who have reconciled with God and accepted the diagnosis. Among them, fewer are those who fall into the risk of suicide. Studies have shown that the spiritual care of HIV-infected hospital patients has a beneficial effect on their physical and emotional state. Spiritual care of HIV-infected patients can be considered as an integral part of antiviral therapy.

Keywords: HIV-infected patients, emotional problems, church-going, the risk of suicide, adaptation to the diagnosis.

Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний)

К.м.н., к. богословия, докторант,
Общecerковная аспирантура и докторантура
им. свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия;
врач-стоматолог, АНО ЦКБ св. Алексия, г. Москва
i8e2008@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются некоторые эмоциональные и духовные переживания ВИЧ-инфицированных пациентов ИКБ № 2 г. Москвы на этапах их адаптации к диагнозу. В статье рассмотрено чувство одиночества и способы преодоления его больными; их страхи; степень неудовлетворенности жизнью; осуждение себя; признание вины и справедливости наказания; печаль, раздражительность, склонность к слезам; погруженность в себя, склонность к суициду. Установленно, что несмотря на свою повышенную эмоциональность, воцерковленные пациенты более коммуникабельны, среди них больше работающих, интересующихся проблемами других людей, беспокоящихся не только о своем здоровье, но и о здоровье близких, примирившихся с Богом и принявших диагноз. Среди них меньше тех, кто попадает в группы риска суицида. Исследования показали, что духовное попечение ВИЧ-инфицированных пациентов стационара оказывает благоприятное влияние на их физическое и эмоциональное состояние. Духовное попечение ВИЧ-инфицированных пациентов можно рассматривать в качестве составной части антивирусной терапии.

Ключевые слова: адаптация к диагнозу, ВИЧ-инфицированные пациенты, воцерковленность, эмоциональные проблемы, риск суицида.

Ведение

Эпидемия вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) поставила человечество перед лицом угрозы выживания. На борьбу с ней были мобилизованы усилия и ресурсы многих стран. Это позволило в некоторой степени стабилизировать эпидемиологическую ситуацию в мире. На данном этапе эпидемии одна из главных забот — оказание помощи тем, кто живет с ВИЧ. Для этого необходимо иметь ясное представление о том, какие проблемы физиологического, психологического (эмоционального) и духовного характера свойственны ВИЧ-инфицированным пациентам [2, 3].

О проблемах физиологического характера ВИЧ-инфицированных сказано и написано много, разработаны многочисленные методики антиретровирусной терапии (АРТ), позволяющие если не излечить, то существенно

отдалить неизбежную кончину больного. Исследуются и психологические проблемы ВИЧ-инфицированных людей, их эмоциональные и духовные переживания и этапы адаптации к диагнозу, указывается на необходимость учитывать изменения эмоционального состояния пациентов. Многократно описаны фазы адаптации к смертельному диагнозу (отрицание заболевания; гнев, протест; фаза торга; депрессия; принятие диагноза или согласие). Кроме них могут встречаться и другие состояния или реакции больного на диагноз, такие как страх, изоляция, чувство вины, снижение самооценки, озлобленность и др. Некоторые из них, например, страх смерти или реакция на известие о неизлечимом заболевании, могут вызвать/повысить интерес к духовным вопросам. Результатом размышлений на духовные темы может стать осознание греха, примирение с Богом и принятие диагноза. А это часто приводит человека к мысли о необходимости принимать лечение [1, 2, 3].

Целью данной работы является изучение некоторых эмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных людей, проявляющихся у них в процессе адаптации к диагнозу, в зависимости от их воцерковленности. Термин «воцерковленный человек» применим к крещеному в Православии человеку, который соблюдает обрядовую сторону Православной веры и пытается жить в соответствии с православными традициями. Крещеный человек не всегда может быть воцерковленным.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились в ВИЧ-отделении Инфекционной клинической больницы № 2 (ИКБ № 2) г. Москвы в течение двух лет (2014–2015 гг.). В работе использовался метод глубинного интервью пациентов по специально разработанной нами анкете, в основу которой был положен принцип описания человека, как единство и гармонии тела, души и духа, предложенный профессором В. Ф. Войно-Ясенецким (свт. Лукой Симферопольским и Крымским) [4].

Опросу подверглись 220 пациентов трех лечебных ВИЧ-отделений ИКБ. Исследование было выборочное и случайное, генеральная совокупность однородной (по приверженности пациентов к наркотикам, их социальному статусу и стадии заболевания). Качество выборочного социологического исследования, каким является наше, определяется репрезентативностью и обоснованностью выборки. А ее обоснованность, в свою очередь, определяется гарантией ошибки выборки. Мера неточности оценки — e (ошибка репрезентативности, доверительный интервал, разброс ошибки) — вычислялась по формуле [5]:

$$e = Z \cdot [p(1-p)]^{0,5} \cdot (1 - n/N)^{0,5} / (n-1)^{0,5},$$

где Z — коэффициент достоверности (1,96 для +/- 95%);

p — ожидаемая частота результата; чтобы исключить недооценку объема выборки для расчета необходимой случайной выборочной совокупности использовалась максимальная величина $p=0,5$;

N — численность генеральной совокупности; $N=3641$ (количество пролеченных пациентов ВИЧ-отделений за период проведения опроса);

n — объем выборки при бесповторном, случайном опросе, $n = 200$.

Из формулы следует, что $e = +/- 6,4\%$. Для характера наших исследований полученная точность допустима.

Анкеты пациентов были обработаны профессионально на языке AWK. Использованный пакет программиро-

вания состоял из нескольких программ, каждая из которых отдельный модуль, рассчитывающий отдельную задачу. На входе (сводные таблицы данных анкетирования) и на выходе (таблицы и графики) использовался Excel. Язык AWK использовался для валидации (проверки) данных, предварительной обработки и кодировки, а затем обработка проводилась профессиональным статистическим пакетом R.

В данной статье предлагается рассмотреть результаты обработки анкет пациентов по вопросам, касающимся эмоциональной картины внутреннего мира ВИЧ-инфицированного человека (душевный мир; «душа»).

Результаты исследований

Результаты индивидуального глубинного интервью пациентов были обобщены по гендерному признаку, по возрасту пациентов и по признаку их воцерковленности [1]. Следует особо отметить, что воцерковленность большинства пациентов ВИЧ-отделения ИКБ заключается всего лишь в знании и относительно регулярном чтении 1–2 молитв. В наших исследованиях этот критерий был взят нами за нижний порог их воцерковленности. Из 220 опрошенных пациентов 83% были крещены в Православии и 78% — воцерковленными (в подавляющем большинстве, условно воцерковленными). И даже при таком допущении в критерии воцерковленности, анализ эмоциональной картины внутреннего мира ВИЧ-инфицированных пациентов стационара показал заметные расхождения в ответах воцерковленных, крещенных и всех пациентов в целом.

Чувство одиночества и способы преодоления его

Воцерковленные и крещеные пациенты ВИЧ-отделения почти в равной степени испытывают чувство одиночества, но обе группы больных подвержены ему в меньшей степени, чем все пациенты в целом: 25,3% и 25,7% (28,2% все). В основном, ответы были: «Редко» и «Никогда»: 73,5% воцерковленных, 71,6% крещеных, 69,1% всех в целом.

На вопрос, что позволяет пациентам не чувствовать одиночество, голоса, при всем многообразии выбора ответов, распределились между тремя из них:

1. «Со мной живет любящий меня человек (любящие люди)». Ответ показал, что у воцерковленных пациентов самая высокая степень «семейности»: 53,0% (у крещеных — 44,3%, у всех в целом — 45,5%);
2. Ответ «Я привык быть один и ни от кого не зависеть» показал меньшую замкнутость воцерковленных пациентов: его выбрали менее тре-

ти из них (28,9%), тогда как крещеных — 36,6%, а всех респондентов в целом — 34,1%;

3. Ответ «Вера в Бога помогает мне не чувствовать себя одиноким» оказался доминирующим у воцерковленных: 51,8%; 35% крещеных и 33,2% всех в целом.

Методы борьбы с одиночеством подтверждают догадку о большую коммуникабельность воцерковленных: «Звоню друзьям/знакомым» — 62,7%, против 60,7% у крещеных (59,1% у всех в целом); «Общаюсь в соцсетях...» — 42,2%, против 41,0% у крещеных (39,1% у всех в целом); «...общаюсь на улице» — 37,3% против 31,7% у крещеных (30,0% все). Они реже испытывают «любовь к уединению»: 33,7%, против 36,6% у крещеных и 34,5% у всех пациентов в целом.

В борьбе с одиночеством воцерковленные почти в 1,7 раз чаще, чем крещеные и в 1,6 раз чаще, чем все в целом (30,1%, против 17,5% крещеных и 18,6% всех в целом) выбирали Церковь и/или общение со священником. И хотя это в 1,7 раз меньше, чем число ответивших, что вера в Бога помогает им не чувствовать себя одиноким (30,1% против 51,8%), соотношение верующих и посещающих церковь, даже выше, чем у всех россиян в целом [6]. Кроме того, воцерковленные реже выбирают некоммуникативные средства борьбы: только 19,3% выбрали вариант: «Читаю; слушаю музыку; смотрю ТВ; хожу в кино и т.п.» (23,5% крещеные и 24,5% все).

Очень редко (1%-4%; за пределами точности наблюдений) с проблемами одиночества пациенты обращаются к психологу. Это обусловлено платностью услуги, а также тем, что людям не всегда требуется специалист именно этого профиля, когда речь идет о проблемах духовного плана. Опрос показал, что ВИЧ-инфицированные обращаются к священнику и в Церковь в 5–12 раз чаще, чем к психологу (по различным группам исследования).

Предельное чувство одиночества — «гнетет одиночество» — оказалось присущим почти в равной степени и воцерковленным (9,6%), и крещеным (9,3%). Но у всех пациентов в целом показатель несколько выше: 10,5%. Люди, выбравшие этот ответ, потенциально попадают в группу подверженных депрессии (унынию, отчаянию, тоски).

Страхи

Исследования показали, что воцерковленные пациенты в большей степени, чем другие, подвержены страхам всех видов.

1. Кроме страха смерти, который воцерковленные, крещеные и все пациенты в целом испытывают почти в равной степени (около 22%), остальные

биологические страхи испытываются воцерковленными, по сравнению с другими, с превышением показателей от 5% (страх ухудшения своего здоровья) до 20% (страх за здоровье близких).

2. Из социальных страхов больше всего воцерковленные пациенты боятся «быть в тягость близким» (56,6%, против 51,4% у крещеных и 51,8% у всех) и «потерять работу» (42,2%, против 32,2% у крещеных и 33,2% у всех). Большое число выбравших второй из ответов показывает, что в группе воцерковленных меньше неработающих или озабоченных поиском средств для существования, чем в других группах. Это же подтверждается незначительным числом тех, кто выбрал ответ о страхе «не найти работу». Таких оказалось 14,5%, что в 1,4–1,5 раз меньше, чем показатель для крещеных и всех пациентов в целом, что является самым низким показателем по всем изученным группам.
3. Самый распространенный экзистенциальный страх у ВИЧ-пациентов — «Страх неизвестности». Но у воцерковленных он получил максимальное число голосов: 39,8% (30,6% у крещеных, 29,5% у всех).

Все ВИЧ-инфицированные почти в равной мере испытывают страх «без видимой причины»: 25,3% воцерковленных, 25,1% крещеных, 23,2% все в целом.

Единственный вид экзистенциальных страхов, который воцерковленные испытывают немного меньше, чем все другие, это боязнь «плохих примет» (10,8%, против 12,0% крещеных и 11,8% все в целом).

Вопросы о неудовлетворенность жизнью

Большинство респондентов считает, что у них в жизни было не слишком много неудач и часто не включает в их список свою болезнь. По сумме трех ответов — «Нет/я везучий человек/ не чувствую, что неудач в моей жизни было много, но они были, как у любого человека» — воцерковленные почти не отличаются от других (59,0%; 60,1% крещеных и 59,2% всех). А 62,7% воцерковленных, 63,4% крещеных и 62,2% всех в целом заявили, что вполне удовлетворены своей жизнью.

Но даже среди тех, кто признает, что у них в жизни неудач было больше, чем у других, только 10,8% воцерковленных заявили: «Да, я полный неудачник» (грех уныния). У крещеных этот показатель 14,2% и почти столько же — 14,1% — всех пациентов в целом. У тех же, кто «скорее неудовлетворен своей жизнью» (19,3% воцерковленных, 15,3% крещеных и 15,5% всех), «полностью не удовлетворенных жизнью, которым всё надоело» (крайняя степень уныния) среди воцерковленных меньше, чем в других: 6% (8,7% кре-

щенных, 8,6% всех). Это характеризует воцерковленных как одну из самых позитивных групп из всех исследованных.

Вопросы о заслуженности счастья

На вопрос, кажется ли респондентам, что другим людям повезло в жизни больше, чем им, приоритетный ответ был: «У всех есть неприятности». У воцерковленных (62,4%) выбор лежит в том же диапазоне значений, что и у крещеных (64%) и у всех в целом (63,7%), а результаты почти совпадают с ответом об удовлетворенности жизнью в предыдущем вопросе (о неудовлетворенности жизнью) и свидетельствуют о большом числе пациентов, далеких от состояния уныния.

Нельзя отнести к пребывающим в унынии и не определившимся с ответом (12% воцерковленных, 12,5% крещеных и 14,1% всех в целом) или выбравших ответ: «Повезло меньше, чем большинству людей» (16,9% воцерковленных, 15,8% крещеных, 16,3% всех в целом). Об унынии свидетельствует ответ: «Я вообще неудачник». У воцерковленных (как и в предыдущем вопросе о неудовлетворенности жизнью) и крещеных таких по 6,0% (за пределами точности измерений). У всех пациентов в целом — 6,8%.

Опрос показал, что большинство респондентов склонны искать вне себя причины своего неуспеха в жизни. Чаще всего такую причину находят в невезении — «Другим повезло, а мне — нет» (41,0% воцерковленных, 37,2% крещеных и 34,5% всех в целом). Реже связывают неудачи со своим рождением «не у тех родителей» (18,1% воцерковленных, 16,4% крещеных, 17,7% всех в целом). Еще реже связывают с тем, что не встретили в жизни влиятельных людей (10,8% воцерковленных, 11,5% крещеных, 11,4% всех в целом).

Ответ об удачной женитьбе/замужестве, как о причине удач у других, у воцерковленных, крещеных и всех в целом лежит за пределами точности измерений (2,4%-2,2%), так же, как и ответ «Бог помогает им, а мне — нет» (у воцерковленных — 6,0%, у крещеных — 4,9%, у всех в целом — 4,5%).

Мало кто выбрал единственный ответ, указывающий на причины неуспеха в самих себе: «Наверное, другие лучше работали». Лишь 14,5% воцерковленных, 16,4% крещеных и 14,1% всех в целом остановили свой выбор на нем.

От 22,9% (воцерковленные) до 28,6%, (все) не определились с ответом.

В общем случае, для пациентов характерен инфантилизм и нежелание признавать ответственность за свою жизнь.

Отношение пациентов к себе; осуждение себя:

1. Изучение степени удовлетворенности собой («Вы довольны собой?») у пациентов разных групп показало, что «довольны собой» 10,8% воцерковленных, 18,0% крещеных и 17,7% всех в целом.

В таком же диапазоне лежат голоса в суммарном ответе: «Нет/ мне не за что себя критиковать/ я всё делаю правильно», на вопрос: «Вы часто критикуете себя?». Не критикующих себя воцерковленных — 14,4%, крещеных — 18,5%, всех в целом — 18,1%.

2. Вторая группа пациентов определилась из тех пациентов, которые выбрали суммарные ответы: «Иногда/часто недоволен собой»+«Нет/недоволен собой» на первый вопрос (86,7% воцерковленные, 76,5% крещенные и 75,9% все) и ответ: «Иногда/да, часто критикую себя» на второй вопрос (74,6% воцерковленные и 73,3% у крещеных и 75,2% у всех в целом). Суммарные ответы показали, что несмотря на высокую степень недовольства собой (86,7%), воцерковленные пациенты критикуют или осуждают себя в меньшей степени (74,6%), чем выражают это недовольство. Остальные пациенты недовольны собой/осуждают себя достаточно «равновесно»: 77,5%/73,3% крещеные и 75,9%/75,2% все в целом.

Это самая многочисленная группа респондентов (70–90%), которая ощущает недовольство собой и в разной степени анализирует свои поступки, подвергая их критике или осуждению. При этом, воцерковленные пациенты, проявляя большее, чем другие, внутреннее недовольство собой, тем не менее, анализируют свои поступки не более, чем другие.

3. Третья группа пациентов, в которой «ненавидят» и «во всем винят себя», самая малочисленная. Хотя показатели выбора этих ответов часто лежат за пределами точности наших измерений, на такие ответы стоит обратить внимание, т.к. эти фразы встречаются в предсмертных записках. Несмотря на то, что «самоедство» свойственно многим, но лишь воцерковленные и самых пожилые пациенты не испытывают к себе при этом ненависти: «во всем винят себя» 7,2% воцерковленных и у 8,3% пожилых, а «ненавидят» — 0%. Это обстоятельство снижает вероятность включения их в группу риска суицида.

Признание вины и справедливости наказания

Большинству респондентов в той или иной степени присуще чувство вины (более 97%). Только 2,2%-2,4% па-

циентов дали отрицательный ответ на вопрос: «Посещает ли Вас чувство вины?».

Но на вопрос: «У Вас есть ощущение, что Вы наказаны за что-то?» ответы: «Нет/чего нет, того нет/ редко» выбрало от 1/4 до 1/3 респондентов. Это показывает, что у значительной части опрошенных существует определенный протест против мысли, что какой-то их поступок может заслуживать наказания. В меньшей степени это свойственно воцерковленным: 24,1%, против 28,4% у крещеных и у всех респондентов в целом — 30,4%.

О том же самом говорит и вторая пара ответов на эти вопросы. Ответ: «Иногда чувствую себя виноватым/довольно часто чувствую себя виноватым» выбрали 85,5% воцерковленных, 84,7% крещеных и 84,5% всех в целом (на первый вопрос), показав, что чувство вины в большей степени присуще воцерковленным респондентам. А сумма ответов: «Иногда мне кажется, что кое за что меня следует наказать/ меня следовало бы здорово наказать за многие вещи» выбрали 44,4% воцерковленных, 37,1% крещеных и 33,3% всех в целом (на второй вопрос) уже явно продемонстрировала, что часть пациентов осознает справедливость/ необходимость наказания за поступок/проступок (признание вины, раскаяние).

Однако среди осознающих вину в 2–3 раза меньше тех, кто согласен лично нести ответственность за содеянное (33,3%-44,4% против 84,5%-85,5%). Больше всех согласных понести наказание среди воцерковленных (примирение с наказанием; принятие диагноза и, как правило, принятие лечения).

«Постоянно испытывают чувство вины» 9,6% воцерковленных, 9,8% крещеных и 8,6% всех в целом. А «чувствуют себя уже наказанными» более 30% респондентов: воцерковленных — 32,2%, крещеных — 27,8% и всех в целом — 31,8%. Большое число тех, кто чувствует себя наказанным, но не испытывает при этом чувства вины, относит таких пациентов к группе, в которой у людей есть ощущение чрезмерности наказания, наказания не по заслугам (состояние отчаяния, уныния и чувство бессильного протеста, злости).

Печаль, раздражительность,
склонность к слезам

Ответы на вопрос: «Вы чувствуете себя расстроенным или печальным?» обнаружили, что большинство больных не склонно к излишнему унынию. Всего лишь 1,1% воцерковленных и 1,2% крещеных и 1,4% все в целом выбрали ответ: «Настолько расстроен и печален, что с трудом переношу это» (за пределами точности измерений). Крайняя степень печали соотносится с воз-

растом пациентов. Больше всего таких среди двадцатилетних — 4,0%. Этот показатель совпадает со статистикой самоубийств среди молодых [7]. Никто из пожилых не выбрал этот ответ, несмотря на то, что среди них гораздо большее число пациентов с низким социальным статусом (бомжей, пенсионеров), чем среди двадцатилетних.

В основном, респонденты выбирали ответы: «Редко расстраиваюсь, я веселый человек/ случается, что расстраиваюсь, но не более, чем все». Их выбрали 63,8% воцерковленных и 71,6% крещеных, что свидетельствует о большей склонности воцерковленных к печали, чем других: 30% (21,2% крещеных, 23,2% всех в целом).

Среди воцерковленных почти наивысший показатель склонности к слезам: 89,1% (85,3% у крещеных, 85% у всех в целом). Но среди «гораздо чаще плачущих»/«постоянно плачущих» воцерковленных не так много: 8,4%. Среди крещеных (12%) и всех в целом (11,8%) таких в 1,5 раза больше. А ответ о крайней степени уныния — «Раньше мог плакать, а теперь нет, даже если хочется» — воцерковленные вообще пропустили: 0% (около 1,6% в других группах; за пределами точности измерений).

Среди воцерковленных много пребывающих в состоянии повышенного раздражения («легко раздражусь»): 53% (44,9% крещеных и 45% всех в целом). Состояние апатии (одной из крайних степеней уныния) отмечают 1,6%-6,1% пациентов, но особенно подвержены ей воцерковленные (6%). У крещеных показатель ниже: 4,9% (все значения за пределами точности измерений).

Погруженность в себя;
склонность к суициду

Проблема суицида стоит обособленно в ряду других эмоциональных проявлений смертельно больного человека. Многие неизлечимо больные (в том числе ВИЧ-инфицированные больные) переживают приступы желания покончить жизнь самоубийством. Такие мысли чаще появляются у людей при внезапном сообщении о неизлечимом заболевании; у тех, кто испытывает интенсивную потребность в контроле; если человек разочарован в обещанных перспективах выздоровления; у людей, переживающих одиночество. Мысли и попытки суицида посещают человека, когда он выходит из полного отчаяния, из глубокой депрессии и сталкивается с ужасным эмоциональным напряжением из-за того, что необходимо коренным образом менять жизнь. Человеку кажется, что его проблемы неразрешимы и что проще убить себя, чем прилагать невозможные усилия для перестройки жизни [1, 3].

Однако самоубийство не только лишает человека возможности развиваться и приобретать опыт в результате собственных страданий, но и не позволяет искупить страдания, которые он сам причинил другим. Упорное нежелание пациента в это время говорить на темы о вере и Боге, может быть следствием его подсознательной обиды на жизнь, а значит, и на Бога как на источник жизни и даже подсознательной «борьбы» с Богом.

Предвестниками суицидального состояния может быть повышенная погруженность у человека лишь в свои мысли, утрата интереса к окружающему, в том числе к окружающим людям и их проблемам.

Опрос показал, что меньше стали интересоваться другими людьми или их проблемами и отметили полную погруженность в свои мысли 28,9% воцерковленных, 30,6% крещеных и 32,3% всех в целом. Но полностью утратили интерес к другим людям и чужим проблемам только 0,5% крещеных и всех респондентов в целом (значения за пределами точности измерений). Воцерковленные пропустили этот ответ, что свидетельствует о том, что большинство пациентов стационара не относятся по этому показателю к группе риска суицида.

Прямой вопрос анкеты о посещаемости суицидальных мыслей респондентов показал, что они посещают большинство респондентов (64,6% — 67,6%), хотя их оттенки отличаются разнообразием. Выделяются три варианта ответов:

1. Ответ «Мне в жизни несколько раз приходила такая мысль, но я отгонял ее» воцерковленные выбирали чаще, чем крещеные и все в целом (39,8%, 35,0% и 34,1%, соответственно), и показывает, что **воцерковленные заметно чаще отвергают** такую мысль, чем все другие.
2. Вариант ответа, указывающий, что суицидальные мысли постепенно превращаются в идею, которую больной пока еще старается не принимать — «Такие мысли приходят, но я не буду их осуществлять» — показал, что разрыв во мнениях сократился до величины меньшей точности измерений: у воцерковленных (19,3%), крещеных (20,8%) и всех респондентах в целом (20,0%) по результатам этого ответа не большие отличия. Однако **воцерковленным такие идеи приходят реже**, чем к другим.

3. Ответы «Да»/«Такие мысли часто посещают меня» говорят о том, что мысль о суициде превратилась в идею и уже не отвергается респондентом, а только констатируется. Опрос показал, что этот вариант выбирается достаточно часто всеми: 8,2% воцерковленными, 9,3% крещеными и 8,7% всеми респондентами в целом. Но **среди воцерковленных их опять меньше на 9%-11%**, чем в двух других группах.

Заключение

Из приведенного выше анализа следует, что воцерковленные пациенты относительно в меньшей степени подвержены чувству одиночества, более коммуникативны, а это, в свою очередь, уменьшает вероятность депрессии у них.

Результаты исследований показали, что воцерковленные пациенты в большей степени, чем другие, обращены в своих заботах и беспокойствах не только о себе, но и о близким. Хотя, в общем случае, для ВИЧ-инфицированных всех групп характерно нежелание нести ответственность за свою не сложившуюся судьбу, характерны поиски вины вне себя, обида и злость на обстоятельства и других людей а также проявление иждивенчества, однако среди воцерковленных больше работающих и меньше тех, кто озабочен потерять ее, чем среди других.

Несмотря на свою повышенную эмоциональность (по сравнению с остальными), которая часто является причиной их раздражительности, уныния, злобы, апатии и отчаяния, среди воцерковленных больше тех, кто принял свой диагноз; среди них меньше тех, кто склонен к суициду. Эти обстоятельства говорят о необходимости духовного попечения и духовной поддержки ВИЧ-инфицированных людей Церковью, в том числе и пациентов стационаров, так как это оказывает благоприятное влияние на физическое и эмоциональное состояние больных. В этом контексте духовное попечение можно рассматривать как составную часть антивирусной терапии [1]. А полученные результаты позволяют дать обоснованные рекомендации при разработке программ подготовки священников, работающих с ВИЧ-инфицированными пациентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний (Кадышев), игумен; Егорова О. Ю. Пастырская работа с ВИЧ-инфицированными пациентами в условиях стационара. Методические рекомендации для священников Русской Православной Церкви и сестер милосердия. — М.; Изд. дом «Познание», 2019. — 128 с.
2. Бартлетт, Дж., Редфилд, Р., Фам, П., Мазус, А. И. Клинические аспекты ВИЧ-инфекции. // Российское издание. — М.; ГРАНАТ, 2013. — 696 с.
3. Кюблер-Росс, Э. О смерти и умирании. — М.; «София», 2001. — 110 с.
4. Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. — Минск; Изд.: Белорусская Православная Церковь, 2015. — 191 с.

5. Bland, M. An Introduction to Medical Statistics, 3rd. ed. — Oxford: Oxford University Press 2000. // Available at: — URL: <http://www.pubhealth.spb.ru/COPC/STATSH/ssize.htm> (дата обращения 07.11.2014).
6. Сайт ИНТЕРФАКС: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=55819> (дата обращения 18.07.2015).
7. Сайт РОССТАТ: // — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 18.07.2015).

© Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний) (i8e2008@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦКБ св. Алексия

АРХЕТИП ТРАВМИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМИ РАННИМИ ДЕЗАДАПТИВНЫМИ СХЕМАМИ

ARCHETYPE OF THE POST-TRAUMATIC PERSONALITY WITH VARIOUS EARLY MALADAPTIVE SCHEMES

**T. Kapustina
A. Elzesser
S. Tsyngunov**

Summary. This article presents the results an empirical study of the post-traumatic person archetypes with various early maladaptive schemes. The sample of the study consisted of 94 students aged 18–25 years. The study showed that there is a link between different archetypes and early maladaptive schemes, both for a traumatized (Warrior, Orphan, Seeker, Destroyer, Lover), and an individual who did not experience trauma (Innocent, Seeker, Destroyer, Creator, Mage). The obtained results in this study can be explained by the not integrated experience of trauma is suppressed in everyday life in adulthood and manifests itself through early maladaptive schemes which effects are offset by the strategy of the archetype in the personality structure prevailing.

Keywords: archetype of personality, archetype of traumatized personality, post-trauma personality, psychological trauma, early childhood trauma, early maladaptive schemes, early childhood experience.

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)

12_archetypesplus@mail.ru

Эльзессер Анастасия Сергеевна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)

der_falter@mail.ru

Цыгунув Сергей Батоевич

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
sergeytsyngunovvl@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования архетипов личности, имеющей травматический опыт, с разными ранними дезадаптивными схемами. Выборку исследования представили 94 студента в возрасте 18–25 лет. Исследование показало, что имеется взаимосвязь между разными архетипами и ранними дезадаптивными схемами, как у травмированной (Воин, Сирота, Искатель, Разрушитель, Влюбленный), так и не травмированной личности (Невинный, Искатель, Разрушитель, Творец, Маг). Полученные результаты могут говорить о том, что не интегрированный личностью травматический опыт, вытесняемый из обыденного сознания во взрослой жизни, проявляется в ранних дезадаптивных схемах, действие которых компенсируются стратегией преобладающего в структуре личности архетипа.

Ключевые слова: архетип личности, архетип травмированной личности, психологическая травма, травма раннего возраста, ранние дезадаптивные схемы, ранний детский опыт.

Введение

Представления об архетипах личности у людей с психологической травмой и разными ранними дезадаптивными схемами изучены мало и в большинстве случаев основываются на опыте практической работы психологов с клиентами, чьи качественные данные не имеют статистического подкрепления. При этом совершенствование теоретических представлений по данной теме способно оказать помощь специалистам-практикам — психологам, психотерапевтам, психиатрам. Выстраивание психотерапевтической работы с клиентами и пациентами с посттравматическим стрессом, осмысление таких бессознательных конструктов как архетип личности и ранние дезадаптивные схемы,

установление корреляций между данными конструктами,— всё это может позволить проводить более качественную и глубокую психологическую работу за счет понимания бессознательного таких клиентов.

Посттравматический стресс как отсроченная реакция на травматические события угрожающего или катастрофического характера оставляет глубокий след в психике человека: он способен влиять на психическое состояние, жизненный выбор, объектные отношения и поведение [14, 17, 18]. Травматическим событием могут стать ситуации опасности для жизни, к примеру, тяжелой болезни, смерти значимого лица, различные депривации в детском возрасте [11, 16]. При этом проживание травмы зависит от наличия психических

травм в прошлом [17]. Так, ранние дезадаптивные схемы — определенные устойчивые структуры поведения, сформировавшиеся в результате неудовлетворения или чрезмерного удовлетворения базовых потребностей ребенка, вносят свои коррективы в формирование реакции на травматическое событие [15]. Более того, на основе психологической травмы может сформироваться предрасположенность к выраженности определенных архетипов личности [12].

В основу исследования положены трактовка посттравмы Д. Калшеда [3] и классификация архетипов, выделенная К. Пирсон на основе работ К. Г. Юнга [6, 13], представленная в качестве типологии личности Т. В. Капустиной [4]. Под психологической травмой в юнгианском направлении психоанализа, представленном Д. Калшедом, понимается всякое переживание, вызывающее у ребенка непереносимое душевное страдание, которое запускает механизмы самосохранения. Будучи формой психологической защиты, архетипы личности становятся теми внутренними объектами, которые направлены на совладание с причиненными страданиями со стороны объектов внешних. При этом в трактовке Д. Калшеда архетипы призваны компенсировать подверженность личности психологической травматизации, «исцеляя» психику. Доминирование в психическом не единственного архетипа, а нескольких [4, 6], может объясняться многообразием травматичных ситуаций детства, требующих от психики выработать соответствующие копинг-стратегии. Несколько преобладающих архетипов способны расширить репертуар реакций личности в ситуациях травмы и сделать их достаточными для снижения интенсивности страдания. Косвенным аргументом в пользу данной позиции может служить отмечаемая в источниках юнгианского направления неоднородность проживания архетипов: подключение к энергиям данных конструктов происходит стадияльно [8]. Данной точки зрения на стадияльность архетипов придерживается и К. Пирсон, выделяя стадии подготовки, пути и возвращения [6].

Другим перспективным способом понимания посттравмы является концепция ранних дезадаптивных схем (РДС), предложенная Дж. Янгом и трактуемая им как устойчивый комплекс поведенческих реакций, представлений личности о самом себе и окружающем мире, его когнитивных конструктах и эмоциональных проявлениях, сформированных в детском и подростковом возрасте.

Необходимость установить, имеется ли взаимосвязь между ведущими архетипами у травмированной личности и ранними дезадаптивными схемами, нашла выражение в *цели настоящего исследования*.

Нарушенные базовые потребности, которые легли в основу травмы, Дж. Янг разделил на пять категорий: «нарушение связи и отвержение», «нарушенная автономия», «направленность на других», «нарушенные границы» и «сверхбдительность и запреты» [5].

Мы можем соотнести некоторые категории с описаниями архетипов. Так, архетип «Сирота» характеризуется недоверием к миру и ощущением покинутости, что может формироваться на основе эмоциональных лишений со стороны значимых лиц [7] и соотносится с такими РДС как «эмоциональная депривированность» и «дефективность/стыд». Архетип «Разрушитель» может влиять на выраженность категории «нарушенная автономия» и соотносится с РДС «зависимость» и «привилегированность», так как в позитивном модусе данный архетип позволяет достичь независимости от социального статуса.

Таким образом, мы предположили, что архетипы Сирота, Разрушитель в большей степени могут быть связаны с РДС травмированной личности.

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили 94 студента обоих полов в возрасте 18–25 лет, обучающиеся на 2–4 курсах в Тихоокеанском государственном медицинском университете и Дальневосточном федеральном университете по специальностям «Медико-профилактическое дело», «Биология», «Клиническая психология». Средний возраст испытуемых 20,4 лет.

В исследовании были использованы следующие методики: анкета «Ранний опыт отношений в семье» Р. В. Кадырова [1], опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire — LEQ), адаптированный Н. В. Тарабриной [9], проективная методика «12 архетипов плюс» Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной [4], методика SMI (Schema Modes Inventory) Дж. Янга, в переводе и адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой [5]. Для статистической обработки использовались непараметрический U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена при уровне значимости не более $\alpha = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью опросника травматических ситуаций (LEQ), адаптированного Н. В. Тарабриной, участники исследования были разделены на основную группу и группу сравнения на основе оценки индекса травматичности. Согласно критериям оценки психологической травмы, которые выделяет Н. В. Тарабарина, следует оценивать индекс травматичности, если он выше 3 баллов, то это говорит о наличии

Таблица 1. Значимые различия по шкалам анкеты «Ранний опыт отношений в семье» между двумя группами

Шкала	Сравниваемые выборки: Основная группа / Группа сравнения	Значение суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
Отвержение/ Принятие	ОГ / ГС	225,0	-3,45	0,008
Наличие ласки/ Отсутствие ласки	ОГ / ГС	246,0	-3,15	0,016
Эмоциональная доступность	ОГ / ГС	208,0	-3,70	0,001
Наличие подкрепления/ Отсутствие подкрепления	ОГ / ГС	312,0	-2,20	0,050
Наличие поддержки/ Отсутствие поддержки	ОГ / ГС	306,5	-2,27	0,042
Потери	ОГ / ГС	306,0	-2,28	0,045
Насилие/ Отсутствие насилия	ОГ / ГС	310,0	-2,22	0,049

Таблица 2. Преобладание архетипов в разных группах

Шкала	Сравниваемые выборки	Значение суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
Архетип «Служитель»	ОГ / ГС	229,0	3,4	0,0007
Архетип «Искатель»	ОГ / ГС	344,5	-2,15	0,03

психологической травмы [9]. Таким образом, если индекс травматичности был выше 3 баллов, респонденты были отнесены к основной группе (48 человек), если ниже 3 баллов — то к группе сравнения (46 человек). При этом учитывались конкретные события, которые могли бы стать причиной психологической травмы: сексуальное насилие, травмы раннего детского возраста, травмы, связанные с природными катастрофами, общие травмы.

На втором этапе исследования было установлено, как именно соотносится уровень психологической травматизации личности и ранний опыт отношений в семье. Для этого были сопоставлены шкалы методики «Ранний опыт отношений в семье» между двумя группами — основной и группы сравнения. Как видно из таблицы 1, в жизненном опыте основной группы сохраняются переживания отвержения, отсутствия ласки, эмоциональной недоступности, отсутствия подкрепления и поддержки, опыт потери. В группе сравнения отмечается опыт принятия, ласки, наличия подкрепления и поддержки, отсутствие опыта потери. Можно предположить, что ранний опыт отношений в семье становится базисом формирования последующих психологических травм. Архетипы «Сироты», «Разрушителя» и «Мудреца» не выражены ни в одной из групп.

На третьем этапе исследования были определены доминирующие архетипы личности для основной

группы и группы сравнения. Проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни анализ показал значимость различий, было установлено, что для основной группы характерна большая выраженность архетипа «Служитель», а для группы сравнения архетипа «Искатель» (Таблица 2).

Вероятно, исследуемые, которые пережили опыт психологической травматизации, частично интегрировали травматический опыт и стараются компенсировать его через помощь другим людям. Действие архетипов «Разрушитель» и «Сирота» не активны, а интеграция пережитого опыта происходит через архетип «Служитель», что соответствует «раненому целителю», описанному Д. Калшедом [3]. Выраженность архетипа «Искатель» может говорить о том, что для группы сравнения характерно желание найти себя и исследовать окружающий мир, что характерно для юношеского возраста исследуемых [7].

На четвертом этапе исследования выраженность архетипов личности была сопоставлена с ранними дезадаптивными схемами с помощью критерия Ч. Спирмена, как в основной группе, так и в группе сравнения (Таблицы 3, 4).

Было установлено, что чем ниже уровень выраженности РДС «Жесткие стандарты, придирчивость», тем выше выраженность архетипа «Воин», что может быть

Таблица 3. Результаты соотнесения архетипов с ранними дезадаптивными схемами в основной группе исследуемых

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Архетип «Воин»/ Жестокость	48	-0,37	0,039
Архетип «Сирота» / Жестокость	48	0,36	0,041
Архетип «Искатель» / Дефективность	48	-0,35	0,041
Архетип «Разрушитель» / Недоверие, Ожидание жестокого обращения	48	0,38	0,039
Архетип «Влюбленный» / Покинутость, Нестабильность	48	0,60	0,015
Архетип «Влюбленный» / Дефективность	48	0,66	0,012
Архетип «Влюбленный» / Уязвимость	48	0,54	0,021
Архетип «Влюбленный» / Запутанность	48	0,54	0,019
Архетип «Влюбленный»/ Подавленность эмоций	48	-0,46	0,031
Архетип «Влюбленный»/ Пунитивность	48	0,59	0,014

Таблица 4. Результаты соотнесения архетипов с ранними дезадаптивными схемами в группе сравнения

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Архетип «Невинный»/ Недостаточность самоконтроля	46	-0,43	0,02
Архетип «Искатель» / Пунитивность	46	-0,38	0,03
Архетип «Разрушитель» / Зависимость	46	-0,39	0,04
Архетип «Разрушитель» / Привилегированность	46	-0,39	0,04
Архетип «Творец» / Покинутость, Нестабильность	46	0,59	0,04
Архетип «Маг» / Подавленность эмоций	46	-0,41	0,03

связано с потребностью людей, в чьей психике активен данный архетип (24 человека), не противостоять окружающему миру, а планировать и добиваться своих целей [6]. В свою очередь, было установлено, что чем выше выражен архетип «Сирота» (27 человек), тем выше влияние данной РДС. Вероятно, это связано с опытом отвержения и придирчивости со стороны значимых лиц в детстве, что заставляет взаимодействовать подобным образом и в настоящее время.

Выявлена положительная корреляция между архетипом «Разрушитель» (17 человек) и РДС «Недоверие, Ожидание жестокого обращения», что может быть связано с переживанием страха жестокого обращения и попыткой предвосхитить мнимую опасность, действуя агрессивно и деструктивно [6].

При этом, чем выше выраженность архетипа «Влюбленный» (24 человека), тем выше такие РДС, как «Покинутость, Нестабильность», «Дефективность», «Уязвимость», «Запутанность» и «Пунитивность». Вероятно, подобные результаты связаны с тем, что люди, у которых преобладает потребность любить и быть любимыми, стремятся воспроизвести травматический опыт детства с тем, чтобы пережить его более адаптивно. Однако

подобные усилия носят деструктивный характер, пока травматический опыт не осознан и не интегрирован [3]. Наблюдаемая отрицательная корреляция между архетипом «Влюбленный» и РДС «Подавленность эмоций» говорит о готовности к выражению собственных чувств, что позволяет предположить направленность, потенциал к интеграции травматического опыта.

В группе сравнения были получены иные результаты. Чем ниже выраженность архетипа «Невинный» (14 человек), тем выше влияние РДС «Недостаточность самоконтроля». Вероятно, легкомысленность, которая свойственна Невинному, не переходит в деструктивный модус. Обнаруженная связь между архетипом «Искатель» (31 человек) и РДС «Пунитивность» может говорить о том, что действие данного архетипа снижает страх ожидания жестокого обращения и наказания, поскольку Искателя характеризует открытость к миру и потребность его исследовать [6].

В свою очередь, архетип «Разрушитель» может влиять на выраженность таких РДС, как «Зависимость» и «Привилегированность», так как в позитивном модусе данный архетип позволяет избавляться от лишнего и независим от социального статуса [6].

Выраженность архетипа «Творец» (23 человека) положительно коррелирует с РДС «Покинутость, нестабильность»: компенсация травматического опыта происходит за счет удовлетворения потребности в созидании и творчестве [10].

Выраженность архетипа «Маг» (15 человек) имеет обратную корреляцию с РДС «Подавленность эмоций», что можно интерпретировать способностью Мага брать на себя ответственность и контролировать происходящее в его жизни, в том числе и эмоции [6].

Выводы

Выдвинутые нами предположения о том, что у переживших психологическую травму респондентов архетипы Разрушителя и Сироты преобладают и соотносятся с РДС «Нарушение связи и отвержение», «Сверхбдительность и запреты», «Нарушенные границы», не подтвердились. При этом были получены следующие результаты. В основной группе преобладал архетип «Служитель», что может объясняться потребностью компенсировать опыт психологической травмы через помощь другим людям; корреляции между данным архетипом и конкретными РДС не было установлено, это может говорить об универсальном характере подобной компенсации. Были выявлены следующие связи РДС и архетипов. С архетипом «Разрушитель» коррелировали РДС «недоверие, ожидание жестокого обращения»; с архетипом «Влюбленный» связаны РДС «Покинутость, нестабильность», «Дефективность», «Уязвимость», «Запутанность», «Подавленность эмоций» и «Пунитивность». Вероятно,

подобный результат объясняется потребностью компенсировать травмы детского возраста через обращение во взрослом возрасте к прошлому опыту с целью пережить его более адаптивно [2].

В свою очередь, в группе сравнения между архетипами и РДС были установлены следующие отрицательные корреляции. Архетип «Разрушитель» и РДС «Привилегированность», «Зависимость», что может быть следствием подчеркнутой независимости людей, в чьей психике активен данный архетип; «Невинный» и «Недостаточность самоконтроля», поскольку для «Невинного» хоть и свойственна некоторая легкомысленность, но она не приобретает деструктивных форм; «Искатель» и «Пунитивность», поскольку люди, в чьей психике преобладает данный архетип, более открыты новому опыту и взаимодействию; «Маг» и «Подавленность эмоций», что вероятно, связано со способностью «Мага» к осознанности и самопринятию. Кроме того, была выявлена положительная корреляция между архетипом «Творец» и РДС «покинутость, нестабильность», что может быть следствием потребности компенсировать травматический опыт через созидательные формы поведения.

Результаты исследования могут помочь практикующим психологам и психотерапевтам, которые работают в рамках глубинно-ориентированного подхода в консультировании и психотерапии. При этом глубокое понимание архетипов личности клиентов и пациентов, может обеспечить более качественное оказание психологической и психотерапевтической помощи людям с психологической травмой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадыров Р.В., И. А. Ковалев, Ильина И. С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 4. С. 66–69.
2. Кадыров Р.В., Мироненко Т. А. Обзор зарубежных исследований ранних дезадаптивных схем в клинической практике // Тихоокеанский медицинский журнал. 2017. № 3. С. 60–65
3. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипический защиты личностного духа: пер с англ. М.: Академический Проспект, 2007. 368 с.
4. Капустина Т. В. Создание и апробация методики «Способ оценки личности — 12 архетипов плюс» для диагностики индивидуально-личностных характеристик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 6. № 1А. С. 64–75.
5. Касьяник П.М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем / Институт схематерапии. Санкт-Петербург: Изд. Политехнического университета, 2016. 151 с.
6. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с
7. Мухина В. Уникальный диапазон понятий архетип // Развитие личности. 2014. № 4. С. 163–201.
8. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 462.
9. Тарабрина Н.В., Аарков В. А., Химчан З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И., Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
10. Тэжэ В. Психика и ее лечение. Психоаналитический подход. М.: Канон+, 2012. 464 с.
11. Уласень Т.В., Бобров А. Е. Детская депривация и формирование аномалий психического развития: состояние проблемы // Вестник Смоленской медицинской академии. 2016. Т. 15. № 4. С. 150–163.
12. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: изд. Эксмо, 2018. 192 с.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., Когито-центр, 1991. 304 с.

14. Garnefski N., van Rood Y., de Roos C., Kraaij V. Relationships Between Traumatic Life Events, Cognitive Emotion Regulation Strategies, and Somatic Complaints // *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. 2017. Vol. 24, № 2. pp. 144–151.
15. Maçik D. Early maladaptive schemas, parental attitudes and temperament, and the evolution of borderline and avoidant personality features — the search for interdependencies // *Psychiatria i Psychologia Kliniczna*. 2018. Vol. 18. № 1. pp. 12–18
16. Olaya B., Alonso J. et al. Association between traumatic events and post-traumatic stress disorder: results from the ESEMeD-Spain study // *Epidemiology and Psychiatric Sciences*. 2015. Vol. 24. № 2. pp. 172–183. DOI: S2045796014000092
17. Regel S., Joseph S. *Post-traumatic Stress*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 26.
18. Yang M.S., Hedeker D. A life-span approach to examining older vulnerable population's subjective well-being: the role of adversity and trauma // *Aging & Mental Health*. 2019. DOI: 10.1080/13607863.2019.1652245

© Капустина Татьяна Викторовна (12_archetypesplus@mail.ru),

Эльзессер Анастасия Сергеевна (der_falter@mail.ru), Цынгунов Сергей Батоевич (sergeytsyngunovvl@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный медицинский университет

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МАТЕРИНСТВУ У ДЕВУШЕК-СТУДЕНТОК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

THE DETERMINANTS OF FORMING A VALUABLE ATTITUDE TO MATERNITY AMONG FEMALE STUDENTS OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

*K. Komarova
E. Evdokimova*

Summary. At present, the revival of the value attitude to motherhood is perceived as one of the priority national tasks requiring its significant rethinking. Attitude to motherhood contributes to the development of a woman's personal values, value orientations that contribute to the social regulation of her behavior, as well as building relationships with other people. It is shown that more than half of the respondents have a high level of value attitude towards motherhood. The results of the study noted that the majority of these respondents are not ready for maternity. Awareness of the importance of motherhood and its importance in raising a child allows modern girls to adequately assess their own abilities and readiness for the realization of maternal functions. The data obtained in the course of the experiment led to the conclusion that the determinants of the formation of a valuable attitude to motherhood among female students are the psychological acceptance by the mother in the process of maturity and the formation of such value orientations as a happy family life, mental and physical health, love, upbringing, education and responsibility.

Keywords: values, value orientations, motherhood, valuable attitude to motherhood, students, readiness for motherhood.

Комарова Ксения Юрьевна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
ksukom2@list.ru*

Евдокимова Елена Валерьевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Аннотация. В настоящее время возрождение ценностного отношения к материнству воспринимается в числе приоритетных национальных задач, требующих значительного его переосмысления. Отношение к материнству способствует выработке у женщины личностных ценностей, ценностных ориентаций, способствующих социальной регуляции ее поведения, а также построения взаимоотношений с другими людьми. Показано, что у большей половины респондентов высокий уровень ценностного отношения к материнству. В результатах исследования отмечено, что большинство этих респондентов не готовы материнству. Осознание важности материнства и его значении в воспитании ребенка позволяет современным девушкам адекватно оценивать собственные способности и готовность к реализации материнских функций. Полученные в ходе эксперимента данные позволили сделать вывод, что детерминантами формирования ценностного отношения к материнству у девушек-студенток являются психологическое принятие матерью в процессе взросления и сформированность таких ценностных ориентаций как счастливая семейная жизнь, психическое и физическое здоровье, любовь, воспитанность, образованность и ответственность.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, материнство, ценностное отношение к материнству, студенчество, готовность к материнству.

В настоящее время возрождение ценностного отношения к материнству воспринимается в числе приоритетных национальных задач, требующих значительного его переосмысления. В этой связи необходимо более детальное осмысление сущности материнства как сложного феномена, связанного с системой духовно-нравственных ориентиров всего общества.

Согласно позиции, высказываемой Р.В. Овчаровой, осознанное родительство представляет собой сформированность представлений отца и / или матери о родителе, как взаимодействии родительских ценностей, позиций, установок по отношению к родительской роли и к ребенку, родительских чувств и родительского поведения, которые выражаются в принятии родительской ответственности и гармоничном стиле семейного воспитания [6].

М.О. Ермихина утверждает, что материнство предполагает высокую степень осознания матерью семейных ценностей, установок, ожиданий, позиций, чувств, родительского отношения и ответственности; понимание себя, собственных реакций, мотивов родительского поведения, семейных ценностей; понимание своего супруга, его реакций и мотивов семейного поведения; осознание чувства родительского единства [4].

Отношение к материнству, пронизанное ценностной позицией по отношению к ребенку, способствует выработке у женщины личностных ценностей, ценностных ориентаций, способствующих социальной регуляции ее поведения, а также построения взаимоотношений с другими людьми [3]. Такое отношение выступает основой создания и воспитания личностной ценностной структуры человека, которая является фактором становления

его членом общества. И наоборот, сформированность ценностной сферы личности будет способствовать осознанному отношению к материнству.

Отношение к материнству представляет собой субъективную проекцию социокультурно сформировавшегося феномена материнства на ценностно-смысловую сферу субъекта, на полученные им знания и представления, на сложившийся жизненный опыт, на выработанные установки, на ожидания и готовность к деятельности.

Таким образом, ценностное отношение к материнству представляет собой важнейшее личностное образование, свидетельствующее о сформированности представлений о сфере материнства и нацеленности на ее реализацию, о состоянии эмоциональной готовности к исполнению функций матери, а также об обладании необходимыми для этого умениями, навыками, способностями. [1;3]. Субъективность ценностного аспекта отношения к родительству делает актуальным выявление детерминант его формирования.

В 2017–2018гг нами был проведен опрос девушек — студенток педагогического вуза, направленный на изучение представлений студенческой молодежи о ценности материнства

[5]. В опросе участвовало 159 девушек в возрасте от 18 до 23 лет, не имеющих детей. Анализ результатов опроса позволил разбить представления о ценности материнства на группы: ценность материнства заключается в любви к детям (38% респондентов); в возможности формирования личности ребенка (29%); женщина-мать дает жизнь новому человеку (26%); никакой ценности в материнстве нет (7%). Наблюдение за участниками опроса дало дополнительную информацию об уровне сформированности представлений о ценности материнства у студенток. Многим из них было очень трудно осуществить рефлексию собственных представлений и мнений о данном феномене.

В 2018–2019 нами было проведено исследование, направленное на выявление детерминант формирования ценностного отношения к материнству у девушек-студенток педагогического вуза. В опросе приняли участие 83 респондента (девушки-студентки 1–2 курсов (17–19 лет)) Армавирского государственного педагогического университета.

На первом этапе исследования нами был использован опросник Е. В. Евдокимовой «Ценностное родительство». Но нами рассматривалось отношение не в общем к институту родительства, а конкретно к материнству. Проанализировав сколько девушек-студенток поставили самый высокий балл, было выявлено, что из 83 ре-

спондентов 57% считают, что это дар, 63% оценивают как осознанный шаг в направлении создания собственной семьи, у 70% рождение ребенка вызывает счастье, у 57% радость. 53% девушек считают, что материнство дает человеку возможность заботиться о ребенке и для 67% из респондентов после рождении ребенка главным становится его здоровье, для 64% — забота о ребенке. Можно отметить, что у большей половины респондентов высокий уровень ценностного отношения к материнству, они относятся позитивно к феномену материнства, высоко ценят рождение ребенка и осознают ответственность перед ним.

Но результаты исследования показали, что большинство этих респондентов не готовы материнству, и наш опрос застал их врасплох. Так, осуществляя самооценку готовности к материнству, девушки показали следующие результаты: 5% совершенно готовы, 18% — практически готовы, 21% — недостаточно готовы, 31% — практически не готовы, 25% совершенно не готовы.

На наш взгляд, данная закономерность возникает именно потому, что девушки осознанно и как к ценности относятся к материнству. Отвечая на вопросы теста, они всё глубже погружались в проблему «Материнства» и связанных с ней ценностей.

Так на вопрос «Владение какими знаниями предполагает эффективное материнство?» высокий уровень важности был отведен знаниям о здоровье ребенка — 60%, психологии ребенка — 59%, воспитании ребенка — 65%, образовании ребенка — 54%, питании ребенка — 54%.

Характерной чертой современных девушек является то, что большинство (16%) из них считает, что мама должна выстраивать взаимодействие с ребенком на собственных представлениях об его правильности, а правильным при воспитании ребенка 39% респондентов считают демонстрацию собственного примера и установление равных отношений. Большинство (70%) из них важное место в материнстве отводится ответственности и взаимопониманию (67%) В связи с этим большее количество респондентов (71%) считает, что мама должна развивать у ребенка ответственность, а показателем её эффективности (64%) будет воспитанность ребенка.

Анализируя результаты данного опроса, можно отметить, что опрошенные девушки-студентки отводят важное место ответственности в выполнении материнских обязанностей, что и влияет на низкий процент готовности к материнству у большинства из них. Осознание важности материнства и его значения в воспитании ребенка позволяет современным девушкам адекватно оценивать собственные способности и готовность к реализации материнских функций.

Убедившись, что у большинства респондентов, участвовавших в нашем экспериментальном исследовании высокий уровень ценностного отношения к материнству, мы решили выяснить — какие ценностные ориентации характерны для данной группы. Для этого была проведена методика М. Рокича «Ценностные ориентации». Перед нами стояла задача определить, какие ценности являются приоритетными для студентов осознающих важность института материнства. В связи с этим, нами был осуществлен анализ тех ценностей, которые девушки-студентки ставили на 1–3 место из 18 предложенных. Изучение инструментальных ценностей показало, что 34% испытуемых на первое место поставили воспитанность, 11% — образованность, 10% — ответственность, на второе место 16% поставили воспитанность, 12% — честность, 11% — жизнерадостность, на третье место — аккуратность — 22%, самоконтроль — 12%, образованность — 11%.

Таким образом, большинство респондентов убеждены, что необходимыми свойствами личности и образом действий в любой ситуации являются воспитанность, образованность, ответственность, честность, жизнерадостность, аккуратность и самоконтроль.

Изучив терминальные ценности респондентов, мы отметили, что большинство выборов из 18 ценностей были сделаны в пользу здоровья 51% (из них на первое место поставили — 57%, на второе — 21%, на третье — 22%); счастливой семейной жизни — 54% (из них на первое место разместили 36%, на второе — 33%, на третье — 31%); любовь — 27% (из них на второе место расположили — 59%, на третье место — 41%); уверенность в себе 10%. (на первое место — 100%).

Данные результаты подтверждают, что целями, к которым стремится большинство респондентов, участвовавших в эксперименте, являются счастливая семейная жизнь, физическое и психическое здоровье, любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) и уверенность в себе (гармония с собой, свобода от внутренних противоречий, сомнений).

Отдельно хотим отметить статус терминальной ценности «счастье других» (благополучие, развитие и совершенствование других людей). На 1–3 место данную ценность поставили только 4%, а на 18 место 27% респондентов. Это еще раз подтверждает, что девушки-студентки 17–19 лет еще не готовы к функции женщины-матери. Даже при высокой оценке её значимости, они еще не готовы реализовать свои представления на практике.

С помощью опросника «Подростки о родителях» (Матейчик, Ржичан, 1983) была выявлена специфика воспи-

тательной практики матерей респондентов с точки зрения девушек-студентов 17–19 лет.

Результаты эксперимента показали, что по шкале «Позитивный интерес» высоко оценили отношения с мамой 46% респондентов, 24% девушек-студенток охарактеризовали отношения высоко одновременно по двум шкалам — автономность и позитивный интерес. 16% девушек-респондентов подтвердили отношения с мамой только как автономные. 7% отметили непоследовательность воспитательных воздействий матери, и 7,2 — директивность в сочетании с позитивным интересом.

Таким образом, у 77% респондентов отмечены высокие показатели отношений с мамой по шкале «Позитивный интерес», то есть девушки-студентки подтверждают безусловно положительное отношение матерей к ним, вне зависимости от исходных ожиданий.

Полученные в ходе эксперимента данные позволяют сделать вывод, что детерминантами формирования ценностного отношения к материнству у девушек-студенток являются психологическое принятие матерью в процессе взросления и такие ценности как счастливая семейная жизнь, психическое и физическое здоровье, любовь, воспитанность, образованность и ответственность.

Но для обеспечения готовности к материнству у девушек-студенток необходимо развивать направленность на счастье других (благополучие, совершенствование и развитие других людей), так как материнство предполагает смещение акцента с собственной личности на личность ребенка и заботу о нем.

Ценностная структура личности женщины является одной из главных детерминант формирования у нее ценностного отношения к материнству. В настоящее время, к сожалению, не каждая женщина относит материнство к приоритетным ценностям. В связи с чем, появляются бездетные семьи, семьи с безответственными и жестокими матерями. Этому способствуют, в первую очередь, нарушенные отношения девушки со своей матерью, а также отсутствие нравственных ценностных ориентаций у нее.

Между тем, ценностное отношение, а в дальнейшем и готовность к материнству влияет не только на качество взаимоотношений будущей мамы с ребенком и ее значение в формировании его личности, но и на личностную сферу самой женщины.

В частности, в нашем исследовании [2;8] было рассмотрено влияние материнства на использование женщиной личностно-развивающих ресурсов семьи. Ю.Е. Скоромной [7] было изучено влияние материнства

на развитие и самоактуализацию личности женщины. Студенческий возраст является сензитивным для формирования ценностной сферы девушки. Целенаправленное развитие ценностных установок у девушек-сту-

денток, ценностных ориентаций, способствующих формированию ценностного отношения к материнству будет являться мощным стимулом в подготовке девушки к материнству и в ее личностном развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Evdokimova E.V., Tkachenko I.V., Lisitskaya L. G. Gender features of the formation of value attitude to parenthood among the students of pedagogical high school// The Social Sciences (Pakistan).2015. Т. 10. № 7.с.1596–1601.
2. Tkachenko I.V., Kotova I. B., Lisitskaya L. G., Nedbaeva S. V. Family resources of personality development: notional invariants, //The Social Sciences (Pakistan).2015.Т.10 № 2.с. 71–75.
3. Евдокимова Е. В. Формирование ценностного отношения к родительству у студентов вуза. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Пятигорский государственный университет. Пятигорск, 2015
4. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно — психологических факторов: автореф. дис. ... канд. психол. наук, Казань, 2004, 22с
5. Комарова К. Ю. Психолого-педагогическая деятельность по формированию ценностного отношения к материнству у учащейся молодежи// Семья и личность: проблемы взаимодействия. № 10. С. 44–50.
6. Овчарова Р. В. Психологический анализ особенностей формирования осознанного родительства в молодой семье //Вестник института семьи. 2008.№ 1.с. 45–50.
7. Скоромная Ю. Е. Психологическая готовность беременных женщин к материнству. Москва.: МОСУ. 2002. 100 с
8. Ткаченко И.В., Комарова К. Ю. Влияние материнства на развитие личности и семейных ресурсов женщин// Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018.№ 7. с. 99–104.

© Комарова Ксения Юрьевна (kskom2@list.ru), Евдокимова Елена Валерьевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пятигорский государственный университет

ПСИХОГЕННЫЕ РЕАКЦИИ (НОЗОГЕНИИ) ПРИ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЯХ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ У ЖЕНЩИН МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

PSYCHOGENIC REACTIONS (NOZOGENIC) OF YOUNG BREAST CANCER PATIENTS

**K. Kondrateva
A. Aliokhin**

Summary. Article contains these researches of semantic space of a mental trauma of women with breast cancer with use of the "Semantic Differential" method. On the basis of the received results the conclusion that a major factor of a trauma is individual semantic loading of experience of a "cancer" in the context of the system of the significant relations and social and role functioning is drawn, psychopathological reactions of patients and the ability to process a situation of mental trauma.

Keywords: mental trauma, psychosocial adaptation, semantic differential, breast cancer.

Кондратьева Кристина Орхановна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Национальный медицинский исследовательский центр онкологии им. Н. Н. Петрова, Санкт-Петербург
cris.condratiewa@yandex.ru

Алехин Анатолий Николаевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
termez59@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся данные исследования психогенных реакций (нозогений) пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы. На основании полученных результатов делается вывод о том, что основными факторами травматизации являются индивидуальная семантическая нагрузка переживания онкологического заболевания в контексте системы значимых отношений и социально-ролевого функционирования, психопатологические реакции пациентов и способность переработки ситуации психической травмы.

Ключевые слова: психическая травма, психическая адаптация, семантический дифференциал, рак молочной железы.

Психогенные реакции пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы могут оказывать значительное влияние на эффективность противоопухолевого лечения, без рецидивный период и выживаемость, главным образом за счет снижения приверженности лечению, преобладании рискованного поведения [1, 2].

В литературе указывается, что онкологическое заболевание влияет на «психическую деятельность как психогенный и соматогенный фактор»: лечение онкологического заболевания неизбежно сопровождается комплексом психического и физического истощения, значительно влияющим на психическое функционирование пациента и способным формировать психические нарушения соматогенной этиологии [3–5]. Постановка онкологического диагноза, традиционно стигматизированного в современном обществе, порождает ситуацию психической травматизации, что в свою очередь влия-

ет на манифестацию психогенных реакций, чаще всего по «астено-тревожно-депрессивному типу, центральное место в котором занимает реактивная ситуационно обусловленная депрессия» [6–9].

В большинстве работ «психогенные реакции» и нозогении — психогеннообусловленные реакции в ответ на жизнеугрожающее заболевание — синонимичны и взаимозаменяемы в контексте онкологического заболевания с учетом его психотравмирующей специфики, при этом наблюдается некоторый разброс подходов к пониманию феномена психогенных реакций. Ряд исследователей [10] отмечают, что онкологический диагноз для пациенток со злокачественными новообразованиями молочной железы становится «глубинной психогенией», поскольку его семантическая нагрузка может вызывать «навязчивые тревожно-депрессивные ожидания и представления о мучительной боли, неизбежности смерти, косметического дефекта, инвалидизации».

Во многих исследованиях психогенные реакции рассматриваются в рамках посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), расстройства адаптации или аффективного расстройства (преимущественно депрессивного и тревожного круга).

В рамках ПТСР выделяются такие клинические признаки, как навязчивые мысли о диагностике заболевания, оперативном лечении, химио- и лучевой терапии, избегание любых напоминаний об онкологическом заболевании, лечении. В структуре аффективных расстройств чаще всего упоминают легкие и непродолжительные (не более 2–4 мес.) реакции по депрессивному или тревожному типу [11–14].

Важной также представляется клиничко-психологическая оценка психогенных реакций (нозогений) у пациентов с РМЖ на различных этапах лечения: принято выделять три этапа в течение онкологического заболевания — диагностический, стационарный (пред- и послеоперационные этапы, химио- и лучевая терапия), постгоспитальный. Отмечено, что для диагностического этапа наиболее характерными являются тревожно-депрессивные, депрессивные реакции с тенденцией к спонтанной редукации), для этапа стационарного лечения — интенсификация тревожных, тревожно-фобических реакций в предоперационный период и манифестация ипохондрических, дисморфофобических реакций на фоне общего снижения тревоги, при этом доля пациенток демонстрирует патологизацию нозогений, их качественное развитие в ипохондрическое, дистимическое или депрессивное расстройство [15–17].

Таким образом, актуальным представляется решение следующего круга проблем:

1. распространенность и неоднородность клинических проявлений психогенных реакций (нозогений) среди пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы, их клиничко-психологические характеристики, механизмы формирования, включая психосоматические отношения требуют дальнейшего изучения, в том числе в контексте особенностей психической травматизации;
2. патологизация психогенных реакций и, как следствие, формирование устойчивых психических расстройств значительно влияет на качество жизни пациента (потеря социально-ролевого функционирования, изоляция) и процесс лечения (снижение приверженности лечению, рисковое поведение способны привести к снижению эффективности лечения, рецидиву заболевания);
3. семантика переживания пациентом «травматичности» онкологического заболевания, как триггера психогенных реакций требует прояснения.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в отделении опухолей молочной железы Национального медицинского исследовательского центра онкологии им. Н. Н. Петрова. В исследование вошло 50 пациенток молодого возраста (36 ± 8) с гистологически верифицированным РМЖ. Вся выборка пациентов была условно поделена на подгруппы с учетом выраженности влияния психической травмы (индекс травматичности LEQ): «Подгруппа 1» ($n=12$) — высокий индекс травматичности, «Подгруппа 2» ($n=9$) — средний индекс травматичности, «Подгруппа 3» ($n=29$) — низкий индекс травматичности.

Основные методы исследования: клиничко-психологический, статистический (коэффициент U-Манна-Уитни для непараметрических выборок).

Клиничко-психологические методы включали методики исследования уровня и выраженности травматизации (опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire — LEQ), Семантический дифференциал), психопатологических реакций (опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List –90-Revised, SCL-90-R)), когнитивно-личностных параметров (шкала базовых убеждений (World Assumption Scale — WAS)).

Статистический анализ проводился с использованием программ SPSS (ver. 16).

Результаты и обсуждение

Клинические особенности нозогений у пациенток с РМЖ отвечают клиничским критериям психогений, сформулированных В. Н. Мясищевым. Речь, прежде всего, идет о взаимосвязях нозогений и личности больного, клиничскими проявлениями адаптивного поведения и характером психотравмирующей ситуации. Таким образом, вопросы соотношения болезни и личности в рамках конкретной нозологии необходимо изучать с учетом трех уровней: роль личности как фактора предиспозиции возникновения нозогении, значение болезни как соматогенного фактора, роль болезни как психотравмы, которая сопровождается определенным осмыслением и адаптацией личности, затем — цепью личностных изменений.

Исследование характера психотравмирующей ситуации с помощью методики LEQ показало, что большее количество травматических событий наблюдается в Подгруппе 3, при этом пациенты данной подгруппы склонны ниже оценивать влияние травматических событий на свою жизнь, чем пациенты Подгрупп 1 ($U=28,0$; $p<0,05$) и 2 ($U=21,9$; $p<0,05$), что может говорить о боль-

шей чувствительности последних к воздействию травматического события. При этом семантическая нагрузка психической травмы в Подгруппе 3 характеризуется усилением идентификации с ролью женщины, преобладают нарциссические переживания, вероятно, связанные с косметическими дефектами в процессе лечения (аллопеция, полная или частичная резекция молочной железы). Наблюдается увеличение расстояния в семантическом пространстве между понятиями «Я», «Я-мать» ($U=22,0$; $p<0,01$), «Я-жена» ($U=18,0$; $p<0,05$) в сравнении с Подгруппой 2, что может говорить о наличии эмоциональных переживаний в связи с материнством. При этом пациентки Подгруппы 3 демонстрируют значительное расстояние между значениями понятий «Я» и «Я-мать», что может говорить о зоне напряжения в отношении идентификации себя с ролью матери, можно предположить, что лишение груди, как одного из символов материнства влечет за собой склонность женщины к оценке себя, как неспособной быть матерью. Кроме того, в данной подгруппе отмечается значительное увеличение расстояния между понятиями «Я», «Я-жена» ($U=50,0$; $p<0,05$ / $U=18,0$; $p<0,05$), «Я-женщина» ($U=44,0$; $p<0,01$ / $U=00,0$; $p<0,05$), в отличие от остальных подгрупп, что может говорить о наличии эмоциональных переживаний в отношении самоидентификации и выстраивании межличностных отношений.

Пациентам Подгруппы 2 свойственен более высокий индекс травматичности по блоку «Материнство» в сравнении с Подгруппой 1 ($U=0,10$; $p<0,01$) и Подгруппой 3 ($U=10,0$; $p<0,05$). В данной подгруппе пациенткам значительно чаще доводилось делать аборт, решать проблемы, связанные с детьми. Так 7 пациенток из Подгруппы 2 сообщили о хронических заболеваниях и тяжелых травмах (в том числе врожденных) у своих детей. Такое положение дел может повлечь за собой склонность к самообвинениям и упрекам в связи с событиями в жизни детей и оценку себя как «плохой матери, которая не справляется со своими обязанностями», что подтверждается результатами исследования по методике «Семантический дифференциал». Получено, что для данной подгруппы пациентов характерно усиление идентификации с ролью матери, о чем говорит семантическое расстояние между понятиями «Я»-«Я-мать». Кроме того, близость значений понятий «Я», «Я-мать», «Я-жена» и отдаленность понятия «Я-женщина» от этой группы, может говорить о значимости социально-ролевого функционирования при одновременном обесценивании нарциссических переживаний собственной женственности.

Анализ расстояний в семантическом пространстве для пациентов Подгруппы 1, показавшей более высокий индекс травматичности по шкале LEQ свидетельствует о том, что зоной напряжения являются отношения

между понятиями «Я»-«Я-мать», «Онкологическое заболевание»-«Смерть», что может говорить об усилении идентификации с ролью матери и угрожающим этим отношениям заболеванием. Кроме того, близость значений понятий «Я», «Я-мать», «Я-жена» и отдаленность понятия «Я-женщина», может говорить о значимости социально-ролевого функционирования при одновременном обесценивании нарциссических переживаний собственной женственности.

Анализ временного соотнесения образов «Я»-«Я в будущем», «Я»-«Я в прошлом» в семантическом пространстве демонстрирует динамику переживания представлений о себе: во всех подгруппах пациентов отмечается значительное увеличение расстояния между понятиями «Я», «Я в будущем», что может говорить о наличии эмоциональных переживаний, напряжении в отношении оценки и соотнесения себя с известными ролевыми моделями в субъективном представлении о будущем. Кроме того, пациентки Подгруппы 3 демонстрируют схожую дистантность и в отношении понятий «Я»-«Я в прошлом», тогда как пациентки двух других подгрупп склонны в большей степени, соотносить понятия «Я» и «Я в прошлом», что в свою очередь может говорить о желании некоторой константности, неизменности переживаемой ситуации.

Таким образом, исходя из полученных результатов, мы можем говорить о том, что зоной напряжения в семантическом пространстве на различных этапах лечения является соотношение образа «Я» и социально-ролевых моделей пациента, их трансформация и смещение во времени. В свою очередь, понятия «Онкологическое заболевание», «Смерть», также имея динамику в семантическом пространстве в разных группах, являются эмоционально окрашенными, нагруженными переживаниями объектами, связанными в контексте этого переживания со значимыми ролевыми моделями.

Исследование психопатологических реакций показывает, что для подгруппы 1, 2 характерна выраженность числа показателей психопатологической симптоматики по шкалам «Соматизация», «Депрессивность», «Тревожность» и «Фобическая тревожность» что может говорить о склонности пациентов данных подгрупп к психосоматическим способам реагирования в ситуации психической травмы, переживанию чувства вины за происходящие события, ощущению беспомощности и бесперспективности, при этом присутствует фоновая тревога, ожидание чего-то плохого, чувство паники и ужаса. Пациенты данных подгрупп чаще демонстрируют психогенные реакции, связанные со спецификой ситуации онкологического заболевания (рецидив заболевания, мастэктомия, физическое и психическое истощение, страх смерти): раздражительность, подо-

зрительность в отношении окружающих, мнительность в отношении лечения, иррациональные навязчивые страхи. Для данных подгрупп наиболее часто встречающимися являются тревожно-фобические (39,8%), тревожно-депрессивные (39,5%), ипохондрические (17,1%), дисфорические (3,6%) психогенные реакции. Тот факт, что в исследуемых подгруппах значения этих психопатологических симптомов выше, может отражать трудности во взаимодействии с собственным Я и внешними обстоятельствами, что обуславливает появление данного симптомокомплекса. Возможно, что данная совокупность симптомов говорит о трудностях совладания с последствиями психотравматизации в ситуации онкологического заболевания, неэффективной проработке травматического материала.

Для Подгруппы 2 характерна выраженность показателя «Враждебность», что может говорить о склонности к реакциям раздражительности, агрессии и злости, ощущению угрозы со стороны окружающего мира. Высокие показатели по шкале «Межличностная сензитивность» в данной подгруппе могут говорить о переживаемых чувствах личностной неполноценности, склонности к самоосуждению, чувству беспокойства в процессе межличностного взаимодействия. Кроме того, можно говорить о переживаниях ощущения непонимания и недружелюбия со стороны окружающих, отсутствия симпатии и сочувствия, неуверенности в себе.

Для Подгруппы 3 характерен более низкий уровень выраженности симптоматики по шкалам «Тревожность», «Депрессивность», «Фобическая тревожность». Для данной подгруппы наиболее характерны тревожно-фобические (41,7%), тревожно-депрессивные (34,8%), астено-апатичные (23,5%) психогенные реакции. Все значения по остальным шкалам SCL-90-R находятся в рамках нормативных значений, что может косвенно свидетельствовать о более успешной внутренней переработке психотравмирующего опыта, связанного с онкологическим заболеванием.

Исследование когнитивно-личностных характеристик показало, что в Подгруппах 1 и 2 в ситуации травматизации трансформации подвергаются базисные убеждения о справедливости, контролируемости, удачливости и образе Я. Базисное убеждение о способности контролировать ситуацию больше всего подвержена изменению в Подгруппе 1, что может говорить о чувстве утраты контроля не только над жизненной ситуацией, связанной с личностью пациента, но и значимых Других, при этом отмечаются низкие показатели категории «Образ Я», что может свидетельствовать о том, что значимость Я не подвержена влиянию психической травмы в ситуации онкологического заболевания — травматичность представлена не направленностью к личности па-

циента, а ориентацией на возможное будущее, над которым сам пациент утрачивает контроль.

Категория «Образ Я» более всего значимой отмечается в Подгруппе 3, что может говорить о нарциссической направленности в сторону собственного Я, ощущения собственной значимости, ценности и страхе потерять себя, измениться, трансформироваться. Также в данной подгруппе менее всего страдает убежденность в контролируемости жизненных событий, поскольку вероятнее всего пациенты несут ответственность по большей части за собственную личность и необходимость контролировать значимых близких и нести ответственность за них отсутствует.

Заключение

Проведенное исследование особенностей психической травматизации пациентов с РМЖ выявило ряд факторов, взаимосвязанных с характером и интенсивностью психических реакций.

Показано, что онкологическое заболевание действительно является травмирующим, затрагивающим систему отношений личности пациента в контексте его социально-ролевого функционирования и самоотношения.

Отмечается, что чем больше травмирующих ситуаций переживали пациенты в течении жизни, тем более выраженная психопатологическая симптоматика проявлялась, определяя характер психогенных реакций на текущие события — особенно четко выделяются тревожно-депрессивные, тревожно-фобические, астено-апатичные психогенные реакции.

Отмечается взаимосвязь выраженности психогенных реакций в подгруппах пациентов с наличием значимых отношений в системе личности. Можно говорить о том, что травматизация ситуации лечения и заболевания определяется изменчивостью представления о себе, динамикой образов Я в различных ролевых позициях, где само заболевание и сопровождающие его лечебные процедуры лишь опосредовано влияют на семантическое поле переживания пациента и проявляются в форме нозогений.

В целом предварительные результаты проведенного исследования поддерживают предположение о том, что субъективный опыт и личностный контекст восприятия и переработки семантики психической травмы, психопатологические особенности способны формировать психогенные реакции на актуальную травму в рамках психической адаптации пациента к ситуации онкологического заболевания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haviland JS, Watson M, Greer S et al. Influence of psychological response on survival in breast cancer: a population-based cohort study. *Lancet* 1999; 354: 1331–6.
2. Watson M, Homewood J, Haviland J, Bliss JM. Influence of psychological response on breast cancer survival: 10-year follow-up of a population-based cohort. *Eur J Cancer* 2005; 41 (12): 1710–4.
3. Бажин Е. Ф., Гнездилов А. В. Психогенные реакции у онкобольных. СПб., 1983.
4. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина: Кратк. учебн. / Пер с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенка; Предисл. В. Г. Остроглазова. — М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. — 376 с.
5. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М.: МЕДпресс-информ, 2005.
6. Молодецких В. А., Папырин В. Д., Тхостов А. Ш. Личностные реакции мужчин и женщин на онкологические заболевания // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1981. № 12. С. 1828–1832.
7. Тхостов А. Ш., Степанович Д. А. Влияние кризисной жизненной ситуации на структуру самооценки // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 128–134.
8. Касимова Л. Н., Илюхина Т. В. Результаты психопатологического и психологического исследования онкологических больных. Психические расстройства в общей медицине. 2007; 03: 21–25
9. Тарабрина Н. В., Генс Г. П., Коробкова Л. И., Ворона О. А., Падун М. А. Стресс и его последствия у больных раком молочной железы // Вестник РФФИ, 2005 6, С. 10–20.
10. Архипова И. В., Кокорина Н. П. Клинические и реабилитационные аспекты психических расстройств у женщин с диагнозом «рак молочной железы» на этапе хирургического лечения // Псих. расстройства в общей медицине. 2009. № 1.
11. Cordova MJ, Riba MB, Spiegel D. Post-traumatic stress disorder and cancer. *Lancet Psychiatry*. 2017;4(4):330–338. doi:10.1016/S2215–0366(17)30014–7
12. Cordova, Matthew J et al. "Post-traumatic stress disorder and cancer." *The lancet. Psychiatry* vol. 4,4 (2017): 330–338. doi:10.1016/S2215–0366(17)30014–7
13. Abbey G1, Thompson SB, Hickish T, Heathcote D. A meta-analysis of prevalence rates and moderating factors for cancer-related post-traumatic stress disorder. *Psychooncology*. 2015 Apr;24(4):371–81. doi: 10.1002/pon.3654. Epub 2014 Aug 22.
14. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. — Изд-во «Институт психологии РАН», М., 2009. — 303 с.
15. Самушия М. А., Зубова И. В. Нозогении (психогенные реакции) при раке молочной железы. Психические расстройства в общей медицине. 2009; 01: 24–29
16. Васянинова, В. В. Особенности пограничных непсихотических расстройств у больных разных возрастных групп после радикальных операций // Казан. мед. журнал. — 1995. — № 5.1. С. 380–382.
17. Maunsell E, Brisson J, Deschenes L. Psychological distress after initial treatment for breast cancer: a comparison of partial and total mastectomy. *J Clin Epidemiol*. 1989;42(8):765–71.
18. Sun MQ1, Meng AF, Huang XE, Wang MX. Comparison of psychological influence on breast cancer patients between breast-conserving surgery and modified radical mastectomy. *Asian Pac J Cancer Prev*. 2013;14(1):149–52.

© Кондратьева Кристина Орхановна (cris.condratiewa@yandex.ru), Алехин Анатолий Николаевич (termez59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДОШКОЛЬНИКОВ С НЕДОСТАТКАМИ РЕЧИ

THEORETICAL ASPECTS OF THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF PRESCHOOLERS WITH IMPAIRED SPEECH

I. Kutkova

Summary. The article presents an analytical review of theoretical and methodological approaches to understanding of the problem of communication potential of the individual. One of the key issues in the context of the development of theoretical aspects of the stated problem is the definition of the subject matter of "communicative potential of the individual" and understanding the key points of various fields of scientific knowledge.

Keywords: the communicative potential of the individual; communication skills; communication abilities; communicative nexus; preschoolers with speech disabilities.

Куткова Ирина Анатольевна

Аспирант, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва)
kutkova@mail.ru

Аннотация. в статье представлен аналитический обзор теоретико-методологических подходов к пониманию проблемы коммуниктивного потенциала личности. Одним из ключевых вопросов в контексте разработки теоретических аспектов обозначенной проблемы выступает определение содержательной сущности понятия «коммуникативный потенциал личности», понимание данного феномена с позиций различных областей научного знания.

Ключевые слова: коммуникативный потенциал личности; коммуникативные способности; коммуникативные умения; коммуникативное ядро; дошкольники с недостатками речи.

Введение

В последнее время к изучению проблемы коммуникативного потенциала личности обращаются специалисты в различных областях научного знания А. А. Бодалев, Т. Н. Волковская, М. С. Каган, А. Г. Самохвалова, В. В. Рыжов, А. В. Фомин и многие другие. Одним из ключевых вопросов в контексте разработки теоретических аспектов обозначенной проблемы выступает определение содержательной сущности понятия «коммуникативный потенциал личности», понимание данного феномена с позиций различных областей науки.

Цель статьи

Систематизация основных теоретико-методологических подходов к пониманию феномена коммуникативный потенциал личности выявление особенностей в сущностном толковании данного понятия в рамках различных научных подходов.

Изложение основного материала статьи

Согласно анализа литературных источников по данной проблеме прослеживается наличие различных теоретических подходов к её изучению, что затрудняет разработку не только теоретико-методологических основ

концепции коммуникативного потенциала, но и прикладных аспектов проблемы.

Впервые понятие «потенциал» в контексте межличностного общения было использовано философами. Наиболее обобщено и представлено данное понятие с позиции философии М. С. Кагана, который отмечает что «... личность представляет собой системную модель, которая характеризуется связью пяти потенциалов: гносеологического, аксиологического, творческого, художественного и коммуникативного» [6, с 81], которые представляют целостное образование. Сущность гносеологического потенциала заключается в знаниях о внешнем мире, природе и социальных явлениях окружающей действительности. М. С. Каган подчеркивает, что в формировании гностического потенциала ключевую роль играет практический опыт личности.

Аксиологический потенциал определяется единством сознания и самосознания, системой ценностных ориентаций, жизненными целями, идеалами, убеждениями, устремлениями. Творческий потенциал характеризуется полученными или самостоятельно выработанными умениями, способами к действиям, к труду созидательному или разрушительному, продуктивному и репродуктивному, той или иной сферы деятельности. Художественный потенциал личности выражается в содержании интенсивности художественных потребностей личности, а именно тем, как она их определяет. *Коммуникативный*

потенциал определяется автором мерой и формами общительности человека, прочностью и характером контактов, устанавливаемых им с другими людьми. [6].

В психологии изучением проблемы коммуникативного потенциала личности человека занимались А. А. Бодалев, В. А. Кольцова, А. А. Леонтьев, Р. А. Максимова, А. В. Петровский, В. В. Рыжов, А. В. Фомин [12].

К числу наиболее важных личностных и уровневых проявлений, составляющих структуру коммуникативного потенциала А. А. Бодалев относит уровень потребности в общении, его локализованность, коммуникативную активность и инициативность [1].

Р. А. Максимова расширяет понятие коммуникативного потенциала личности и привносит в его структуру наличие установки на общение с другими людьми, особенности эмоционального отклика на партнера, собственное самочувствие человека в ситуации общения. [11]

Наиболее точным определением коммуникативного потенциала личности с нашей точки зрения является трактовка В. В. Рыжова, который рассматривает его, как постоянно развивающуюся динамичную коммуникативную систему свойств и способностей, обеспечивающих успешное общение в целом и конкретное участие в нем конкретной личности. [14].

В рамках диссертационного исследования Л. Л. Лашковой подчеркивается связь коммуникативного потенциала с коммуникативно-личностными свойствами и способностями человека, которые приобретаются и развиваются в условиях совместной деятельности. Коммуникативные свойства выступают в качестве внутренних резервов, тем самым определяют полноту включения личности в совместную деятельность или сотрудничество. [11]

В основу изучения коммуникативных способностей положено учение Л. Тайера, который определил их типологию.

Данный автор выделяет стратегические способности (понимание говорящим коммуникативной ситуации) и тактические способности, (обеспечивающие коммуникатору возможность успешного вступления в коммуникацию). А. А. Леонтьев относит к тактическим способностям две подгруппы также умения коммуникативного использования личностных особенностей другого человека, и вторая — с владением техникой общения и контакта. [12]

Обобщив вышеизложенное, можно заключить, что коммуникативные способности представляют собой це-

лый комплекс качеств личности, главными из которых являются:

- ◆ умение управлять своим поведением в общении,
- ◆ комплекса перцептивных способностей, связанных с пониманием и учетом в общении личностных особенностей другого человека, способностью моделировать личность другого;
- ◆ установление и поддержание контакта, умения изменять его глубину, входить и выходить из него, передавать и перехватывать инициативу в общении,
- ◆ оптимального построения своей речи в психологическом отношении.

На ряду с понятием коммуникативный потенциал личности в психологической науке авторами используется термин коммуникативные умения.

А. В. Мудрик выделяет следующие составляющие коммуникативных умений, такие как: ориентироваться в партнерах, объективно воспринимать людей (понимать их настроение, характер); разбираться в ситуации общения (знать правила, устанавливать контакты); сотрудничать в различных видах деятельности (ставить цели, планировать их достижение; анализировать достигнутое).

Раскрывая содержание коммуникативного потенциала личности ряд исследователей А. А. Бодалев, В. Н. Кудицына, А. К. Карпова, М. Е. Теплышев используют определение *«коммуникативное ядро личности»*.

С позиции А. А. Бодалева в понятие *«коммуникативное ядро личности»* включается характерное для нее единство отражения, отношения и поведения, проявляемое в контактах индивида при прямом или опосредованном какими-то техническими средствами его взаимодействия с различными людьми и общностями. [1, с. 89].

В общении используются все формы знания о людях и общностях; во-вторых, все переживания, происходящие в контактах с другими людьми или общностями; в-третьих, все виды вербального и невербального поведения, через которое возникают эти контакты.

Рассматривая проблему общения ученые (А. А. Бодалев, А. А. Брудный, Т. М. Дридзе, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясичев, Л. Д. Столяренко и др.), особое место уделяют его социальной стороне, изучая данный процесс в теории социальных отношений, и представляя его, как совокупность отношений личности.

Коммуникативный потенциал, как и любой потенциал закладывается и развивается в детском возрасте. Знания о сущности структуры коммуникативного потенциа-

ла помогут осуществлять проектирование его развития и совершенствования.

Работы ученых А.Г. Самохваловой, Т.А. Ладыженской, В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой, Е.Д. Бреус посвящены изучению коммуникативного потенциала личности ребенка. Описывая особенности коммуникативного потенциала личности у детей различного возраста, авторы выделяют уровневые компоненты коммуникативного потенциала личности, которая включает базовый, содержательный, операциональный, рефлексивный компоненты. [12, с 56.] Так А.Г. Самохвалова на основе результатов изучения детей дошкольного возраста выделяет:

Базовый (мотивационный) компонент коммуникативного потенциала определяет общую направленность и мотивацию общения и включает в себя внутренние установки и ценностные ориентации дошкольников в коммуникативной сфере. По мнению автора, основой коммуникативного развития и дальнейшей самореализации выступают такие ориентации как установка на другого человека, диалог, доверие, сотрудничество, дружба. Напротив, такие установки как враждебность, замкнутость, закрытость, отсутствие терпимости к иным взглядам могут тормозить коммуникативное развитие.

Содержательный компонент обеспечивает построение ребенком внутренних коммуникативных программ и планов, с целью разрешения конкретной коммуникативной ситуации. Исходя из индивидуальных мыслительных процессов, понимания условий и интерпретации коммуникативной ситуации закладывается дальнейшая модель и выбор стратегии коммуникативного поведения.

Операциональный компонент представляет собой систему коммуникативных умений и навыков. Он способствует выполнению ребенком необходимых коммуникативных действий. При реализации операционального компонента коммуникативного потенциала имеют значения следующие коммуникативные умения ребенка: организовать взаимодействие с другими детьми; слушать и слышать собеседников; реализовывать индивидуальные коммуникативные возможности в ситуации общения; понимать специфику коммуникативной ситуации и занимать коммуникативную позицию в контактах; открыто выражать свое отношение к собеседнику; находить выход из конфликтной ситуации; уместно реагировать на поступки и высказывания партнеров по общению.

Рефлексивному компоненту личности присущи анализ и оценивание собственных действий, также он предполагает развитие произвольности мышления и основ-

ных форм коммуникации. В онтогенезе он формируется в старшем дошкольном возрасте. У ребенка начинает развиваться способность к оцениванию собственных действий, не исключением являются и коммуникативные действия. Способность к овладению понятиями, суждениями, умозаключениями свидетельствует о развитии рефлексии. Ребенок начинает самостоятельно осознавать смысл и содержание коммуникативного действия, может рассказать о нем.

Реализацию целостного акта коммуникативного действия обеспечивает взаимосвязь всех уровней коммуникативного потенциала личности направленного на эффективное решение задачи общения.

Возникновение ситуаций затрудненного общения происходит из-за недостаточного развития какого — либо из уровней коммуникативного потенциала личности. В дальнейшем неудовлетворенность личности своими коммуникативными действиями, формирует неадекватную самооценку ребенка, тормозит его творческое развитие и свободное самопредъявление в общении.

С опорой на уровневые характеристики коммуникативного потенциала личности выделяют следующие типы коммуникативных трудностей: базовые (сложности вступления в контакт, трудности в эмпатии, проблемы, связанные с детским эгоцентризмом, трудности, связанные с положительной установкой на другого человека, трудности недостаточной самооценки ребенка и повышенной эмоционально-личностной зависимостью партнеров по общению). Содержательные (недостаток коммуникативных знаний, неумение прогнозировать коммуникативную ситуацию, трудности самоконтроля и перестройки коммуникативной программы). Операциональные (просодические, экстралингвистические, вербальные и невербальные трудности, проблемы построения диалога). Рефлексивные (трудности самоанализа, самонаблюдения, самовыражения и самоизменения). [12, с. 60–62].

Коммуникативный процесс рождается на основе совместной деятельности. Обмен знаниями, идеями по поводу этой деятельности способствует реализации и организации деятельности как таковой. Одновременное участие многих людей в коммуникативном процессе предполагает, что каждый участник должен внести свой вклад, что в дальнейшем позволяет интерпретировать взаимодействие как организацию совместной деятельности. [10].

Обзор современных исследований, посвященных изучению коммуникативного развития детей с недостатками речи, показывает, что на фоне мозаичной картины

речевых и неречевых функций и процессов у детей с общим недоразвитием речи имеются трудности формирования коммуникативных навыков (Р.Е. Левина, О.Е. Грибова Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина и др.).

Несовершенством коммуникативных умений детей с недостатками речи, является их речевая пассивность, осложняющая процесс свободного общения, затрудняющая развитие речемыслительной и познавательной деятельности детей, препятствующая созданию условий для успешной социализации детей данной категории.

У большинства детей с недостатками речи прослеживаются трудности вступления в контакт со сверстниками и взрослыми, их коммуникативная деятельность оказывается ограниченной. Разговорная речь дошкольников с общим недоразвитием речи оказывается бедной, малословной, тесно связанной с определенной ситуацией вследствие недостаточности речемыслительной деятельности, так как страдает процесс формирования языковых умений и навыков, не формируются обобщенные представления о языковых единицах различных уровней и особенностях их функционирования: фонемах, лексемах, грамматических формах и конструкциях, закономерностях построения высказывания.

Недостаточная сформированность планирующей и регулирующей функции речи, своеобразии речевого мышления у детей с ОНР отмечаются в работах И.Т. Влащенко, В.В. Юртайкина. В таких условиях ребенок затрудняется в последовательном выполнении интеллектуальных операций, не замечает своих ошибок, теряет конечную задачу, легко переключается на несущественные раздражители, речь взрослого мало корректирует его деятельность (Е.М. Мастюкова).

Низкая речевая активность и мотивация речевого общения, трудности адекватного использования освоенных языковых средств в коммуникативных ситуациях, а также внеречевые механизмы общения: внимание к другому, чувство партнера, умение понимать и адекватно использовать в процессе коммуникации взгляды, мимику можно рассматривать как компенсаторную реакцию на трудности, которые ребенок испытывает в процессе приспособления к социальной среде.

В данной связи коммуникативный подход является приоритетным в процессе преодоления трудностей коммуникативной дезадаптации у детей обозначенной категории. (Т.Н. Волковская, И.В. Голубева, Е.Ю. Медведева, А.Г. Самохвалова, О.В. Трошин и др.) [3].

ВЫВОДЫ

На основании анализа выше перечисленных литературных источников можно заключить, что прослеживается вариативность в использовании понятий «коммуникативный потенциал личности»; «коммуникативные способности»; «коммуникативное ядро личности». Данные понятия рассматриваются исследователями как взаимозаменяемые. Для построения теоретической концепции *содержательной, терминологической и критериальной* части необходима точность формулировок понятия коммуникативного потенциала личности.

Наличие специфических характеристик коммуникативного потенциала и затрудненного общения у дошкольников в условиях речевого дизонтогенеза в научном поле мало рассмотрены, что подчеркивает актуальность данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодалев А. А. Психология общения. М. — Воронеж 2002.
2. Волковская Т. Н. Логопсихология: пути становления и развития. Современная психология. 2007. № 3.
3. Волковская Т. Н. К проблеме изучения коммуникативной дезадаптации дошкольников с общим недоразвитием речи // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56–8.
4. Волковская Т. Н. Система психологической помощи детям с недостатками речи. Диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук / ГОУ «Московский городской педагогический университет». Москва, 2012.
5. Волковская Т. Н., Куткова И. А. Особенности коммуникативного потенциала дошкольников с общим недоразвитием речи. В сборнике: Актуальные проблемы современного раннего и дошкольного образования детей с инвалидностью и ОВЗ. Сборник научных статей по материалам региональной научно-практической конференции. 2018. С.59–62.
6. Каган М. С. Каган М. С. Избранные труды: в 7-ми т. СПб.: ИД «Петрополис», 2006. Т. 2. 660 с
7. Коммуникативный потенциал личности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rosbo.ru/articles.php?cat_id=23&id=1239 (дата обращения: 01.02.2013 г.)
8. Куткова И. А. К проблеме изучения и развития коммуникативного потенциала дошкольников с недостатками речи // Коррекционная педагогика — 2017 — № 3 (73) — с. 46–51.
9. Левченко И. Ю., Волковская Т. Н., Ковалёва Г. А. Концепция системы психологической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья в условиях специального и инклюзивного образования. В сборнике «Современные проблемы теории, истории, методологии инклюзивного образования.

- Сборник научных статей по материалам VII Международного теоретико–методологического семинара. Составители Н. М. Назарова, О. Г. Приходько, Е. В. Ушакова, Н. Ш. Тюрина. 2015.С.23–30.
10. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. / Под ред. Рузской, А. Г. М.: Из-во «Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК»: 1997.
 11. Мартынова М. А. Влияние отдельных коммуникативных показателей коммуникативного потенциала на осознанную саморегуляцию человека// Человек и язык в отдельном коммуникативном пространстве: Сборник научных статей. 2013 № 4
 12. Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка проблемы, диагностика, коррекция. — Санкт-Петербург 2011.
 13. Система психологической помощи детям с недостатками речи / Волковская Т. Н. диссертация на соискание ученой степени доктора наук/ ГОУ «Московский городской педагогический университет». Москва. 2012 г.
 14. Рыжов В. В. Психологические основы коммуникативной подготовки педагога [Текст]/ В. В. Рыжов. — Н. Новгород: НГУ, 1994—163 с.
 15. Чиркина Г. В. Коммуникативно-речевая деятельность детей с отклонениями в развитии: диагностика и коррекция./монография/под ред. Г. В. Чиркиной, Л. Г. Соловьевой. — Архангельск: Поморский университет, 2009. — 403 с.

© Куткова Ирина Анатольевна (kutkovai@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АТТРИБУТИВНЫЕ СТИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

ATTRIBUTIVE STYLES OF RELIGIOUSNESS PERSONALITY

I. Mishin

Summary. The article presents a results of a study relationship between religiousness and explanatory scenarios of personality, built on an analysis the correlations data methods of diagnostics a religiousness and attribute styles. The findings indicate a features and distinctions attributive sphere of people with external and internal religiousness. The results of the study can be useful for studying the relationship an explanatory stereotypes and adaptive abilities pupils of educational organizations, motivational-value attitudes of students during training, also for diagnostics and prediction a social success of the personality.

Keywords: attributive style, external religiousness, internal religiousness, religiousness people.

Мишин Юрий Викторович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет»
(г. Симферополь)
skmax1@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи религиозности и объяснительных сценариев личности, построенного на основе анализа корреляций данных применения методик диагностики типов религиозности и атрибутивных стилей. Полученные выводы свидетельствуют о наличии характерных особенностей и различий содержания атрибутивной сферы людей с внешней и внутренней религиозностью. Результаты исследования могут быть полезны для изучения взаимосвязи объяснительных стереотипов и адаптационных способностей обучающихся образовательных организаций, мотивационно-ценностных установок студентов в ходе обучения, а также для диагностики и прогноза социальной успешности личности.

Ключевые слова: атрибутивный стиль, внешняя религиозность, внутренняя религиозность, религиозные люди.

Введение

Проблема способности раскрытия внутренних ресурсов является одним из факторов личностной успешности. При этом, осмысление и интерпретация человеком причин собственных успехов и неудач во многом детерминируют его последующую активность. Объяснительная семантика наряду с доминирующим содержанием мотивационной сферы во многом обуславливает саморегуляцию человека и организует его деятельность на достижение необходимого результата. Путь к цели часто сопряжен с трудностями и кризисными ситуациями различного происхождения, что вызывает необходимость поиска внутренних механизмов поддержки, средств преодоления кризисов. Результативность этого процесса во многом связана с религиозностью — качеством личности, имеющим интегративный характер.

Практический интерес к данной проблеме требует научного исследования коррелятов религиозности и атрибутивного стиля личности.

Формулировка цели. Целью статьи является анализ результатов исследования влияния религиозности на формирование объяснительных сценариев личности.

Изложение основного материала. Современная наука располагает обширными результатами исследований в области религиозности, которые, как правило, сводятся к экспликации соответствующей образно-сим-

волической системы, определяющей, в частности, мотивационные аспекты личности [3].

По мнению Л. И. Афтанаса, в состоянии повседневного хронического социального и психоэмоционального стресса религиозность выступает в качестве инструмента повышения резистентности резервных адаптационных возможностей [1].

Анализируя закономерности религиозного самосознания, И. Э. Соколовская отмечает, что «религиозность, религиозная идентичность могут быть признаны личностным ресурсом, предназначением которого становится поддержание и развитие субъектности» [7]. Религиозность понимается как ресурс, внутреннее условие эффективности деятельности с точки зрения самого субъекта деятельности. При этом, религиозность влияет на оценку возможности контроля событий, происходящих с человеком, позволяет интегрироваться вокруг религиозного чувства с появлением возможностей нового качества.

Исследуя когнитивно-поведенческие аспекты религиозной личности, М. Е. Гумницкий подчеркивает, что религиозность, являясь интегративным качеством личности, «накладывает отпечаток на формирование всей ценностно-смысловой сферы человека» [2]. В сценариях достижения целей религиозный человек в большей степени полагается на высшие силы, чем на собственные. При этом, он игнорирует объективную информацию о потенциале собственных способностей, имеет зани-

женную самооценку и не высокую степень притязаний. Выраженная религиозность снижает стремление человека к самоактуализации, развитию способностей, свободе и творчеству [2]. М.Е. Гумницкий отмечает отрицательную корреляцию религиозности и рефлексивности, как способности к рациональному осмыслению собственных действий.

Г. Олпорт выделяет зрелую и незрелую религиозность, которые, вобрав в себя влияния из нескольких источников трансформируются соответственно во внутреннюю и внешнюю, разграничиваясь на основании места религии в мотивационной структуре личности. «Одни люди используют религию, другие ею живут. Для одних — это цель, для других — средство» [10]. Человек, обладающий внешней религиозной ориентацией склонен использовать религию для собственных утилитарных целей — как «источник защиты и покровительства, утешения, самооправдания и даже развлечения» [5]. Люди с внутренним типом религиозности относятся к религии, как к основному жизненному мотиву. Все потребности «они считают в конечном счете менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями» [10]. В этом смысле такие люди «живут» религией.

Таким образом, религиозность образует знако-символическую систему, психологический конструкт, влияющий на формирование мотивационно-поведенческой сферы и, в частности, атрибутивного стиля личности.

Целью статьи является анализ результатов исследования на этапе выявления закономерностей влияния религиозности на формирование человеком объяснительного сценария в отношении происходящих с ним удачных и неудачных событий.

Предыдущие этапы нашего исследования включали полимодальный сбор данных об испытуемых, распределение их на три подвыборки (нерелигиозные испытуемые, испытуемые с внутренним типом религиозности, испытуемые с внешним типом религиозности) и установление генерализованного мотива для испытуемых из каждой подвыборки. Установлена положительная корреляция внутренней религиозности и доминирующего мотива избегания неудач. Для респондентов, обладающих внешним типом религиозности характерен ведущий мотивационный сценарий достижения успеха [3]. Последующий анализ корреляционных связей религиозности и уровня субъективного (локус) контроля позволил установить положительную связь внешнего типа религиозности и внутреннего локуса контроля. Утилитарное чувство религиозности способствует развитию стремления к достижению целей в сфере производственных отношений. Вместе с тем, респонден-

ты, обладающие таким типом религиозности, склонны к объяснению неудач влиянием внешних обстоятельств. Внутренняя религиозность, напротив, отрицательно коррелирует с общей интернальностью и интернальностью в области достижений (внешний локус контроля). В области построения межличностных отношений внутренне религиозные люди имеют низкую способность влиять и формировать свой круг общения, также склонны считать такие отношения результатом действия других людей, внешних обстоятельств и пр. [4].

Целью заключительного этапа являлось исследование влияния религиозности на формирование объяснительного стиля личности. Использован тест атрибутивных стилей Л.М. Рудиной [8], который представляет собой адаптированную методику диагностики атрибутивного (объяснительного) стиля М. Зелигмана [9]. Методика состоит из шести основных шкал, характеризующих стиль объяснения удачных и неудачных событий по трем показателям: постоянство, широта и персонализация, а также шкал надежды, итогового показателя по неблагоприятным и благоприятным событиям, общего итога. Кроме того, общая шкала оптимизма позволяет определить обобщенный уровень оптимизма или пессимизма человека.

Общая выборка испытуемых составила: 415 человек в возрасте от 18 до 25 лет (216 мужчин и 199 женщин), студенты технического колледжа, православные христиане.

Для выявления статистически значимых связей между особенностями религиозной сферы и объяснительным стилем использован коэффициент корреляции Спирмена. Расчетная функция реализована в программе STATISTICA.

В таблице 1 приведены полученные результаты.

Из представленных в таблице данных видно, что внутренняя религиозность имеет статистически значимый показатель положительной связи с переменными: «постоянство плохих событий» ($r=0,31$ $p\leq 0,05$), «широта плохих событий» ($r=0,41$ $p\leq 0,05$), «коэффициент надежды» ($r=0,31$ $p\leq 0,05$), «итог по неблагоприятным событиям» ($r=0,39$ $p\leq 0,05$), а также тенденцию прямой связи с «персонализацией плохого» ($r=0,27^*$ $p\leq 0,01$).

«Постоянство плохих событий» ($r=0,31$ $p\leq 0,05$) может говорить о временной характеристике способа объясняемых событий, которая проявляется в убежденности человека в перманентном характере происходящих событий соответствующего качества, стабильности их причин, а также уверенности в том, что хорошие события и их причины являются временными. Внутренняя

Таблица 1. Коэффициенты корреляции Спирмена между типом религиозности и объяснительным стилем личности

n=415 М 216, ж 199	Внутренняя религиозность	Внешняя религиозность
PmB (Permanent Bad) Постоянство плохих событий	r=0,31	r= -0,12
PmG (Permanent good) Постоянство хороших событий	r=0,13	r=0,27*
PvB (Pervasiveness Bad) Широта плохих событий	r=0,41	r= -0,25*
PvG (Pervasiveness good) Широта хороших событий	r=0,11	r=0,29*
HoB (Hope Bad) коэффициент надежды(PvB+PmB)	r=0,31	r= -0,27*
PsB (Personalization Bad) Персонализация плохого	r=0,27*	r= -0,22
PsG (Personalization good) Персонализация хорошего	r= -0,28*	r=0,31
Итог по неблагоприятным событиям B = PmB + PvB + PsB	r=0,39	r= -0,27*
Итог по благоприятным событиям G = PmG + PvG + PsG	r=0,26	r=0,30
(G-B) — окончательный итог (оптимизм — пессимизм)	r= -0,29*	r=0,31

Примечание. Выделенные значения значимы при $p \leq 0,05$; * — показатель на уровне тенденции ($p \leq 0,1$)

религиозная убежденность стимулирует представление о неприятностях в категориях «всегда» и «никогда».

«Широта плохих событий» ($r=0,41$ $p \leq 0,05$) как странственная характеристика объяснительного стиля человека с внутренней религиозностью характеризует степень обобщения неблагоприятного опыта. Такой человек склонен следовать универсальному сценарию объяснения своим неудачам, отступать в широком спектре вызовов. Универсальность стереотипов объяснения неблагоприятных событий стимулируют беспомощность в широком диапазоне ситуаций, склонность к нерациональным обобщениям неблагоприятного опыта, создающим основу для отрицательного прогноза.

«Коэффициент надежды» человека с внутренней религиозностью ($r=0,31$ $p \leq 0,05$; отражает силу надежды в негативных ситуациях) также имеет прямую корреляционную связь со степенью погружения в религиозный культ. Это может означать, что постоянство и широта объяснений, как суммарный показатель, отображающий сущность надежды, находится в прямой зависимости от глубины веры и отражает величину постоянства и универсальность объяснения причин негативных событий. Таким образом, высокий уровень внутренней религиозности стимулирует рост тревожности и безнадежности.

Тенденция прямой связи внутренней религиозности и показателя «персонализация плохого» ($r=0,27^*$ $p \leq 0,01$)

может говорить о зависимости персонализации негативных событий (атрибуции причин неудач самому себе) от уровня внутренней религиозности, а также о низкой персонализации позитивных событий, которые оцениваются верующим преимущественно в связи с внешними, независимыми от него причинами и обстоятельствами ($r= -0,28^*$ $p \leq 0,01$).

Прямая корреляция внутренней религиозности с «итогом по неблагоприятным событиям» ($r=0,39$ $p \leq 0,05$) (суммой показателей постоянства, широты, персонализации плохих событий) говорит об обобщенной атрибутивной стратегии отношения верующих такого типа к причинам и условиям возникновения неблагоприятных событий, которая сводится к склонности к отрицательным ожиданиям. Таким образом, пессимистичность мышления человека с внутренней религиозностью объясняется временной характеристикой (стабильностью) причин плохих событий, причинными стереотипами (широтой охвата жизненных сфер) и склонностью искать источники плохих событий во внешних обстоятельствах.

Значимых корреляционных связей внутренней религиозности с широтой, постоянством и итогом по благоприятным событиям не установлено. Это может означать, что данный тип религиозности не влияет на формирование временной характеристики, широты охвата позитивных событий и итогового стереотипа отношения к благоприятным событиям. Вместе с тем, фиксируется тенденция обратной связи с показателем «персонали-

зация хорошего» ($r = -0,28^* p \leq 0,01$), что может говорить о тенденции снижения персонализации (приписывания себе) причин позитивных событий с возрастанием последовательной внутренней религиозности.

Выявлена тенденция обратной связи внутренней религиозности с показателем «окончательный итог» (оптимизм-пессимизм, G-B) ($r = -0,29^* p \leq 0,01$), что свидетельствует о влиянии глубины принятия религиозных ценностей человеком на оптимистичность сценария его мышления. Чем выше внутренняя религиозность, тем ниже оптимистичность личности.

Анализ табличных данных в отношении корреляционных связей внешней религиозности выявил прямую зависимость с показателем «персонализация хороших событий» ($r = 0,31 p \leq 0,05$), показателем «итог по благоприятным событиям» ($r = 0,30 p \leq 0,05$), показателем «окончательный итог» ($r = 0,31 p \leq 0,01$), тенденцию прямой зависимости с показателями «постоянство хороших событий» ($r = 0,27^* p \leq 0,01$), «широта хороших событий» ($r = 0,29^* p \leq 0,01$), а также тенденцию обратной зависимости с показателями «широта плохих событий» ($r = -0,25^* p \leq 0,01$), «коэффициент надежды» ($r = -0,27^* p \leq 0,01$), «итог по неблагоприятным событиям» ($r = -0,27^* p \leq 0,01$).

Внешний тип религиозности, в отличие от внутренней религиозности, положительно коррелирует с «персонализацией хороших событий» ($r = 0,31 p \leq 0,05$), что свидетельствует об увеличении атрибуции причин таких событий самому себе в связи с ростом утилитарного чувства религиозности. Корреляций с показателем «персонализация плохих событий» не выявлено, что может говорить об отсутствии влияния данного типа религиозности на формирование объяснительного способа персонализации плохих событий.

«Итог по благоприятным событиям» ($r = 0,30 p \leq 0,01$), как суммарный показатель постоянства, широты и персонализации хороших событий также прямо коррелирует с утилитарной религиозностью, что может говорить о большей уверенности людей, обладающих таким типом религиозности во временной стабильности, охвате хорошими событиями различных сфер жизни, склонности приписывать причины таких событий себе, низкой пессимистичности.

«Окончательный итог» (оптимизм-пессимизм, G-B), как разность показателей итогов отношения испытуемых к благоприятным и неблагоприятным событиям, позволяет оценить степень преобладания оптимизма или пессимизма в объяснительном стиле человека. Данный показатель ($r = 0,31 p \leq 0,05$) также находится в прямой зависимости с внешней религиозностью, что говорит о ро-

сте оптимистичности мышления в связи с прагматизмом в области религии.

Тенденции прямой зависимости внешней религиозности с показателями «постоянство хороших событий» ($r = 0,27^* p \leq 0,01$), «широта хороших событий» ($r = 0,29^* p \leq 0,01$), позволяют оценить временную и пространственную характеристику объясняемых событий. Означенные тенденции свидетельствуют о возрастании постоянства и широты обобщения позитивного опыта, убежденности человека во временной стабильности событий позитивного качества, позитивной их причинности, а также уверенности в том, что плохие события и их причины являются временными. Универсальность эксплуатируемых сценариев объяснения удач и позитивных событий в различных жизненных сферах способствует уверенности в широком диапазоне ситуаций, формированию объяснительного стереотипа, дающего основу положительного прогнозирования.

Тенденция обратной зависимости с показателем «широта плохих событий» ($r = -0,25^* p \leq 0,01$) как пространственной характеристики объяснительного стиля человека с внешней религиозностью характеризует степень обобщения неблагоприятного опыта. Тенденция свидетельствует о снижении широты областей неприятностей, отношении к ним, как к случайностям и частностям, которые не несут принципиальной значимости для достижения целей. Это стимулирует уверенность в положительном результате и склонность к обобщению благоприятного опыта.

«Коэффициент надежды» (сила надежды в негативных ситуациях) также имеет тенденцию обратной корреляционной связи с внешней религиозностью ($r = -0,27^* p \leq 0,01$), что свидетельствует о росте надежды в неудачных ситуациях, а также уверенности в их временном характере и конкретности их причин.

Тенденция обратной зависимости «итога по неблагоприятным событиям» (суммы постоянства, широты и персонализации плохих событий) ($r = -0,27^* p \leq 0,01$) и утилитарного типа религиозности может говорить о стимулировании ощущения оптимистичности в неблагоприятных ситуациях в силу мнимой помощи или поддержки «высших сил» согласно религиозным убеждениям.

Выводы

Таким образом, внутренняя религиозность способствует развитию и формированию специфических качеств мотивационной сферы личности, в частности: пессимистического атрибутивного (объяснительного) стиля, который связан со стереотипами: постоянства

плохих событий (как временной характеристики способа объясняемых событий), стабильности их причин, уверенности в том, что хорошие события и их причины являются временными; широты (универсальности) стереотипов объяснения неблагоприятных событий, создающим основу для отрицательного прогноза; персонализации негативных событий (атрибуцией причин неудач самому себе); низкой персонализации хороших событий (склонность приписывать их причины внешним обстоятельствам); низким уровнем надежды, как суммарного показателя постоянства и широты атрибутивного стиля; низким общим уровнем оптимистичности.

Внешняя религиозность способствует развитию и формированию отдельных качеств мотивационной сферы личности, в частности: оптимистичности атрибу-

тивного (объяснительного) стиля, связанного со стереотипом персонализации хороших событий (атрибуцией причин удач самому себе); уверенности в благоприятном итоге, как суммарном показателе постоянства, широты и персонализации хороших событий, проявляющемся во временной стабильности, охвате хорошими событиями различных сфер жизни, склонности относить на свой счет их причины; снижении широты областей неприятностей, отношении к ним, как к случайностям и частностям, которые не несут принципиальной значимости для достижения целей; росте надежды в неудачных ситуациях, уверенности в их временном характере и конкретности их причин; формировании объяснительного сценария, дающего основу положительного прогнозирования; высоким общим уровнем оптимистичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афтанас, Л. И. Эмоциональное пространство у человека: психофизиологический анализ. Новосибирск, 2000, Изд-во СО РАМН. — 106 с.
2. Гумницкий, М. Е. Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и религиозности личности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Педагогика и психология. 2013. № 5. С. 113–120.
3. Мишин, Ю. В. Мотивационные аспекты религиозной и нерелигиозной личности // Проблемы современного педагогического образования. — Сборник научных трудов: — Ялта: РИО ГПА, 2018. — Вып. 61. — Ч. 1. — С. 399–403.
4. Мишин, Ю. В. Аспекты субъективного контроля религиозной и нерелигиозной личности // Гуманитарные науки. — Сборник научных трудов: — Ялта: РИО ГПА, 2019. — Вып. 2 (46). — 168 с.
5. Олпорт, Г. Становление личности: Избр. труды / Г. Олпорт. — М.: Смысл, 2002. — 462 с.
6. Олпорт, Г. Тенденции в теории мотивации / Г. Олпорт // Проективная психология. — М., 2000. — С. 55–67.
7. Соколовская, И. Э. Социальная психология религиозной идентичности современной молодежи: Дис. . . . докт. психол. наук. Москва, 2015. 312 с.
8. Рудина, Л. М. Тест на оптимизм: Метод определения атрибутивных стилей / Л. М. Рудина. Под ред. В. М. Русалова. — М.: Наука, 2002. — 24 с.
9. Зелигман, М. Как научиться оптимизму: советы на каждый день / М. Зелигман. — М.: Вече, 1997. — 432 с.
10. Allport, G. The Religious Context of Prejudice. — *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1966, vol. 5, p. 454–455.
11. Mehrabian, A., Bank, L.A. (1978). Questionnaire Measure of Individual Differences in Achieving Tendency. *Educational and Psychological Measurement*, 38 (2), p. 475–78.

© Мишин Юрий Викторович (skmax1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ КОНФЛИКТООУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

Осипова Дарья Андреевна

Аспирант, МГУ им. М. В. Ломоносова

dasha.zagustina@mail.ru

ON THE PROBLEM OF DETERMINING THE STRUCTURE OF PERSONALITY CONFLICT RESISTANCE

D. Osipova

Summary. The article deals with modern studies of conflict resistance of the individual. The greatest contribution to the development of this phenomenon was made by A. ya. Antsupov and A. I. Shipilov, they also developed a theoretical model of the structure of personality conflict resistance, consisting of cognitive, emotional, motivational, volitional and behavioral components. However, researchers A. V. Buzmakova and E. N. Shagan detect possible failure of this model and offer their own additions as the inclusion of existential component, reflecting the personal meaning of the conflict, and metacomponents, revealing a vision of a conflict situation. In addition, earlier studies of personal resistance to conflict took place within the framework of a holistic study of the phenomenon. In one of the last publications on the topic of conflict resistance, A. V. Buzmakova proposes to divide it into types: integrative and compensatory, depending on personal qualities and ways of resolving the conflict. As for the model of conflict resistance, it is important to note that its empirical verification has not been carried out, so logically the question arises about the structure of this multicomponent phenomenon. Perhaps in further studies of this problem will be created and empirically confirmed structural model. The article also touches upon the problem of conflict resistance formation. The analysis found that resistance to conflict, as a kind of ability, can be formed and developed throughout a person's life and depends on many factors: from the characteristics of temperament to human experience. The authors are Yu. p. Platonov and E. N. Shagan noted the socio-psychological nature of education conflictologist personality. In conclusion, at this stage, many authors emphasize the role of conflict resistance as an integral quality of a Mature person.

Keywords: interpersonal conflict, psychological stability, conflictologist, components of conflictological.

Аннотация. В статье рассматриваются современные исследования конфликтоустойчивости личности. Наибольший вклад в разработку данного феномена внесли А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, они же разработали теоретическую модель структуры конфликтоустойчивости личности, состоящую из когнитивного, эмоционального, мотивационного, волевого и поведенческого компонентов. Однако, исследователи А. В. Бузмакова и Е. Н. Шаган обнаруживают возможную несостоятельность данной модели и предлагают собственные дополнения в виде включения экзистенциального компонента, отражающего личностный смысл конфликта, и метакомпонентов, раскрывающих видение конфликтной ситуации. Кроме того, ранее исследования личностной устойчивости к конфликтам проходили в рамках целостного изучения феномена. В одной из последних публикаций по теме конфликтоустойчивости А. В. Бузмакова предлагает подразделять ее на виды: интегративную и компенсаторную, зависящие от личностных качеств и способов разрешения конфликта. Что же касается модели конфликтоустойчивости, важно отметить, что ее эмпирической проверки не осуществлялось, поэтому логически встает вопрос о структуре данного многокомпонентного феномена. Возможно, в дальнейших исследованиях данной проблемы будет создана и эмпирически подтверждена структурная модель. В статье также затрагивается проблема формирования конфликтоустойчивости. В ходе анализа было обнаружено, что устойчивость к конфликтам, как некая способность, может формироваться и развиваться в течение всей жизни человека и зависит от многих факторов: от особенностей темперамента до опыта человека. Авторы Ю. П. Платонов и Е. Н. Шаган отмечают социально-психологическую природу образования конфликтоустойчивости личности. В завершение, на данном этапе многие авторы подчеркивают роль конфликтоустойчивости как неотъемлемого качества зрелой личности.

Ключевые слова: межличностные конфликты, психологическая устойчивость, конфликтоустойчивость, компоненты конфликтоустойчивости.

Познание природы человеческих отношений требует учитывать не только собственно психологические закономерности, но также объясняющие их биологические и кибернетические законы и принципы, а также роль социо-культурных факторов (Ананьев 1980; Выготский, 1982). Таким образом, раскрытие личности возможно через качественный анализ всех составляющих ее психической жизни.

Отношения между людьми определяют практически все главные смысловые и ценностные аспекты их жизне-

деятельности. Однако, в процессе межличностного взаимодействия люди зачастую сталкиваются с ситуациями, в которых могут расходиться их личностные позиции, мнения и интересы.

Существует множество причин возникновения межличностных конфликтов. Среди них А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов (Анцупов, Шипилов, 2000), в частности, выделяют психологическую устойчивость к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального взаимодействия.

«Большой психологический словарь» определяет устойчивость с различных позиций, подразделяя ее на отдельные виды: помехоустойчивость как характеристику эргономического процесса, нравственную устойчивость как учет социальных норм и правил, трансситуативную как аспект поведенческого реагирования в той или иной ситуации, эмоциональную как способность противостоять эмоциогенным ситуациям (Большой психологический словарь, с. 479).

По мнению А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, психологическая устойчивость — это «характеристика личности, состоящая в сохранении оптимального функционирования психики в условиях фрустрирующего и стрессогенного воздействия трудных ситуаций» (Анцупов, Шипилов, 2000, с. 201). Она включает в себя необходимость содержательной и психологической подготовки людей к оптимальным действиям в предконфликтной и конфликтной ситуациях, таким образом формируя у них конфликтоустойчивость.

Сам по себе конфликт может стать деструктивным орудием, приводящим к изменению или даже прекращению общения и какого-либо рода взаимодействия. Но при развитии особых способностей, повышающих устойчивость к конфликтогенному воздействию, разрушающие последствия конфликта могут трансформироваться в конструктивное русло, раскрыть новые способы преодоления противоречий и привести к повышению продуктивности рабочей деятельности, тем самым способствуя формированию такого феномена, как конфликтоустойчивость.

Созданием теоретической базы и изучением вопросов исследования и формирования конфликтоустойчивости занимались А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов (Анцупов, 1986; Анцупов, Шипилов, 2000; 2006), Н.В. Гришина (Гришина, 2008), О.Н. Громова (Громова, 2004), А.Г. Здравомыслов (Здравомыслов, 1994), С.М. Емельянов (Емельянов, 2009), Д.П. Зеркин (Зеркин, 1998).

Феномен устойчивости к конфликтам изучается в рамках педагогической деятельности (Бузмакова, 2013; Иванова, 2015; Жуковская, 2016), исследуется в связи с адаптивностью личности (Юферова, Коряковцева, 2015) рассматривается как элемент конфликтологической компетентности (Крылова, 2016), и как неотъемлемое качество личности будущего специалиста (Фомина, Митяева, 2009; Моторная, Чернышова, 2010; Маркова, 2014).

Таким образом, можно отметить, что интерес к данной проблеме с течением времени не угасает, в связи с чем важно отметить актуальность исследования устойчивости личности к конфликтному воздействию. В то же время на данный момент разрабатываются все новые те-

оретические взгляды на понимание структуры конфликтоустойчивости, ее формирования и связи с другими личностными (и не только) процессами.

Проблема конфликтоустойчивости относительно недавно вышла на арену исследований, первое упоминание о ней можно найти в диссертации А.Я. Анцупова (Анцупов, 1986).

Достаточно близкие по значению термины для описания данного феномена выделила Е.Н. Шаган (Шаган, 2006), в рамках которых изучалась конфликтоустойчивость.

1. как вид психологической устойчивости;
2. в рамках стрессоустойчивости;
3. как собственно психологическая устойчивость;
4. как эмоциональная устойчивость;
5. понималась как эмоциональная компетентность.

С точки зрения Н.А. Жуковской, конфликтоустойчивость является системным образованием, включающим в свое смысловое и содержательное поле проявление вышеназванных в психологическом словаре видов устойчивости (Жуковская, 2016, с. 218).

На данный момент, по уже сложившейся традиции, конфликтоустойчивость понимается как «способность человека сохранять конструктивные способы взаимодействия с окружающими вопреки воздействию конфликтогенных факторов» (Анцупов, Шипилов, 2006, с. 203).

В литературе на данный момент ведется дискуссия о структуре конфликтоустойчивости. Ученые (Анцупов, Шипилов, 2006; Шаган, 2006; Бузмакова, 2016) предлагают рассматривать конфликтоустойчивость как многокомпонентную структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов. Вопрос заключается в том, формируется ли конфликтоустойчивость благодаря этим элементам, либо же с повышением или снижением конфликтоустойчивости данные элементы также видоизменяются? В литературе пока четкого объяснения на данный счет нет. Однако, проблема выделения компонентов в структуре конфликтоустойчивости представляет теоретический интерес.

Большой вклад в развитие идеи конфликтоустойчивости внесли отечественные психологи — А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов (Анцупов, Шипилов, 2006). Им принадлежит заслуга концептуализации понятия, выделения в нем основных компонентов: познавательного, эмоционального, мотивационного, волевого и психомоторного.

Познавательный компонент — это устойчивость функционирования познавательных процессов лично-

сти, невосприимчивость к провокационным действиям оппонента. Компонент включает знания о конфликте и основные умения по его прогнозированию и анализу. Как верно говорят: «Врага надо знать в лицо». Чем больше информации мы имеем об оппоненте в конфликте, тем выше наши шансы на конструктивное преодоление конфликтной ситуации.

В частности, в познавательном компоненте А.Я. Анцупов выделяет такие способности, как умение определить начало предконфликтной ситуации, анализ причин возникновения конфликта, умение сводить к минимуму искажение восприятия конфликтной ситуации и личности оппонента, а также своего поведения, и, помимо того, умение дать объективную оценку конфликта, прогнозировать его развитие и возможные последствия. Авторы рассматривают в данном компоненте «способность быстро принимать правильные решения, способность выделять главную проблему конфликта, выдвигать и обосновывать альтернативные решения проблемы и способность к аргументации и цивилизованной полемике в условиях спора».

Отступая от перечисления компонентов конфликтоустойчивости, можно привести пример проявления познавательного компонента. Так, в качестве него могут выступать конфликтные компетенции. Н.А. Жуковская (Жуковская, 2016, с. 218) отмечает, что конфликтоустойчивость характеризуется наличием у человека соответствующих компетенций, позволяющих ему осуществлять когнитивную оценку вероятности возникновения и развития конфликтной ситуации, проектировать собственный поведенческий маршрут и контролировать психическое состояние. В педагогических исследованиях подобные компетенции получили название конфликтной компетенции (Хасан, 2003).

Эмоциональный компонент конфликтоустойчивости отражает эмоциональное состояние личности в ситуации взаимодействия, уровень и характер возбудимости психики и ее влияние на успешность общения в трудной ситуации. Сущность данного компонента состоит в умении управлять своим эмоциональным состоянием, контролировать агрессию, эффективно общаться с оппонентом, не прибегая к оскорблениям. А в случае затяжного конфликта или проигрыша в нем — не переходить в депрессивные состояния.

Волевой компонент конфликтоустойчивости понимается как способность личности к сознательной мобилизации сил в соответствии с ситуацией взаимодействия, к сознательной регуляции своего поведения и психического состояния. Именно волевой компонент позволяет управлять эмоциональным возбуждением в конфликтной ситуации. Помимо этого, волевой компонент обе-

спечивает толерантность, терпимость к чужому мнению, несогласию с другим, самообладание и самоконтроль.

Следующий компонент — мотивационный, понимается как «состояние внутренних побудительных сил, способствующих оптимальному поведению в трудной ситуации взаимодействия. Он обеспечивает адекватность побуждений складывающейся ситуации, их направленность на совместный поиск путей разрешения противоречия, устремленность на решение проблемы, возможность корректировки отстаиваемых интересов в зависимости от изменения обстановки и расстановки сил».

Психомоторный компонент обеспечивает правильность действий, их четкость и соответствие ситуации. Он заключается в регуляции своей мимики, пантомимики, позы и положения тела. Позволяет регулировать внешнее проявление эмоциональных переживаний, а также избегать тремора рук и дрожания голоса, скованность движений при волнении (Анцупов, Шипилов, 2006, с. 203–204).

Данное представление позволяет предположить, что конфликтоустойчивость является многокомпонентной системой, включающей в себя проявления эмоциональной сферы, мотивационно-волевой, когнитивной и психомоторной, где все элементы структуры связаны между собой и взаимодействуют.

Но, если А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов выделили в структуре конфликтоустойчивости пять компонентов (эмпирической проверки данных положений о многокомпонентной структуре феномена пока не проводилось), то Е.Н. Шаган указывает на то, что предложенная теоретическая схема может быть не вполне исчерпывающей.

По мнению Е.Н. Шаган, «неоправданно отсутствуют структурные элементы психики, которые традиционно в конфликтологии относятся к личностным факторам, влияющим на динамические (мотивация конфликта и способы его разрешения) и содержательные (объект конфликта) характеристики конфликта, а именно — личностный смысл» (Шаган, 2006, с. 9).

Экзистенциальная конфликтная позиция — это и есть тот личностный смысл, который также наряду с эмоционально-мотивационной и волевой регуляцией может рассматриваться в общем конструкте конфликтоустойчивости.

Экзистенциальный компонент включает конструктивную конфликтную позицию как систему рациональных убеждений, преодолевающих биполярную катего-

ризации людей и событий. Таким образом, включение шестого экзистенциального компонента в структуру конфликтоустойчивости может содержательно дополнить модель.

Еще одним важным дополнением к рассмотрению структуры конфликтоустойчивости, на наш взгляд, является работа А. В. Бузмаковой (Бузмакова, 2016). Учитывая выделенную А. Я. Анцуповым и А. И. Шипиловым модель конфликтоустойчивости, А. В. Бузмакова представляет собственное видение данного конструкта. Она сосредотачивает свои научные поиски на когнитивном компоненте конфликтоустойчивости, предполагая, что он в свою очередь состоит из адаптационных и интегративных ситуационных метакомпонентов личности. Адаптационные ситуационные метакомпоненты представляют собой выбор поведения на основании особенностей конфликтной ситуации. Интегративные ситуационные компоненты конфликтоустойчивости являются результатом изменения представлений о ситуации на основании своего поведения в ней, что приводит к включению конфликтной ситуации в структуру конфликтоустойчивости личности. Для достижения поставленной цели А. В. Бузмаковой была разработана психосемантическая методика, где респондентам предлагалось оценить конфликтную ситуацию с помощью ряда антонимичных пар прилагательных и глаголов.

Благодаря проведенному исследованию, было выявлено, что конфликтоустойчивость педагогов можно рассматривать «как психологическую систему, обладающую структурно-функциональной организацией, направленной на целенаправленное преодоление конфликтной ситуации эффективными адаптивными способами» (Бузмакова, 2016, с. 13). Важно отметить, что наиболее важным в этом контексте является именно целенаправленное преодоление, так как «целеустремленность» является структурообразующим качеством, выполняющим максимальную функциональную нагрузку в структуре конфликтоустойчивости.

Помимо выделения метакомпонентов конфликтоустойчивости, А. В. Бузмакова определила существование как минимум двух видов конфликтоустойчивости: интегративной и компенсаторной. Интегративная конфликтоустойчивость рассматривается как конгруэнтность личностных качеств и способов разрешения конфликта. Компенсаторная конфликтоустойчивость — конструктивное разрешение конфликта при его неконгруэнтности личностным качествам личности (Там же, с. 10). А. В. Бузмакова проводила свое исследование в рамках изучения педагогической деятельности, поэтому вся ее работа описывает конфликтоустойчивость отдельной группы лиц — педагогов. При этом вопрос об эмпирической проверке модели конфликтоустойчивости как мно-

гоуровневого феномена остается открытым для дальнейших исследований.

Что касается проблемы формирования конфликтоустойчивости, а именно: является ли устойчивость к конфликту врожденной или приобретенной, — многие исследователи (Анцупов, Шипилов, 2000; 2006; Шаган, 2006; Бузмакова, 2013; 2016; Платонов, 2009) отмечают, что конфликтоустойчивость не является врожденным образованием.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов утверждают, что конфликтоустойчивость формируется в течение жизни человека и зависит от факторов: 1) типа нервной системы человека; 2) опыта человека, профессиональной подготовки; 3) навыков и умений поведения и деятельности; 4) уровня развития основных познавательных структур личности (Анцупов, Шипилов, 2000, с. 201). Конфликтоустойчивость, с их точки зрения, рассматривается как динамическая характеристика, изменяющаяся в зависимости от социальной адаптации, особенностей доминирования сфер жизнедеятельности и «оппонентного круга» субъекта.

Е. Н. Шаган (Шаган, 2006) отмечает, что конфликтоустойчивость является ситуативным видом психологической устойчивости, который активизируется только при наличии конфликтогенного влияния. Сходную позицию занимает А. В. Бузмакова, утверждая, что «конфликтная ситуация является первичной онтологически представленной метасистемой конфликтоустойчивости и включена в ее структуру как компонент когнитивной подсистемы в виде репрезентации конфликтной ситуации» (Бузмакова, 2016, с. 9). Стало быть, без наличия конфликтной ситуации невозможно проследить уровень конфликтоустойчивости личности, так как именно в ситуации конфликтного взаимодействия активизируются структуры реагирования на конфликт и поиска способов его безболезненного разрешения.

Ю. П. Платонов (Платонов, 2009) рассматривает процесс развития конфликтоустойчивости личности как динамику освоения социальных ролей. При этом Ю. П. Платонов говорит о ведущей роли социальных ожиданий (ожиданий) в основе бесконфликтного взаимодействия людей. Таким образом, авторы, утверждая, что конфликтоустойчивость хоть и является личностным образованием, подчеркивают ее социально-психологическую природу, в частности, влияние ситуации на проявление аспектов конфликтоустойчивости.

В заключение можно сказать, что в современных условиях, когда ежедневные контакты с большим количеством людей являются необходимостью, обладание высокой конфликтоустойчивостью является порой главным атрибутом поддержания позитивных взаимоотно-

шений, а также качеством личности-профессионала. Конфликтоустойчивость представляет собой важный личностный ресурс, развитие которого способствует становлению конкурентоспособной, зрелой личности (Свириденко, 2007). На сегодняшний день предметом

внимания для исследователей остается задача эмпирической проверки теоретических положений, касающихся структуры конфликтоустойчивости личности, а также взаимосвязи данного явления с другими психологическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. избранные психологические труды: в 2-х томах / Под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. — М.: Педагогика, 1980. — т. 1, 230 с., т. 2, 287 с.
2. Анцупов А.Я. (1986) Влияние трудных ситуаций на эффективность деятельности воина — оператора ПВО. Москва.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А. И. (2000) Конфликтология. — М.: ЮНИТИ.
4. Анцупов А.Я., Шипилов А. И. (2006) Словарь конфликтолога. — СПб.: Питер.
5. Бузмакова А.В. (2013) К вопросу об определении видов конфликтоустойчивости учителей. Вестник Челябинского государственного университета, 325 (34): 95–97.
6. Бузмакова А.В. (2016) Структура и содержание конфликтоустойчивости личности на этапах профессионального обучения и педагогической деятельности. Ярославль.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Педагогика, 1982–84 гг.
8. Гришина Н. В. Психология конфликта. Хрестоматия / Сост. и общая редакция Н. В. Гришиной: 2-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2008. — 480 с.: ил. — (Серия «Хрестоматия»).
9. Громова, О. Н. Конфликтология / О. Н. Громова. — М.: Экмос. 2004. — 357 с.
10. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. — СПб.: Питер, 2009. — 384 с.
11. Жуковская Н.А. (2016) Развитие конфликтоустойчивости педагога. Известия Саратовского университета, 16 (2): 216–220.
12. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: АО «Аспект Пресс», 1994. — 317 с.
13. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 480 с.
14. Зинченко В. П. Большой психологический словарь / В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков, — 4-е изд., доп. — М.: АСТ, 2004. — 816 с., с. 213).
15. Иванова Е.К. (2015) Конфликтологическая культура учителя и ее проявления в профессиональной деятельности. Вестник Башкирского университета, 20(2): 716–720.
16. Крылова Т.А. (2016) Конфликтологическая компетентность курсантов как фактор противостояния стрессам. Universum: психология и образование, 29 (11)
17. Маркова Н. Г. (2014) Конфликтоустойчивость личности как индикатор безопасности в поликультурном мире. Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: 63–66.
18. Морозов А. В. Деловая психология. Курс лекций. — СПб.: Союз, 2000. — 576 с.
19. Моторная С.Е., Чернышова Е. И. (2010) Конфликтоустойчивость как неотъемлемое качество конкурентоспособного выпускника высшей школы. Вісник СевНТУ, (104): 87–94.
20. Платонов Ю.П. (2009) Психология конфликтного поведения. СПб.: Речь.
21. Свириденко И.Н. (2007) Конфликтность личности с разными уровнями зрелости. Екатеринбург.
22. Фомина С.Н., Митяева А. М. (2009) Формирование конфликтологической компетентности будущего специалиста социальной сферы. Ученые записки Российского государственного социального университета, 11: 105–109. Москва
23. Хасан Б. И. (2003) Конструктивная психология конфликта. СПб.
24. Шаган Е.Н. (2006) Формирование конфликтоустойчивости у подростков на занятиях тренинга в школе. Калининград.
25. Юферова М.А., Коряковцева О. А. (2015) Влияние общей адаптивности на конфликтоустойчивость личности. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 21: 60–63.

© Осипова Дарья Андреевна (dasha.zagustina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА (НА ПРИМЕРЕ ММФ ОШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

STUDY OF ADAPTATION FEATURES OF FOREIGN FIRST-YEAR STUDENTS (BY THE EXAMPLE OF IMF OF OSH STATE UNIVERSITY)

A. Pirmatova
N. Sheriva
A. Turusbekova
R. Kalmatov
A. Zhoroeva

Summary. In an era of rapid globalization of the world, young people have the opportunity to study in different countries. The Kyrgyz Republic, because of its skillful management also did not remain on the sidelines of this process.

In a foreign country they are faced with new cultural and social traditions, customs and forced to adapt to a different environment. Programs, projects and researches were developed on the problems of exchange of students and their socio — psychological adaptation to the multicultural educational environment.

Was made the analysis of psycho-emotional indicators of 43 1st year students from different regions of India.

Keywords: international students, adaptation social and cultural, environment.

Пирматова Алина Каныбековна
Преподаватель, Ошский государственный
университет
pirmatovaalina@gmail.com

Шериева Нурила Жапаровна
Преподаватель, Ошский государственный
университет

Турусбекова Акшоола Козманбетовна
К.м.н., Ошский государственный университет
turusbekova.80@mail.ru

Калматов Романбек Калматович
Д.м.н., профессор, Ошский государственный
университет
krkmkmc@gmail.com

Жороева Алия Кубанычбековна
Преподаватель, Ошский государственный
университет
lilinjoroeva@gmail.com

Аннотация. В эпоху стремительной глобализации мира у молодых людей имеется возможность обучаться в разных странах. Кыргызская Республика благодаря умелому менеджменту также не осталась в стороне данного процесса.

В чужой стране, они сталкиваются с новыми для себя культурными и социальными традициями, обычаями и вынуждены адаптироваться к иной среде. По проблемам обмена студентами и их социально — психологической адаптации к поликультурной образовательной среде разработаны программы, проекты и проведены исследования.

Проведен анализ психоэмоциональных показателей 140 студентов 1 курса из разных регионов Индии.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация социальная и культурная, окружающая среда.

Введение

В связи с постоянным развитием культурных и экономических связей между различными странами, образовательный процесс в Кыргызстане становится все более и более интернациональным. Формируются новые специальности и уровни образования, идет постоянная работа по интеграции кыргызских ВУЗов в международную систему высшего образования. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению

иностранных граждан, получающих образование в Кыргызстане. В Ошском государственном университете, в период с 2010 года по 2019 годы количество иностранных студентов из дальнего зарубежья в нашем университете возросло с 540 студентов до более 3700.

История обучения иностранных студентов в ОшГУ, берет начало с 80-х годов, активизация началась после приобретения суверенитета республики. В настоящее время иностранные студенты приезжают в Кыргыз-

стан в основном из стран Юго-Восточной Азии (Индия, Шри-Ланка, Пакистан, Непал), стран Ближнего Востока (Афганистан, Сирия).

В работах наших коллег Белов Г. В., Магарде Б. К. «Анатомо-физиологические, культурно-этнические и психологические аспекты адаптации студентов из Индостана к учебе в медицинских вузах Кыргызстана» отмечается, что обучение в ВУЗе это сложный процесс, характеризующийся переходом к самостоятельной жизни с повышенной умственной активностью, ответственностью, изменением режима труда, питания, отдыха и сна. Адаптация студентов к учебному процессу сопровождается существенной перестройкой психологии.[5]. Также в источниках работ таких авторов как Н. А. Агаджанян, В. П. Дегтярев, Е. И. Русанова; М. М. Асильдерова, В. К. Агаргимова, П. А. Гасангусейнова, Б. М. Гасанова есть данные, что по времени начало студенческой жизни приходится на 17–20 лет, когда продолжается интенсивный рост организма, формируются новые полоролевые и анатомофизиологические характеристики.[2,4]. Согласно работам А. А. Чонкоева, Д. Ш. Чынгыспаев такое резкое изменение ритма жизни не всегда протекает гладко, у значительной части первокурсников оно приводит к дезадаптивным реакциям, в том числе депрессии, снижению общей реактивности, манифестации хронических заболеваний, частым острым респираторным инфекциям. [11]

Успешная своевременная адаптивность студента приводит к получению позитивных результатов как в учебном процессе, так и других сферах жизни, формирует у него стабильность в поведении, уверенность, психологическую устойчивость.

В работах С. Л. Рябкова, Ю. И. Скопина говорится, что вопросы приспособления иностранных граждан к новым условиям жизни являются предметом изучения многих наук, таких как философия, социология, культурология, психология, педагогика. В медицине и биологии адаптация рассматривается как «целенаправленная системная реакция организма, обеспечивающая возможность функционирования всех видов социальной деятельности и жизнедеятельности при воздействии факторов, интенсивность и экстенсивность которых ведет к нарушениям гомеостатического баланса» [10] и часто употребляется как синоним понятий «приспособление», «акклиматизация».

Цель исследования — анализ литературных данных об особенностях адаптационного процесса иностранных студентов-медиков.

Факторы, влияющие на адаптацию иностранных студентов в ОшГУ.

Одним из важнейших факторов, влияющих на адаптацию иностранных студентов являются особенности вузовского учебного процесса. Как известно, большинство абитуриентов, приезжающих на учебу в ОшГУ, заканчивают национальные школы в своих странах и не имеют опыта учебы в университетах. Обучение в университетах существенно отличается от учебы в школах (в университетах значительная самостоятельность у студентов; контроль со стороны родителей практически отсутствует; контроль за учебой со стороны профессорско-преподавательского состава и деканата несколько строже, и др.).

Иностранные студенты, обычно не имеют опыта учебы за границей. Это создает для них дополнительные трудности (учебные, экономические, бытовые и др.). Конечно, основная проблема для них — языковая (не у всех студентов развиты языковые способности, кыргызский или русский язык для них является достаточно трудным).

Таким образом, кроме биологической адаптации в КР, в основном за счет климатической, иностранные студенты испытывают дополнительную нагрузку, связанную с социально-психологической адаптацией к новому виду деятельности (учебе в вузе), социальной адаптацией к социально-экономическим и социально-бытовым условиям (проживание в общежитии), социальному окружению и др. Все это, естественно, требует от иностранных студентов больших физических и психических ресурсов, их быстрой мобилизации для быстрого и эффективного решения учебных задач (сдачи модулей, экзаменов и др.). В силу этих обстоятельств у студентов проявляются адаптационные признаки, вызванные учебной деятельностью (беспокойство, волнение, усталость и др.).

Студенты иностранцы в ОшГУ в основном — представители стран с теплым климатом. Учебный процесс для первокурсников начинается с 15 октября, а приезд иностранных студентов в Ош для обучения длится с августа по октябрь, то есть впервые они попадают в нашу страну в летне-осеннее время года. Известно, что у коренных жителей, проживающих в холодном климате, основной обмен по сравнению с представителями более теплых регионов повышен на 13–16%, а увеличение теплопродукции организма обеспечивается высоким уровнем жиров в пище, повышенным их содержанием в сыворотке крови и высокой способностью к утилизации. Существуют и другие физиологические различия. Например, представители стран Юго-Восточной Азии имеют более низкий по сравнению с кыргызстанцами индекс массы тела. Таким образом, проблемы биологической адаптации определяются групповыми и индивидуальными физиологическими особенностями иностранных студентов.

В автореферате Магарде Б. К. «Адаптация студентов Индии к учёбе в условиях Кыргызстана» отмечены

Questionnaire № 1

Last name/First name;; Age Sex:					
Higher education institution/ Faculty: Year Date of arrival in Osh:					
From which country you are?					
Tick the box with the most correct answer.					
Is you daily life has been changed?	Has been considerably changed		Has been very little changed		Has not been changed
Is your typical routine food has been changed after beginning of study in university?	Has been considerably changed		Has been very little changed		Has not been changed
How the amount of meat has been changed in your menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How the amount of fresh vegetables has been changed in your menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How the amount of fresh fruits has been changed in your food menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How the amount of milk products has been changed in your food menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How the amount of intermediate goods has been changed in your food menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How has the amount of sugar and pastry products has been changed in your menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
How has the amount of flour products has been changed in your menu?	Has been considerably decreased	Has been very little decreased	Has not been changed	Has been very little increased	Has been considerably increased
Do you drink sweet fizzy beverages or canned juices?	Yes, often		Sometimes		No
Do you have snacks between main mealtimes?	Yes, often		Sometimes		No
Are your bad habits have been formed after start of study in university?	Yes. Which?		No		
Have you got rid of bad habits after start of study?	Yes From which?		No		
Do you smoke?	Yes, often		Sometimes		No
Do you drink alcoholic beverages?	Yes, often		Sometimes		No

проведённые исследования как сравнительная оценка физического развития юношей и девушек, оценка психологического состояния студентов первокурсников, резервные возможности первокурсников ММФ и сезонная динамика физиологических показателей у студентов [7]. Вопрос психологического состояния студентов первокурсников в период их обучения в университете не был изучен, в связи с чем мы решили осветить эти вопросы.

С этой целью мы взяли фокусировку на студентов первокурсников из разных областей с целью проведения сравнительного анализа и проведения профилактических мер по предотвращению негативных итогов.

В ходе анкетирования было опрошено всего: 140 студента 1 курса

Из них: Северные штаты Индии — 68

Южные штаты Индии — 64

Шри Ланка — 3 студента

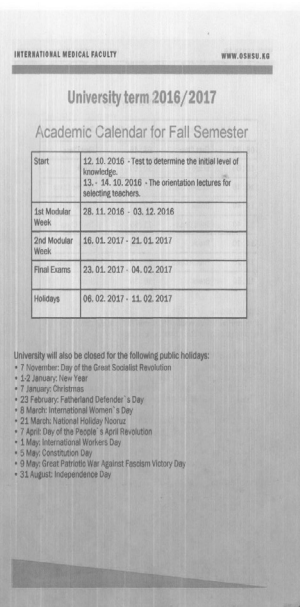
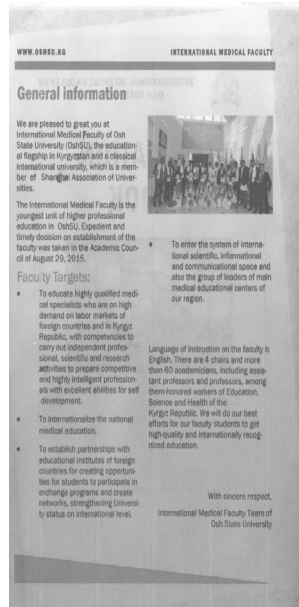
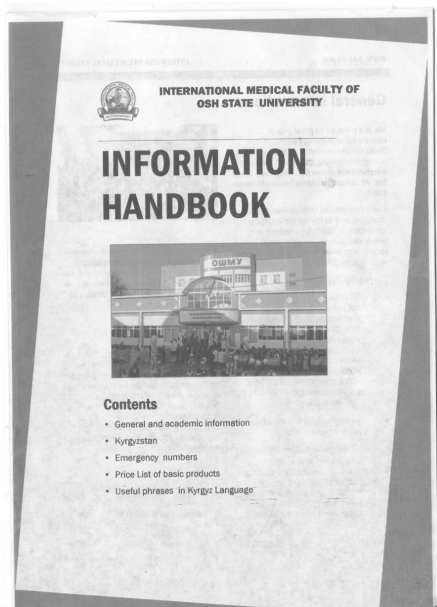
Пакистан — 5 студентов

Анкетирование было проведено с октября по ноябрь. В анкетировании участвовали студенты из первого курса 2018–2019 г.

Анализ ответов иностранных студентов, на вопрос о том, какие факторы влияют на их адаптацию в Кыргызстане, расположились в следующем порядке:

Questionnaire № 2

Last name/First name;; Age Sex:			
Higher education institution/ Faculty: Year Date of arrival in Osh:			
From which country you are?			
Tick the box with the most correct answer.			
Is there any difference between OSU teaching method and your universities method?	Some difference	Yes, totally different	No difference
Not knowing the local language is a barrier to study?	Sometimes	Yes	No
Not knowing the local language is a barrier to live here?	Sometimes	Yes	No
Are there disagreements in your student team because you belong to different regions?	Sometimes	Yes	No
Are there any differences in the dormitory conditions here and between yours?	Some difference	Yes, totally different	No difference

1. недостаточно хорошее знание языка и значительные трудности его освоения;
2. климатические условия;
3. трудности установления контактов с местным населением
4. трудности адаптации к учебному процессу;
5. трудности адаптации к студенческому коллективу;
6. трудности адаптации к профессорско-преподавательскому составу;
7. трудности адаптации к бытовым условиям проживания в общежитиях;
8. трудности адаптации к действительности (их поражает социально-правовая и криминальная ситуация в городах, в которых живет население страны.

9. питание
10. тотальное изменение пищевого рациона
11. употребление мучного в большем количестве, что значительно отличается от обычного рациона
12. ввиду дешёвой стоимости газированных напитков- злоупотребление ими
13. ввиду дешёвой стоимости, в сравнении с ценами за рубежом алкогольных напитков- злоупотребление ими.

С 2015 года для ускоренной и гладкой адаптации для иностранных студентов, организуется адаптационная неделя. Введен институт тьюторства, выпущен буклет содержащий необходимую информацию о городе, торговых точках и ценах, краткий разговорник, об учебном

процессе, карта университета и много другой полезной информации.

В 2016 году под редакцией сотрудников Калматов Р.К., Миталипова А., Ахунбаева А., Пирматова А., работающих в тесной связи со студентами, была выпущена информационная книжка для студентов 1 курса с целью ознакомления и введения в жизнь Кыргызстана. Руководство содержит в себе все самые важные аспекты, необходимые на период адаптации иностранных студентов в Кыргызстане: структура университета и факультета, контакты подразделений, карта города и расположение клинических баз, расписание городского транспорта, климатические особенности, особенности питания и продуктов питания, широко освещен учебный процесс, его особенности и многое другое.

Выводы

В результате проведенных нами работ по адаптации иностранных студентов за 2015–2018 годы, иностранные

студенты постепенно освобождались от стереотипного восприятия представителей других этнических групп. У студентов сформировались достаточно устойчивые навыки и умения установления межэтнических контактов. Это стали отмечать не только сотрудники университета, но и местные жители. Ранее жилищными проблемами занимались в основном контрактёры иностранных студентов, то теперь первокурсники самостоятельно по приезду могут в течении двух недель сами найти жилье, имеются случаи подселения к местным семьям в их доме.

Таким образом, процесс адаптации важен для студента. Важность проблемы адаптации иностранных учащихся в ОшГУ определяется задачами их дальнейшего эффективного обучения как будущих специалистов. Успешная и быстрая адаптация помогает быстро включиться в учебный процесс и способствует повышению качества подготовки студентов в вузе, в конечном итоге может повысить рейтинг университета на мировом рынке образовательных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишева З.С. К проблеме психофизиологической адаптации иностранных студентов к обучению. /З.С.Абишева, Г.Д. Жетписбаева, Т.К. Раисов //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–5. С. 883–885.
2. Агаджанян Н. А. Здоровье студентов / Н. А. Агаджанян, В. П. Дегтярев, Е. И. Русанова- М.: Российский университет дружбы народов, 1997–199с
3. Арсеньева, О. В. Дороховой, А. И. Сурыгина. Предвузовская подготовка иностранных студентов в СПбГУ / Под ред. Д. Г. Серия «Проблемы обучения иностранных студентов». Выпуск 3. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2005, 172 с.
4. Асильдерова М. М. Психологические показатели адаптации студента- первокурсника к условиям обучения в вузе/ М. М. Асильдерова, В. К. Агаргимова, П. А. Гасангусейнова, Б. М. Гасанова //Мир науки, культуры, образования. 2016. № 3 (58). С. 74–76.
5. Белов Г.В., Магарде Б. К., Сеитова А. С., Мурзалиева А. М. Анатомо-физиологические, культурно- этнические и психологические аспекты адаптации студентов из Индостана к учебе в медицинских вузах Кыргызстана. — «Таврический медико-биологический вестник». Симферополь.
6. Даурова Фатима Юрьевна. Патогенетическое обоснование профилактики и лечения стоматологических заболеваний у иностранных студентов в период адаптации и акклиматизации к условиям проживания и обучения в России — Диссертация на соискание учёной степени доктора медицинских наук. Москва 2014 г.
7. Магарде Б.К. «Адаптация студентов из Индии к учёбе в условиях Кыргызстана» Автореферат диссертации на соискание степени Ph D. Калифорния-Бишкек — 2018
8. Мариненко, О. П. М 86 Педагогическая поддержка иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки: монография / О. П. Мариненко. — Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2015. — 172 с.
9. Муртазина Р.И., Шагивалеева Г.Р. Исследование адаптации иностранных студентов к обучению в вузе // Студенческий форум: электрон. Научн. Журн. 2018. № 2(23).
10. С.Л. Рябкова, Ю. И. Скопина особенности процесса адаптации в вузе иностранных студентов первого курса (на примере нижегородского государственного архитектурно–строительного университета) — Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии».
11. Чонкоева А. А. Сравнительная оценка психофизиологической адаптации иностранных студентов к условиям профессионального обучения / А. А. Чонкоева, Д. Ш. Чынгышпаев // Медицина Кыргызстана. 2014. Т. 1. № 5. С.84–87

© Пирматова Алина Каныбековна (pirmatovaalina@gmail.com), Шериева Нурила Жапаровна,

Турусбекова Акшоола Козманбетовна (turusbekova.80@mail.ru),

Калматов Романбек Калматович (krkmtmc@gmail.com), Жороева Алия Кубанычбековна (lilinjoroeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ECONOMIC SOCIALIZATION OF YOUTH IN AN AGING SOCIETY: THEORETICAL ANALYSIS

**I. Sizova
A. Taradanov**

Summary. The article presents a theoretical analysis of the concept of "economic socialization", reveals the features, structural components, factors, stages and criteria of economic socialization of youth. In the context of an aging society, the study of economic socialization becomes particularly relevant: the younger generation is responsible for the functioning of an aging society, the prospects for its economic and socio-cultural development. The level of economic culture formed among young people determines the well-being of an individual at an older age and affects not only his later life, but also the life of the aging population of the country.

Keywords: socialization, economic socialization, youth, aging society.

Сизова Яна Николаевна

*Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»
sizova159@yandex.ru*

Тараданов Александр Ардалионович

*Д.с.н., доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»
taradanov@csu.ru*

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ понятия «экономическая социализация», раскрыты особенности, структурные компоненты, факторы, стадии и критерии экономической социализации молодёжи. В условиях стареющего общества изучение экономической социализации приобретает особую актуальность: на молодое поколение ложится ответственность за функционирование стареющего общества, перспективы его экономического и социокультурного развития. Уровень экономической культуры, сформированный у молодёжи, определяет благополучие личности в старшем возрасте и влияет не только на её последующую жизнь, но и на жизнь стареющего населения страны.

Ключевые слова: социализация, экономическая социализация, молодёжь, стареющее общество.

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения является серьёзной и актуальной проблемой на сегодняшний день, порождающей ряд последствий социального и экономического характера. Стареющему обществу характерны дисбаланс соотношения между числом работающих и неработающих людей, а также рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание. К 2050 году, согласно прогнозам ООН, 22 процента всего населения будут пенсионерами, а в развитых странах на каждого работающего индивида будет приходиться по пенсионеру.

Важнейшим ресурсом в стареющем обществе является молодёжь, представители которой вырабатывают новые стандарты мышления, проявляют конкурентоспособность, готовность жить и трудиться в новых условиях. На молодое поколение ложится особая ответственность за функционирование стареющего общества, перспективы его экономического и социокультурного развития. Однако, признавая особую роль молодёжи в экономической, политической и культурной жизни, А.С. Запесоцкий подчёркивает падение объективной роли молодого поколения как социального ресурса страны: рост безработицы подрастающих поколений, понижение социально-экономического статуса, снижение уровня физического и психического здоровья [13].

Так, в условиях социально-экономических изменений, в том числе демографических, ожидания общества оказываются связаны с представителями молодого поколения, ресурсный подход в отношении которых определяет необходимость изучения особенностей ценностного мира данной социальной группы, обуславливает актуальность исследования проблемы становления молодёжи как сознательного и ответственного субъекта экономических отношений. Представления молодого поколения об экономических феноменах, опыт экономических отношений, роли экономического поведения формируются в процессе экономической социализации.

Понятие «экономическая социализация» как процесс, предполагающий усвоение и воспроизведение человеком социального опыта в экономической сфере жизни, впервые было использовано в работах С.Каммингса, Д.Тейбела, Б.Стаси [1, 2]. В ходе экономической социализации приобретает определённый социально-экономический статус, усваиваются знания экономического содержания, необходимые для успешного функционирования в современном обществе [3]. Согласно Е.Е. Бессарабовой, экономическая социализация — это «процесс и результат отражения и интериоризации накопленного человечеством опыта экономических отношений и одновременное обогащение его теми связями и отношениями, в которых личность формируется как субъект трудовой

деятельности» [7]. Е. В. Козлова рассматривает экономическую социализацию как процесс становления экономического сознания, приобретения экономических представлений, усвоения экономических знаний, освоения ролей, норм, навыков и ценностей экономического поведения [15]. Согласно А. Л. Журавлеву, экономическая социализация — это «процесс и результат включения человека в экономические отношения общества, усвоение опыта этого общества и активное его воспроизводство» [12]. Целью экономической социализации, с позиции Т. В. Дробышевой, является формирование способности личности функционировать и развиваться в роли субъекта экономической деятельности и экономических отношений [11].

В качестве структурных составляющих в экономической социализации выделяют когнитивный, ценностный и поведенческий компоненты, связующим звеном которых являются коммуникации [11]. Когнитивный компонент определяется через элементы экономического сознания: экономические представления, экономические образы и понятия. Система ценностных ориентаций личности, её нравственные и культурные нормы, позволяющие регулировать отношения индивида с субъектами и объектами экономической жизни общества, составляют ценностный компонент экономической социализации. Поведенческий компонент состоит из предпочтений, интенций, типичных стратегий, стереотипов экономического поведения и готовности человека к разнообразным видам такого поведения (сберегающему, производственному, потребительскому, инвестиционному, обменному и т.д.).

В процессе экономической социализации можно выделить две стадии: до трудовую (первичную) и трудовую (вторичную). Первичная экономическая социализация характеризуется получением (чаще, опосредованно) и усвоением (чаще, неосознанно) ребёнком первого экономического опыта, формированием социальных и экономических ценностей, норм, моделей экономического поведения, проявляется в виде сформированных (адекватно возрасту) экономических представлений, ожиданий, отношений, установок, мнений, оказывается опосредованной в большей степени возрастом индивида и микросредовыми условиями. Вторичная экономическая социализация наступает на этапе включения человека в трудовую деятельность, где начинают применяться знания, полученные на этапе первичной экономической социализации. На данной стадии человеком принимаются и усваиваются новое экономическое знание, экономический опыт и способы овладения ими, что говорит об избирательном характере вторичной экономической социализации [11].

Помимо стадий выделяются следующие этапы экономической социализации: этап адаптации, иден-

тификации, индивидуализации, интеграции, сверхнормативной индивидуализации [4]. Этап адаптации заключается в приспособлении индивида к определённым условиям и требованиям социально-экономической действительности. Отождествление человеком себя с какой-либо социально-экономической группой происходит на этапе идентификации. В рамках следующего этапа — индивидуализации — индивид формирует определяемую собственным своеобразием личную позицию по различным экономическим вопросам. Этап интеграции заключается в нахождении субъектом оптимального варианта жизнедеятельности в обществе. И последний этап экономической социализации — сверхнормативная индивидуализация — предполагает «создание индивидом собственного феноменологического пространства» [4].

Основные формы экономической социализации были выделены Е. В. Козловой [15]. Во-первых, целенаправленная экономическая социализация — процесс освоения норм, требований и правил, реализуемый через социальные институты; во-вторых, стихийная экономическая социализация, носящая ситуативный характер; в-третьих, самовоспитание, как форма экономической социализации, заключающееся в самоорганизации субъекта посредством значимых жизненных ориентиров и на основе имеющегося опыта.

Реализация различных форм экономической социализации, успешное освоение и прохождение её стадий и этапов связаны с макро- и микросоциальными факторами формирования и развития экономического сознания и поведения человека [12, 14]. Под макросоциальными факторами понимаются способы организации экономической жизни, которые обуславливают особенности отношений в социуме, социально-психологические характеристики общества. Микросоциальные факторы экономической социализации включают в себя особенности экономического воспитания, реализуемого в семье, в образовательных учреждениях, особенности взаимодействия в кругу сверстников, воздействие средств массовой информации, а также систему экономических и социальных ценностей личности [12]. Следует подчеркнуть, что в качестве основных факторов экономической социализации, согласно Журавлеву А. Л. и Дробышевой Т. В., «должны быть рассмотрены экономическое образование в школе и экономическое воспитание в семье, поскольку учитывать влияние экономических компонентов среды сверстников или СМИ, по сравнению с семьей и школой, достаточно сложно, так как они являются менее контролируемыми факторами» [12].

Результативными характеристиками экономической социализации, по мнению отечественных психологов,

выступают адаптированность личности, которая включает результаты базовой и собственно экономической адаптации [8], экономическая идентичность, формируемая посредством механизмов социальной категоризации и социально-экономической адаптации личности, и субъективное экономическое благополучие [16], экономико-психологическая адаптированность [9], сформированность элементов экономического сознания, адекватных общественным представлениям [10], «сформированность экономической культуры личности, понимаемой как часть общей культуры человека, его сознания и поведения, связанного с экономическими интересами, потребностями, ценностными ориентациями, предпочтениями, мотивами деятельности в экономической сфере, а также экономическими знаниями» [6]. Бегинин В. И. отмечает, что «основным критерием экономической социализации считается экономическая компетентность; одним из индикаторов экономической социализации является показатель финансовой грамотности» [5]. Экономическая компетентность определяется уровнем экономической независимости, наличием определённых экономических навыков и ролей, а также необходимой для принятия решений степенью нравственной зрелости. С точки зрения ценностного подхода к проблеме экономической социализации, разрабатываемого Журавлевым А. Л. и Дробышевой Т. В., психологическим критерием экономической социализированности личности является «динамика социальных, волевых и др. ценностных ориентаций как результат влияния внешних и внутренних факторов развития личности» [12].

Анкудинова Е. В. в исследовании, посвящённом особенностям экономической социализации учащихся общеобразовательных школ, предлагает использовать следующие критерии экономической социализированности: интеллектуальный, нравственно-ценностный и поведенческий [4]. Интеллектуальный критерий оценивается по показателям сформированности системы экономических знаний, экономического мышления, умений и навыков самостоятельно решать экономические задачи. Система интересов, ценностей, мотивы изучения экономики, творческая инициатива, уважение к окру-

жающим людям составляют нравственно-ценностный критерий экономической социализированности. Поведенческий критерий включает следующие показатели: умение анализировать и обобщать различные экономические ситуации, умение применять знания в области экономики при решении учебных заданий, ответственность за принимаемые решения, сформированность экономического поведения, личностной позиции в области экономических вопросов.

Итак, экономическая социализация — процесс и результат усвоения и воспроизводства человеком ценностей экономической культуры, становления и развития его экономического сознания, находящего своё проявление в экономическом поведении. Процесс экономической социализации непрерывен, протекает на протяжении всей жизни человека, которому необходимо меняться, чтобы более успешно адаптироваться к новым условиям окружающего мира. В условиях стареющего общества изучение экономической социализации молодёжи приобретает особую актуальность. Представители молодого поколения также усваивают нормы деятельности в экономике: распоряжаются денежными средствами, знакомятся с особенностями сберегательного и потребительского поведения, производят покупки, выбирают методы заработка средств, планируют бюджет и др.

Таким образом, в условиях демографического старения населения особый исследовательский интерес представляет эмпирическое изучение экономической социализации молодого поколения, её механизмов и факторов. Уровень экономической культуры, сформированный у молодёжи, определяет благополучие личности в старшем возрасте и влияет не только на её последующую жизнь, но и на жизнь стареющего населения страны.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00447А «Концепция экономической социализации представителей молодого и старшего поколения в стареющем обществе»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Cummings S., Taebel D. The economic socialization of children. A neo-Marxist analysis // *Social problems*. 1978. Vol. 26 (2). P. 198–210.
2. Stacey B. G. Economic socialization in the pre-adult years // *British Journal of Social Psychology*. 1982. 21 (2). P. 159–173.
3. Азарёнок Н. В. Особенности экономической социализации современной молодёжи // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2017. № 11. С. 6–11.
4. Анкудинова Е. В. Определение сущности экономической социализации // *Вестник ЧГПУ. Серия «Педагогика и психология»* 2009. № 9. С. 5–15
5. Бегинин В. И. Экономическая социализация российской молодёжи в ракурсе социального неравенства // *Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления* Материалы VI Международной научной конференции. 2018. С. 40–44
6. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. *Социальная психология личности*. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.

7. Бессарабова Е. Е. Социально-психологические факторы экономической социализации безработной молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Е. Е. Бессарабова; Росс. гос. соц. ун-т. М., 2013. 25 с.
8. Вяткин А. П. Психология экономической социализации личности: субъектно-ролевой подход. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 383 с.
9. Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 239 с.
10. Дробышева Т.В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 207–232
11. Дробышева Т. В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с.
12. Журавлев А.Л., Дробышева Т. В. Детерминация экономической социализации детей и подростков: теоретический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 2. С. 16–21
13. Запесоцкий А. С. Молодёжь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. Санкт-Петербург, 1996. 200 с.
14. Капустина В. А., Розумейко И. С. Экономическая социализация молодежи: социально-психологический подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 7. С. 1–8.
15. Козлова, Е. В. Психологические основы экономической социализации. Великий Новгород: НовГУ, 2004. 80 с., С. 23
16. Щапенко В. А. Взаимосвязь между доходом и субъективным экономическим благополучием: абсолютная или относительная? // Вестник РУДН, Сер. Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 52–59.

© Сизова Яна Николаевна (sizova159@yandex.ru), Тараданов Александр Ардалионович (taradanov@csu.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Челябинский государственный университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЛИЦ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE MIDDLE AGE IN A CRISIS CONDITION: A RESOURCE APPROACH

*I. Tkachenko
D. Sinyavin*

Summary. There is a need to develop new and improve old technologies of psychological support for adults, taking into account the whole complex of psychological specifics of middle age and its acmeological component. The personal resource base can be conditionally divided into external and internal sources. External sources have specific properties: limitation, competitiveness, impossibility of saturation, acceleration of consumption, dependence, inevitable disappointment. Internal resource sources are aimed at the development of internal satisfaction, rather than enjoyment. Internal personal developmental resources have a number of specific properties: infinity, lack of competition, immediate compensation (resource from the process), consumption slowdown, autonomy and unconditionality. This article shows a study aimed at developing a program of psychological support during a mid-life crisis.

Keywords: crisis, resources, middle age, personal developmental resources, psychological support.

Ткаченко Ирина Валериевна

*Д.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
tkachenkoiv@mail.ru*

Синявин Данил Сергеевич

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»
sinyavinds@gmail.com*

Аннотация. Назрела необходимость в разработке новых и совершенствовании старых технологий психологической поддержки взрослых людей, учитывающих весь комплекс психологической специфики среднего возраста и его акмеологическую составляющую. Личностную ресурсную базу условно можно разделить на внешние и внутренние источники. Внешние источники имеют специфические свойства: ограниченность, конкурентность, невозможность насыщения, ускорение потребления, зависимость, неизбежное разочарование. Внутренние ресурсные источники направлены на развитие внутренней удовлетворённости, а не получения удовольствия. Внутренние личностно-развивающие ресурсы имеют ряд специфических свойств: безграничность, отсутствие конкуренции, немедленная компенсация (ресурсность от процесса), замедление потребления, автономность и безусловность. В данной статье показано исследование, направленное на разработку программы психологической поддержки в период кризиса среднего возраста.

Ключевые слова: кризис, ресурсы, средний возраст, личностно-развивающие ресурсы, психологическая поддержка.

В условиях нарастающего количества психологических проблем у лиц среднего возраста в современном мире, появилась необходимость в разработке новых и совершенствовании старых технологий психологической поддержки взрослых людей. В связи с этим, актуальным является вопрос о разработке новых программ, учитывающих весь комплекс психологической специфики среднего возраста и его акмеологическую составляющую. Благодаря данному принципу становится возможным сделать упор в преодолении стрессовых и депрессивных проявлений на сильные стороны личности, проявляемые в данном возрастном периоде, задействовав акме — «вершину» развития определённых качеств и свойств, присущих только этому периоду. В частности, сильными сторонами на которые стоит делать упор в поиске ресурсности для преодоления психологических проблем, могут выступать знание и опыт, а также умения и понимание жизненных основополагающих принципов. Благодаря этой «базе», человек становится наиболее способным к осознанному переосмыслению своего места в жизни и своих смысловых ориентиров, философскому поиску Истины.

Сознательное нахождение и структурирование объективной реальности позволяет повысить эффективность управления субъективной реальностью. От уровня и степени управления зависит и его результат. Индикатором эффективности в данном случае могут служить как раз проявления неконтролируемого стресса, агрессии, депрессии и других неконструктивных реакций. Возврат к полноценному управлению собственной жизнью и всеми её аспектами проявляется во внутреннем психологическом балансе.

Личностную ресурсную базу условно можно разделить на внешние и внутренние источники [1;4]. Подобное разделение указывает на происхождение и свойства ресурсных источников. Можно также выделить 2 основные концепции получения ресурсного состояния. Первая отражает современное понимание использования ресурсов для преодоления различных психологических кризисных ситуаций. Она полностью ориентирована на получение чего-либо «из вне». Уважение окружающих, статус в обществе, материальное благосостояние, получение удовольствий, насыщение

естественных физиологических потребностей — всё это служит основными «внешними» источниками ресурсной базы. Большинство людей с детства ориентированы на получение и пополнение этих источников. Но внешние ресурсные источники изначально содержат в себе обусловленность, связанную с нехваткой этих ресурсов и заложенный результат разочарования, кризиса у человека, который к ним обращается. Обусловленность эта определяется тем, что внешние источники имеют специфические свойства: ограниченность, конкурентность, невозможность насыщения, ускорение потребления, зависимость, неизбежное разочарование. К внешним псевдоресурсным источникам условно можно отнести самые распространённые и популярные: еда, алкоголь, праздность, секс, наркотики, шоппинг, азартные игры, компьютерные игры, социальные сети и интернет.

В отличие от внешних широко известных ресурсных источников, внутренние личностно-развивающие ресурсы освещены современной наукой недостаточно. При этом необходимо отметить, что внутренние ресурсные источники лишены вышеперечисленных недостатков, присущих внешним источникам и при этом, имеют ряд неоспоримых достоинств. Они направлены на развитие внутренней удовлетворённости, а не получения удовольствия, как в случае с внешними ресурсами. Помимо этого, одной из главных перспектив ориентации на внутренние личностно-развивающие ресурсы является их автономность, а значит обеспечение личности независимостью от внешних обстоятельств и целенаправленных манипуляций. Это, в свою очередь, обеспечивает наличие самоконтроля и самоуправления.

Внутренние личностно-развивающие ресурсы, так же как и внешние, имеют ряд специфических свойств: безграничность, отсутствие конкуренции, немедленная компенсация (ресурсность от процесса), замедление потребления, автономность и безусловность. К таким внутренним личностно-развивающим ресурсам, ориентированным на получение энергии от отдачи можно отнести девять основных источников: творчество, созерцание красоты и гармонии, служение и помощь, забота; юмор; спорт и мышечная радость; мечтательность (изобретательство); познание; вера; любовь [6].

Исследования различных авторов на тему психологической поддержки личности изобилуют различного рода методиками [2;5]. Затрагивают они разные аспекты личности взрослых людей и направлены на восстановление функционального психического состояния. Однако можно отметить, что ресурсное направление остаётся не достаточно исследованным.

В нашем исследовании приняло участие 285 респондентов 30–40 лет. Из 285 респондентов женщины соста-

вили 216 человек, мужчины — 69 человек. Исследование проводилось в 2017–2018 гг. На этапе диагностики и анализа психологических проблем у лиц среднего возраста был проведен опрос [3], направленный на выявление состояния кризиса у личности среднего возраста. Опрос проводился с использованием дистанционных технологий и сети Internet.

Результаты исследования показали, что абсолютное 41% респондентов имеют начальную и 38% острую стадию кризисного состояния. Число не имеющих кризисного состояния респондентов составило всего 8%. Количество респондентов в хронической и глубокой стадии кризиса составило 11% и 2% соответственно. Большинство мужчин находится в стадии острого кризиса, а большинство женщин в начальной стадии кризиса. Возможно, это связано с тем, что переживание кризисных состояний у мужчин и женщин различно. Для женщин характерно более частое, но менее глубокое переживание, тогда как у мужчин наблюдаются более редкие, но при этом более глубокое переживание психологического кризиса.

Участие в опросе-тестировании большего количества женщин свидетельствует только о специфике женской психоэмоциональной сферы. Женщины более любознательны в процессе самопознания, чем мужчины, более открыты и готовы к прохождению тестирования [6].

Полученные данные свидетельствуют о том, что кризисное состояние психики — реально существующая проблема в обществе. Для её решения необходима разработка коррекционных программ, позволяющих восстановить внутренний психологический баланс любому человеку. Построены эти программы должны быть согласно универсальному принципу «активизации внутренних личностно-развивающих ресурсов» [4]. Целесообразно создание двух этапов: 1) Выход из кризиса 2) Активизация внутренних личностно-развивающих ресурсов. На первом этапе необходимо *остановить* развитие кризисной ситуации. Существует старинное проверенное временем выражение: «Если не можешь изменить обстоятельства, поменяй к ним своё отношение». И действительно, люди воспринимают то или иное событие в своей жизни, те или иные обстоятельства, через призму своей интерпретации этого события или обстоятельств. Именно интерпретации делают событие «плохим» или «хорошим», «ужасным» или «счастливым». Одни и те же события у разных людей создают различные впечатления. Это своеобразные «светофильтры» сознания, через которые люди пропускают полученную информацию. Таким образом, получается, что меняя или корректируя эти «фильтры», можно на выходе получать ту или иную интерпретированную информацию, как со знаком «+»,

так и со знаком «-». *Отношение и убеждения человека формируют данные «фильтры».*

Стоит отметить, что изменить убеждения взрослого человека с уже сформированными в течение многих лет стереотипами мышления, не так уж просто. Однако это возможно, если применять наглядные живые примеры, фактологические доводы, логически обоснованные доказательства, которые, при прохождении через призму разума и жизненного опыта человека, создают позитивные шаблоны и новые убеждения.

На втором этапе необходимо «активировать» внутренние личностно-развивающие ресурсы, которые в дальнейшем будут играть роль «автономного самовосполняющегося источника энергии» для положительной мотивации, получения удовольствия, радости и ощущения счастья от самого процесса деятельности.

Второй этап программы, поддерживающий, подразумевает проведение психологических бесед и доведение в нужной форме информации, способствующей переосмыслению и исправлению тех поведенческих и целеполагающих шаблонов, которые приводили ранее к деструктивным результатам. После этого следует практическая реализация озвученных принципов самим человеком с сопровождением ведущего. Для этого необходимо и целесообразно было ввести новое понятие — позитивный коррекционный принцип (ПКП).

ПКП — это специфическая форма доведения информации, при которой формируются логические схемы, приводящие к позитивным результатам в коррекционном процессе. Нами предлагается 2 основных ПКП. Первый принцип условно назван, как «Необычное в обычном». Данный ПКП позволяет вызывать по ходу повествования реакции удивления, а, как известно, процесс удивления, связан с запоминанием и успешным познанием, так как вызывает интерес.

Второй ПКП- «философское отношение». Изменение мировоззренческих взглядов — это сфера, которая уже не находится в сфере чисто психологической, но представляет смежную область между философией и психологией, потому что неизбежно включает рассуждения

на «вечные темы», изменение отношения к базовым жизненным понятиям и категориям. Одно только изменение отношения человека к определённым сверхважным категориям и событиям, приводившим к мощному и длительному психологическому напряжению, способно устранить многие проблемы за доли секунды. «Философское отношение» — изменяя в позитивную сторону отношение человека к фундаментальным понятиям и категориям жизни, решаются сразу многие мелкие проблемы и задачи, а также формируется своеобразный «психологический иммунитет» для новых вызовов жизни.

Подводя итог, можно констатировать, что выход из кризисного состояния для людей в среднем возрасте возможен, на наш взгляд, одним из предлагаемых путей — использованием внутренних личностно — развивающих ресурсов. Внутренние источники ресурсного состояния имеют ряд уникальных свойств: безграничность, отсутствие конкуренции, немедленная компенсация, замедление потребления, автономность и безусловность. Благодаря этим свойствам каждый человек, который прибегает к их использованию, избегает негативного воздействия, которое несут в себе внешние источники ресурсности. А именно: ограниченность, конкурентность, невозможность насыщения, ускорение потребления, зависимость, неизбежное разочарование. Также, внутренние источники личностно-развивающих ресурсов дают человеку возможность использовать их по возрастающей экспоненте, не вызывая в нём зависимость или болезненные состояния, постепенно создавая постоянное состояние ресурсности, не зависящее от внешних обстоятельств (эффект «родника»).

Для преодоления кризисных психических состояний и у людей среднего возраста, а также депрессивного проявления, не обязательно активизировать все внутренние источники личностно — развивающих ресурсов. При активизации хотя бы одного источника, появляется ресурсное состояние, часто достаточное, для преодоления большинства психологических кризисов. Однако, можно отметить, что большее количество одновременно задействованных внутренних ресурсов, способствует более быстрому восстановлению внутреннего баланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tkachenko I.V., Kotova I. B., Lisitskaya L. G., Nedbaeva S. V. Family resources of personality development: notional invariants//The Social Sciences (Pakistan).2015.T.10 № 2.с. 71–75.
2. Семенова Ф. О. Психологические особенности карьерного консультирования в современных условиях// Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008 № 9. С. 41–47
3. Снявин Д.С. Научное исследование [Электронный ресурс] URL: http://www.snova-zdorov.ru/index/nauchnoe_issledovanie/0-51 (дата обращения 13.12.2018)

4. Ткаченко И. В. Личностно-развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Институт образовательных технологий Российской академии образования. Сочи, 2009
5. Ткаченко И. В., Комарова К. Ю. Влияние материнства на развитие личности и семейных ресурсов женщин // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018. № 7. с. 99–104.
6. Ткаченко И. В., Синявин Д. С. Специфика использования личностно-развивающих ресурсов в кризисном состоянии // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018. № 8. С. 59–64.

© Ткаченко Ирина Валериевна (tkachenkoiv@mail.ru), Синявин Данил Сергеевич (sinyavinds@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭПОХА ПОСТМОДЕРНИЗМА ИЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО МОДЕРНА?

Саврей Валерий Яковлевич

*Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com*

THE EPOCH OF POSTMODERNISM OR GLOBAL TRANSNATIONAL MODERNITY?

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the problem of postmodernism as a relatively new phenomenon on the history's cultural horizon. The author introduces the reader into the context of the ongoing for more than half a century discussion, that has been developed around stunning attitudes of philosophy of postmodernism, which turns to be an alternative to the philosophy of classical modernism. The author examines the phenomenon of postmodernism in the paradigm of the World's political history and points out to geopolitical changes of the 20th century, when Russia was in the very heart of it, and then after the collapse of the Communist rule in 1991 oriented itself on restoration of country's historical and cultural identity.

Keywords: deconstruction, liberalism, culture, modern, postmodernism, transfiguration, rhizomatic thinking, philosophy, christianity, existence, economics, eschatology.

Аннотация. Статья посвящена проблеме постмодерна как относительно нового явления на культурном горизонте истории. Автор вводит читателя в контекст несתיающей на протяжении полувека дискуссии, развернувшейся вокруг ошеломляющих установок философии постмодернизма, представляющей альтернативу философии классического модерна. Рассматривая феномен постмодерна в парадигме политической истории мира, автор указывает на картину происшедших в XX в. геополитических перемен, в центре которых оказалась Россия, взявшая после падения коммунистического режима курс на восстановление своей исторической и культурной идентичности.

Ключевые слова: деконструкция, либерализм, культура, модерн, постмодернизм, преобразование, ризоматическое мышление, философия, христианство, экзистенция, экономика, эсхатология.

Вместе с дискуссией о постмодернизме, выступающим в качестве альтернативы классического типа культуры эпохи модерна, речь заходит о мировоззренческих и ценностных координатах современной цивилизации, переживающей глобальный политический кризис. Как общий базовый знаменатель, обозначающий сходство структурных процессов в общественной и культурной жизни XX века, постмодернизм характеризуется новизной тотальной критики в адрес эпохи модерна, переживающего «новую, четвёртую свою трансформацию» [Мнацаканян 2018, 6]. Если реальная действительность современной эпохи раньше традиционно ассоциировалась с понятием «модерн», то с введением термина «постмодерн» в сознание современного человека внедряются коннотации исключительно пессимистического характера, как будто в истории мировой цивилизации уже наступила осень, окрашенная красками «некротической идеологии» [Тойнби 1996, 497]. Вместо употребления когда-то модного словесного модификатора, роль которого выполняло слово «beyond» — «за пределами чего-либо», в наше время, как заметил Дэниел Белл, «мы, кажется, исчерпали запредельность, и теперь социологический модификатор — это «пост-» [Bell 1973, 53]. В этом «пост-», в котором современность уже прошла, «мотивом эвокации призрака является желание изменить мировоззрение и поведение современников» [Тойнби 1996, 497]. Возникает, однако,

вопрос: действительно ли для стран Запада закончилась эпоха модерна, коль скоро перед словом «модерн» появились «четыре буквы — пост?» [Мнацаканян 2018, 130]. Если это так, необходимо доказать, «что они, эти страны, уже посткапиталистические, что им чужды товар и всеобщее товарное производство, обмен, рынок и рыночные отношения» [Там же]. Постмодернизм не выдвигает никакой общепризнанной, конструктивной и обоснованной философской концепции, предлагая вместо неё новое ризоматическое мышление, которое, отстаивая принцип множественности, «нигде не укоренено, не вписано в тот или иной дискурс, поэтому для него, собственно говоря, нет места в обществе» [Хаустов 2018, 177]. Присущий постмодернизму дух отрицания является имплицитным выражением кантовского «spiritusdestructionis», который свойствен нравственно не преображённой природе человека. «Человек предпочитает отрицание, не утверждая, тем самым, ничего; в фундаментальном смысле все мы — нигилисты, даже обскурантисты; ни знание, ни теология не могут прогрессировать таким путём» [Гурко 2001, 253]. Ризоматическое мышление не претендует на научность, оно лишь «даёт возможность для мысли стать кочевой» [Усманова 2001, 667]. В своей номадологической сущности «ризома ещё и антисоциальна, что, впрочем, добавляет ей шарма, ибо бунтарство по-прежнему в моде» [Хаустов 2018, 177]. Постмодернизм выступил с критикой в адрес

разума, ставшего в глазах идеологов постмодернизма инструментом власти, контроля и угнетения. Разум обвиняется в присвоении репрессивных функций над чувствами и волей человека, в том, что он от имени авторитета науки осуществлял тиранию диктатуры над обществом и историей. С точки зрения представителей философии постмодернизма провозглашённый эпохой модерна миф исторического прогресса на основе универсальных начал разума и логоса отравил западную цивилизацию с её рефлексией на созданную человеком собственную вселенную из символов языка и культуры. «Не значит ли это, что вся эта конфигурация готовится рухнуть, и что сам человек тем ближе к собственной гибели, чем ярче светится на нашем горизонте бытие языка?» [Foucault 1970, 386] — ставит риторический вопрос Мишель Фуко. Очевидно, для Фуко непонятно, что символическая деятельность человека, открываемая в создании языка, морали, религии, искусства и науки, протекает в парадигме его изначально заданного стремления к трансцендентности. При этом руководящая функция разума является доминантной. «Там, где разум даёт пространство, исчезают иллюзии, проходят упоение и дикость. Существование становится экзистенцией, преданной смыслу в его трансцендентной соотнесённости» [Ясперс 2014, 311]. Эпоха модерна обвиняется со стороны философии постмодернизма в том, что лишила человека абсолютной свободы и возможности на обретение людьми «детского родства» по отношению к «природе» и «телу». В постмодернизме возводится в ранг нового признанного абсолюта понятие плюрализма как несомненное воплощение анархического начала, радикально отрицающего иерархический принцип в структуре общества и в мире ценностей, прежде всего ценностей этических и религиозных, которым приписывается репрессивный характер по отношению к свободе человека. Создаётся впечатление, что философия постмодернизма в своих самых оригинальных положениях представляет собой плод инфантильного, избалованного и недисциплинированного сознания, объявляющего посягательством на человеческую свободу всего созданного цивилизацией культурного универсума, включающего институты воспитания, образования и служения. В области философии постмодернизм отрицает возможность постижения истины, в истории он отрицает логику и смысл исторического развития. Постмодернизм позволил себе то, что было невозможным даже для деструктивных концепций эпохи модерна с её неизбежным «кругом обоснования» [Derrida 1967, 411], который «не смог разорвать в своем анализе даже Хайдеггер» [Гурко 2001, 106], односторонне представляемый во французском постмодернизме в роли завершителя эпохи модерна. Постмодернизм не признаёт значение традиций, которые, как отмечает Эдвард Шилз, создаёт народ [Shils 1981, 14–15]. В XXI век постмодернизм вступил уже спустя некоторое время после шумных дискуссий, развернувшихся вокруг проблемы модерна и постмодерна в 1980–1990-е годы [Павлов 2019, 7].

В политическом, экономическом и культурном плане мир XXI века заметно отличается от ушедшего в историю мира XX столетия, 70-е гг. которого чаще всего связывается с началом дискуссии об эпохе постмодерна. Теперь мир стал другим, и с постмодернизмом вопрос остаётся открытым. Постмодернизм « даже не просто изменился, а то ли умер, то ли закончился, то ли «растворился в воздухе»... то ли мутировал, то ли превратился в призрак» [Там же]. Вписываясь в парадигму политической истории мира в конце XX века, постмодернизм с его «деконструкцией» и новым либеральным сознанием хронологически совпал с периодом «перестройки» с её гласностью и «новым мышлением». Средоточием грандиозных перемен, происшедших в политической картине мира в XX веке, стала Россия. Конец XX века, ознаменованный крушением геополитической системы социализма, хронологически совпал с церковным празднованием 1000-летия Крещения Руси и последовавшим за ним возрождением церковной жизни в России. Со сменой прежней идеологической парадигмы в очередной раз встал вопрос о цивилизационном самоопределении России, её предназначении в мировом историческом процессе. События 1991 г. ассоциировались в народном сознании со Смутой 1917 года, которая по своим драматическим последствиям сравнивалась с падением Константинополя и гибелью Византийской империи. В XV веке история распорядилась в отношении роли Москвы как преемницы великой и блистательной Византии. Это обстоятельство не могло не отразиться в характере национальной русской судьбы. «Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделён миссией спасти восточное христианство» [Тойнби 1996, 405]. Для формирования в сознании русского народа исключительного права на обладание достоинством мессианских привилегий имелись серьёзные основания. В ортодоксальной христианской традиции бытие Церкви признаётся в качестве ноуменального сакрального фактора, несущего оправдание историческому существованию мира. В чеканной формуле Розенштока-Хюси: «Один Бог, один мир, один человеческий род» [Розеншток-Хюси 2000, 489] угадываются коннотации христианского энтузиазма неразделённой первенствующей Церкви, который нашёл благоприятный отклик в народной душе России. Возобновившийся после 1991 г. новый диалог культур Востока и Запада как продолжение традиционного диалога восточной и западной христианских цивилизаций начался в своеобразной парадоксальной ситуации: с одной стороны, сидящая на экономическом пепелище, но переживающая религиозное возрождение Россия, с другой стороны, экономически процветающий, но религиозно увядающий Запад, переживающий эпоху постмодерна, феномен которого оставался некоей загадкой для изолированной и находившейся в условиях жёсткой идеологической парадигмы русской культуры XX века. В работах традиционно настроенных христианских мыс-

лителей Запада содержится аргументированная критика в адрес философии и культуры эпохи модерна и постмодерна. В оценке Габриэля Марселя, человек современной западной культуры утратил «контакт с той фундаментальной истиной» [Marcel 1935, 281], которая раньше открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни. Кризис религиозного и нравственного начал в жизни современного Запада следует квалифицировать как кризис гуманности, связанный с потерей ответственности человека за грех и угрожающий человечеству эпохой дегуманизации мира. Итальянский писатель Чезаре Павезе охвачен парадоксальной очевидностью грандиозного вопроса: «... в самом деле, никто нам ничего не должен... Так почему же мы ждём?» [Pavese 1973, 276]. Знаменитое «l'homme à être» П. Сартра скорее всего следовало бы интерпретировать в библейско-теологическом смысле: человек имеет задание быть, чтобы исполнить Божественное предназначение в миссии своего бытия. Однако, как считает Э.О. Уилсон, большинству рационально настроенных людей нравится верить в то, что за удовлетворением их биологических потребностей стоит некое «исполнение своей миссии на земле» [Уотсон 2017, 624]. Дилемма заключается в том, что человеку некуда идти, если у него отсутствует трансцендентная высшая цель, внешняя по отношению к его смертной биологической природе [Там же]. Эта дилемма, которой не знала эпоха христианства, сохраняет свою значимость в культуре постмодерна. Здесь в существовании человека с его биологической потребностью в «хлебе насущном» атрофирована и утрачена духовная потребность в «слове Божиим», которая раньше, будучи его исключительной привилегией, заключалась в неискоренимой потребности в обретении «Царства Божьего». Постмодерн продолжает тенденцию нисхождения человечества в сферу земного материального бытия, не желая замечать, что вместе с этой горизонтальной доминантной тенденцией во всемирной истории человечества присутствует небесная вертикаль: пророческая весть, Боговоплощение, христианская мировая цивилизация, Святая Русь и массовое явление христианской святости в период революции в подвиге новомучеников российских. По мысли А. Ф. Лосева, драматическая по своим последствиям революция 1917 г. явилась результатом исключительной «абсолютизации экономической жизни» [Лосев 2004, 131]. Увлечённая экономическими достижениями и либеральной идеологией Запада, революционная интеллигенция в России провозгласила строительство царства земного с радикальным отвержением Царства Небесного. Утопия была оплачена миллионами человеческих жизней. «Однако подавить утопические желания нелегко, и они имеют тенденцию возвращаться в самом неожиданном облики» [Андерсон 2001, 98]. Но в революции открылся также и феномен ressentiment, который в своём агрессивном анти-социальном облике был восстанием против благородства и против всего святого: веры, долга, чести, достоинства, личной свободы. Выражая озабоченность, связанную

с судьбой благородства в современном мире, К. Ясперс имел в виду тревожную тенденцию к наступлению ситуации, в которой становится возможным «преследование всего выдающегося» [Ясперс 1996, 406]. Философии постмодерна нельзя отказать в праве ставить под сомнение общественные и политические идеалы эпохи модерна и объявлять их набором беспочвенных лозунгов, мифов и идеологем, обнаруживших свою несостоятельность в истории тоталитарных режимов XX века. Критика эпохи модерна со стороны постмодерна имплицитно ставит проблему этической оценки человека в параметрах его экзистенции и его обнаружения в истории, каждая эпоха которой отличается характером своей ситуации. Если принять во внимание формулу К. Барта, согласно которой «Завет между Богом и человеком есть первый и последний смысл истории» [Барт 2014, 313], то выясняется, что проблема человека и истории — это проблема соотношения универсального и уникального начал в человеческой жизни, какие бы имена не выдвигала история. За человеческой свободой, индивидуальными человеческими желаниями, стремлениями и действиями в недостижимой и потаённой трансцендентальной глубине пребывает воля Бога, в парадигме исполнения которой в линейной временной перспективе проходит существование мира. В этой временной перспективе событие Боговоплощения представляет собой ноуменальный центр истории мира, где Христос открывается как Владыка истории и где «история — это не просто хроника событий до настоящего времени, но надежда на продолжение за пределами нашего горизонта» [Хаутепен 2008, 228]. Бог, создатель Вселенной, есть в то же время и Бог, «соучастник нашей истории, её носитель» [Там же, 451], как тот, «кто вошёл в историю людей, тот, кто жил среди нас и стал звеном в цепи поколений» [Там же], как тот, кого апостол Павел назвал «первым из умерших», открывшим своим воскресением эсхатологическую перспективу всеобщего воскресения, которое своей вечностью выходит за пределы индивидуальной земной человеческой судьбы и за пределы самой человеческой истории. На фоне этой фундаментальной онтологии сияет славой нравственного достоинства смиренный и кроткий евангельский образ Христа, которому дана «вся власть на небе и на земле» (Мф. 28,18). Слова молитвы Небесному Отцу: «Да будет воля Твоя как на небе и на земле!» — интерпретировались в древней экзегетической традиции в этическом смысле: порядку космического универсума должен соответствовать порядок моральной справедливости. Поль Рикёр открывает нравственное достоинство человека в параметрах онтологической действительности и этического действия, называя жизнь души в этой парадигме «основополагающей формой бытия» [Рикёр 2017, 153]. История мировых цивилизаций, призванных к принятию и актуальному исполнению Евангелия в реальных условиях земной человеческой действительности, является предпосылкой грядущего эсхатологического преображения мира. Но есть в культу-

ре цивилизаций нечто мрачное и тленное, то, что принадлежит власти смерти и то, что не достигнет царства будущего преображения. К. Ясперс, оценивая нравственное состояние современной ему Европы, где люди и теперь, не понимая ни самих себя, ни глубинных причин сложившейся ситуации, ни будущего, которое всегда остаётся неясным, борются, возможно, против смысла собственного существования. В то же время Ясперс, угадывая откровенно нигилистический характер наступающего постмодерна, в своей книге «Смысл и назначение истории» писал: «Сегодня начинается последний поход против благородства» [Ясперс 1996, 407]. Благородство, измеряемое миллионами человеческих судеб лучших людей России, было принесено в жертву революции, в которой новое устройство социальной и экономической жизни должно было дать народу те же радости и утешение, какие «давало раньше Божество» [Лосев 2004, 131]. В конце XX века соблазн искушения «хлебом единым» был побеждён алчностью в народе живого слова Божия; открылись тысячи церквей, и произошло массовое крещение народа. В мировоззренческом и конфессиональном отношении Россия заявила о своей приверженности христианской ортодоксальной цивилизационной идентичности, осознав себя духовной преемницей прежней тысячелетней православной России. Однако тот факт, что в геополитическом отношении Россия лишилась семи миллионов квадратных километров своих прежних территориальных владений с проживающими на них миллионами бывших соотечественников, которые на территориях Украины, Прибалтики и Грузии стали заложниками амбиционных притязаний Запада, со всей остротой выявил причины одного из величайших политических кризисов современности. Гарантом прежней европейской стабильности вплоть до начала XX века являлось величие России, могущество которой определялось принципиальной мировоззренческой позицией и нравственной силой её православного народа, предпочитавшего приоритет духовного начала над началом экономическим, т.е. актуальное исполнение заповеди Евангелия: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6, 33). Отречение России от евангельского идеала, наступившее с

Октябрьским переворотом 1917 года, привело её к утрате прежнего культурного величия и спровоцировало грандиозную по своим масштабам национальную катастрофу, последствия которой и сегодня, сто лет спустя, определяют в своих основных чертах парадигму геополитического, экономического, демографического и культурного кризиса России. Одной из главных причин неспособности современной России преодолеть затянувшийся кризис является дефицит благородства и нравственного достоинства в среде интеллигенции, утратившей в после-революционный период сознание профессионального долга, чести и ответственности. Человек, не сохранивший верность в отношении к Богу, легко теряет её в отноше-

нии к семье, к Родине, к своему призванию и служебному долгу. Исполнилось предсказание И.А. Ильина: когда крушение коммунистического строя в России станет совершившимся фактом, русский народ окажется без ведущего культурного слоя. Движущей силой, сокрушившей в России коммунистический строй в 1991 году, стал либерализм — продукт политической философии Нового времени [Дугин 2016, 5]. Именно либерализм «оказался исторически наиболее точным и полным выражением сущности модерна» [Там же, 6]. После распада Советского Союза доминирующей идеологией в современном мире в глобальном масштабе стал либерализм. Россия лицом к лицу оказалась перед новыми вызовами современной культуры, философии и политики. Согласно Лосеву, философия, религия, искусство связаны в единый культурный тип, и все исторические судьбы народов, трагические события их политической и экономической жизни связаны с этим единым культурным типом [Лосев 2004, 117]. Постмодернизм как новый феномен на политическом и культурном горизонте истории имеет целью радикальное обновление не только социальных институтов, но и самого человека [Rosenberg 1961, 9]. В работах М. Хайдеггера, как и в наследии А.Ф. Лосева, если внимательно прочесть его «Beitrag zur Philosophie», можно встретить очень много тематических параллелей в философской интерпретации концепта события (Ereignis) [Дугин 2016, 347]. По Хайдеггеру, «пространство вбирает в себя все события человеческого существования» [Семёнова 2001, 930]. В живом потоке событий мир менялся на протяжении всего XX века, как он меняется и теперь. Но если, например, «теоретики Франкфуртской школы непосредственно выводили новые законы мышления и художественного творчества из парадоксальной социальной реальности XX века» [Арсланов 2015, 517], то постмодернизм в лице Жака Деррида представил «деконструктивистскую концепцию мира, человека, разума и искусства» [Там же, 528]. Однако вследствие того, что деконструктивизм по самой своей природе исключает позитивное конструктивное начало, претензии постмодернизма в отношении его роли в переустройстве мира следует признать по крайней мере сомнительными. Культурный тип несёт печать современной ему эпохи, и возврат в историческое прошлое для него невозможен, как невозможна в наше время и представляемая философией постмодернизма неорархаика. «Спрашивается: мыслим ли Сократ в трамвайном вагоне, Платон на аэроплане и Фома Аквинский на велосипеде?... Мыслим ли немецкий профессор в Диогеновой бочке, современный дарвинист — как участник в радениях дервишей, русский большевик — в качестве Фивайдского старца?» [Лосев 2004, 118]. Немыслимые в эпоху классического модерна, философия и культура постмодерна рождены кризисом новой эпохи на фоне десакрализации тайн бытия, в обстановке религиозного и этического релятивизма и европейского либерализма, доходящего в своих крайних проявлениях до откровенного гедонизма, цинизма

и демонизма. Время безостановочно льётся из будущего в прошлое, и в этом потоке пробивает себе дорогу новая эпоха с её новым сознанием и культурой, с её угрозами и кризисами, представляющими вызов для политики, философии и теологии. Если современность требует, чтобы у неё было будущее, отныне ей открывается в будущем то, в чём надо участвовать сегодня. В теологии кризиса К. Барта понятие кризиса трактуется в библейско-богословском смысле: Откровение Бога есть ответ на кризис человеческого существования, преодоление кризиса реально осуществимо в Завете с Богом человека нашего времени, а не только человека прошлых веков, поскольку речь идёт «о новом позитивном ключе» [Барт 2014, 360], в котором община видит Бога и мир и «благодаря которому народ Божий сделался бы узнаваемым в мировой истории» [Там же, 361]. К. Барт не отрицал и философско-исторический смысл в интерпретации понятия «кризис», объясняя кризис современной цивилизации как исторический момент, наступивший в общественно-политической жизни Запада после Первой мировой войны, поставившей под сомнение достижения и ценности европейской цивили-

зации. Однако теперь, в ретроспективе событий вековой давности, мы имеем основания заново объективно оценить модернистский творческий импульс, создавший на традиционном фундаменте христианства в Западной Европе и в России классический образец европейской культуры начала XX века, который стал неотъемлемой частью мирового цивилизационного наследия, сохраняющего свою непреходящую значимость в нашем современном мире — мире глобального транснационального модерна. История цивилизации с её культурными достижениями, которые А. Дж. Тойнби называет «путеводными огоньками на ландшафте мировой истории» [Тойнби 1996, 524], и современная нам эпоха модерна с её задачами самоопределения человека в системе мировоззренческих и этических координат обретают смысл не только в континууме каждой эпохи, но и за пределами общего для всего человечества исторического времени. Обращение к традиционным, выверенным временем, ценностям эпохи классического модерна заключает в себе одну из важнейших гарантий мирового цивилизационного развития человечества в обозримом будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон 2001 — Андерсон П. Истоки постмодерна. М., 2011.
2. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
3. Барт 2014 — Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014.
4. Гурко 2001 — Гурко Е. Деконструкция. Тексты и интерпретация. Жак Деррида. Минск, 2001.
5. Дугин 2016 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Метapolитика. Эсхатология бытия. М., 2016.
6. Лосев 2004 — Лосев А. Ф. Дополнение к «Диалектике мифа» (Новые фрагменты) // Вопросы философии, № 4, 2004.
7. Мнацаканян 2018 — Мнацаканян М. О. Постмодернизм. М., 2018.
8. Павлов 2019 — Павлов А. Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.
9. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
10. Розеншток-Хюси 2000 — Розеншток-Хюси. Язык рода человеческого. М. — СПб., 2000.
11. Семёнова 2001 — Семёнова В. Н. Хайдеггер // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
12. Тойнби 1996 — Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996.
13. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
14. Усманова 2001 — Усманова А. Р. «Ризома» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
15. Хаустов 2018 — Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодерна. М., 2018.
16. Хаутепен 2008 — Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
17. Ясперс 1996 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1996.
18. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
19. Bell 1973 — Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973.
20. Derrida 1967 — Derrida J. L. écriture et la difference. Paris, 1967.
21. Foucault 1970 — Foucault M. The Order of Things. New York, 1970.
22. Marcel 1935 — Marcel G. Être et avoir. Paris, 1935.
23. Pavese 1973 — Pavese G. Mestiere di vivere. Einadi. Torino, 1973.
24. Rosenberg 1961 — Rosenberg H. The Tradition of the New. New York. 1961.
25. Shils 1981 — Shils E. Tradition. Chicago, 1981.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsrvy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

INTERPRETATION OF THE TERM «JUSTICE» IN THE HISTORY OF EUROPEAN PHILOSOPHY

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the history of the interpretation of the term «justice» within the history of European philosophy. The author presents a retrospective of the doctrine of justice in the early Christian patristics, where justice was considered as one of the fundamental moral virtues. Later in the history of European moral philosophy, morality as an autonomous sphere of human life was reduced to the idea of justice, regarded as a condition of the common good. After migrating from the area of social and legal relations to the area of moral categories, the concept of justice regained its rightful place in the field of personal ethics and declared its universal significance through all the political history of the Modern Era.

Keywords: justice, truth, justification, anthropodicy, virtue, good, property, compulsion, freedom, honesty, value.

Аннотация. Статья посвящена истории интерпретации понятия справедливости в контексте развития европейской философии. Автором представлена ретроспектива учения о справедливости в ранней христианской патристике, где справедливость представлялась в качестве одной из фундаментальных нравственных добродетелей. Позднее в истории европейской моральной философии содержание морали как автономной сферы человеческой жизни сводилось к идее справедливости, рассматриваемой в качестве условия общего блага. Переключившись затем из области социально-правовых отношений в область моральных категорий, понятие справедливости вновь обрело своё достойное место в персональной этике и заявило о своей универсальной значимости в континууме политической истории Нового времени.

Ключевые слова: справедливость, правда, оправдание, антроподицея, добродетель, благо, собственность, принуждение, свобода, честность, ценность.

Концепция справедливости в истории европейской мысли формировалась под влиянием мировоззренческих и этических постулатов христианства. Слово «справедливость» как термин и как понятие присутствует в источниках христианского учения. В миссии Своего пришествия в мир Сын Божий явился, чтобы «исполнить всякую правду» (Мф. 3,15). Греческое слово δικαιοσύνη, как и славянское слово «правда», в этическом плане означает «справедливость», в теологическом же смысле это слово означает «оправдание», термин, который позднее был использован для образования философского термина «антроподицея». Арнольд Тойнби, цитируя текст пророка Исайи «падёт величие человеческое, и высокое людское унижится» (Ис.2, 12–17), объясняет Божественное вмешательство в человеческие дела «заботой о справедливости» [Тойнби 1996, 252]: Бог «рассеял надменных... низложил сильных с престолов и вознёс смиренных» (Лк. 1, 51–52). В своих делах Господь Иисус Христос явил абсолютный идеал справедливости. В литургических текстах Христос именуется «солнцем правды» (Ἡλιος τῆς δικαιοσύνης). По свидетельству св. Климента Римского, «все праведные украсились делами и Сам Господь радовался, украсив Себя делами» [Clemens Romanus 1, 33]. В трактовке понятия нравственного совершенства ранняя патристическая мысль вдохновлялась предначертанным в текстах Откровения идеальным образом справедливости, реально

актуализованном в облике Богочеловека Господа Иисуса Христа, явившего Своей праведностью метафизическое основание для оправдания всех людей, которые оправдываются верою в Него как Сына Божьего и Спасителя мира (Рим. 5,1). В сочинениях мужей апостольских, христианских апологетов, ранних отцов Церкви и христианских писателей справедливость признается в качестве одной из фундаментальных христианских добродетелей, высоко превозносимых в царстве этических ценностей. В концепции добродетелей, разработанной Лактанцием, понятию справедливости отводится центральное место; справедливость интерпретируется как источник всех добродетелей [Lactantius 5, 15–16], она основана на равенстве всех людей перед Богом [Там же] и, будучи выражением нравственной сущности христианства, составляет основание истинной гуманности. Климент Александрийский определяет справедливость как искусство «любить жить вместе с единоплеменниками и сопребывать с ними на земле и на небе» [Clemens Alexandrinus 5, 113]. В этических воззрениях святителя Григория Богослова, справедливость интерпретируется как умение стремиться к ограничению притязаний на обладание большим, нежели необходимо, благом [Gregorius Nazianzenus 37, 949]. Святитель Амвросий Медиоланский, подобно Лактанцию, считал справедливость главной добродетелью среди четырех кардинальных этических добродетелей и определял справедливость как праведность,

закрывающую любовь к Богу, отечеству, родителям и всем людям [Ambrosius Mediolanensis 16, 23]. В учении блаженного Августина, справедливость — это свойство души, способной относиться к каждому человеку в соответствии с его достоинством при условии соблюдения общей пользы [Augustinus 31]. В истории «византийского гуманизма» понятие справедливости вписывалось в парадигму этического мирозерцания «в рамках кружка интеллектуальной элиты с его особой духовно-нравственной атмосферой» [Любарский 1978, 245], для которой «основная христианская добродетель, милосердие и сострадание к ближнему» [Там же, 111] оставалась в моральных декларациях философов, последователей Михаила Пселла (1018–1097), «мотивом конкретных поступков и действий» [Там же]. В воззрениях Николая Кузанского (1401–1463), одного из крупнейших мыслителей эпохи Возрождения, «Христос совершеннейшим образом соединяется с каждым человеком, прилепившись к Нему любящей верой, и становится самим этим человеком с сохранением индивидуальности каждого» [Кузанский 1979, 161]. Равенство всех людей, соединенных своей обновленной природой во Христе, является главной предпосылкой справедливости в соответствии с этикой Нового Завета. «Благодаря этому соединению становится истиной то, что Он Сам сказал: «Все, что вы сделали самому малому из братьев Моих, вы сделали Мне» [Там же]. Таким образом, в любви, какой любят Бога, должны найти своё воплощение «простейшее единство и бесконечная справедливость» [Там же, 278] в отношении к окружающим людям.

В нравственно-правовой теории Томаса Гоббса (1588–1679) естественное стремление людей к преодолению в границах социума состояния всеобщей вражды и взаимного насилия делает неизбежным договорное решение о создании морально-правовой системы, гарантирующей соблюдение принципов справедливости [Прокофьев 2001, 296]. Идеи Т. Гоббса нашли своё развернутое обоснование в тенденциях новоевропейской моральной философии, в которой содержание морали сводилось к идее справедливости и общего блага. В «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели» Ф. Хатчесона (1694 — ок. 1747) автором был сформулирован утилитаристский принцип интерпретации справедливости, вошедший в историю этической мысли как принцип «наибольшего счастья наибольшего числа людей»: «То действие является наилучшим, которое обеспечивает самое большое счастье для наибольшего числа людей» [Апресян 2001, 297]. Подобные утилитаристские взгляды обнаруживаются в сочинениях Д. Юма (1711–1776), Дж. Пристли (1733–1804), Клода Гельвеция (1715–1771), Иеремии Бентама (1748–1832), Джона Милля (1806–1873) и др. [Там же]. «Мы часто ... забываем, что великие утилитаристы прошлого — Юм и Смит, Бентам и Миль — были в первую очередь эконо-

мистами и социальными философами первой величины, в то время как разработанная ими моральная доктрина призвана была лишь уложиться в готовые схемы. Те, кто часто их критикует, указывают, в частности, на противоречивость самого принципа пользы и отмечают несоответствие между теорией и нашими нравственными чувствами» [Роулз 1990, 229]. Ж.Ж. Руссо (1712–1778), обозначивший своим творчеством переход от Просвещения к романтизму, в своём политическом трактате «Об общественном договоре» объявил нравственность главной и автономной сферой человеческой жизни. Гарантирующий соблюдение справедливости истинный общественный договор способен обеспечить равенство всех граждан, устанавливающих отношения взаимопомощи, уважения, признания самоценности других лиц как суверенных индивидов [Длугач 2001, 323]. Иммануил Кант (1724–1804) в курсе лекций по этике, отражающих период формирования его системы критической философии, противопоставлял справедливость принуждению. Справедливость исключает принуждение. «Справедливость — это право не представляющее никаких полномочий принуждать другого» [Кант 2005, 1992]. В трактате «Метафизика нравов» (1797) рассуждение Канта о справедливости сводятся к заключению, что «в этике... мы постигаем лишь моральные отношения человека к человеку» [Кант 1965, 437], оставаясь при этом вне постижения сферы вечной Божественной справедливости [Там же]; «вопрос же о том, каково отношение между человеком и Богом, полностью выходит за пределы этики и абсолютно для нас непостижим» [Там же]. Согласно Канту, устанавливаемое законом право не может быть критерием справедливости; критерием справедливости может быть только справедливость [Гуревич 2006, 378]. Подобно И. Канту, Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) в своём известном фундаментальном труде «Философия права» отмечает кажущееся вполне парадоксальным положение о том, что «государство не есть предпосылка, обуславливающая собой справедливость» [Гегель 1990, 148]. Тем не менее, он говорит, что «правители, которые, подобно Юстиниану, дали своему народу... собрание законов... не только стали величайшими благодетелями народов и с благодарностью восхвалялись ими, но и совершили этим великий акт справедливости» [Там же, 253]. В итоге, по заключению Гегеля, «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска [Там же, 264]. Связывая справедливость с обладанием собственностью, Гегель говорит, что «утверждение, будто справедливость требует, чтобы собственность каждого была равна собственности другого, ложно, ибо справедливость требует лишь того, чтобы каждый человек имел собственность» [Там же, 108]. Замечание Гегеля о справедливости является действительно справедливым, оно предостере-

гает от увлечения ложной идеей всеобщего равенства, которую позднее Н. А. Бердяев охарактеризовал как «соблазн Великого Инквизитора», требовавшего отказа от истины во имя счастья всех людей. «С русской интеллигенцией, — писал Н. А. Бердяев, — в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине» [Бердяев 1909, 8]. Вне причастности к истине рассуждение о справедливости теряют смысл. «Как главная добродетель человеческой деятельности, истинная справедливость должна быть вне компромисса» [Роулз 1990, 231]. В религиозной философии и теологии с понятием справедливости связывается вопрос оправдания человека. Смысл проблемы антроподицеи сводится к оправданию падшего человека, потерявшего в нарушении райской заповеди свою первозданную невинность. «Гегель не превозносит первобытную невинность» [Кучинский 1987, 98], считая её состоянием невменяемости и незнания того, что есть в своей сути добро и зло. «Знакомое нам представление (*Vorstellung*), — поясняет Гегель, — мы встречаем в Библии, где оно абстрактно именуется грехопадением, представление очень глубокое, не случайно сказанное, а вечная, необходимая история человека» [Гегель 1975, 422]. Переход человека из состояния невменяемости в состояние вменяемости как необходимый и прогрессивный акт затмевает для Гегеля подлинно драматическую сущность падения, вследствие которого в человеческую природу вошло зло, и природа человека стала смертной. Более радикальную позицию в рациональной интерпретации повествования о грехопадении человека занимает Эрих Фромм, основоположник гуманистической этики: «Ветхий Завет не считает, что человек порочен в своей основе. Неповиновение Богу со стороны Адама и Евы не рассматривается как грех. Мы нигде не находим указаний, что это неповиновение погубило человека. Напротив, это неповиновение является предпосылкой того, что человек осознал самого себя, что он стал способен решать свои дела» [Фромм 1992, 17]. Согласно Фромму, Адам своим неповиновением Богу совершил первый шаг «на пути к свободе» [Там же]. Э. Фромму даже представляется, что «это неповиновение было предусмотрено Божьим планом» [Там же]. Ещё раньше, до Э. Фромма, протестантский немецкий теолог Дитрих Бонхёффер заявил, что «истинный Бог, Бог веры — не враг человеческого совершеннолетия, а его стимул и гарант» [Горелов 2002, 696]. Восторженная и романтически окрашенная оценка библейского повествования о падении Адама как «первого смелого шага разума» была представлена Ф. Шиллером: «Это отпадение человека от инстинкта, которое, правда, внесло нравственное зло в творение, но только для того, чтобы сделать в нём возможным нравственное добро, есть бесспорно счастливейшее событие в чело-

веческой истории; с этого момента начинается человеческая свобода» [Friedrich Schiller 1790, 380].

Английский философ Джордж Мур (1873–1958), выступив с критикой натурализма и утилитаризма, являвшегося на протяжении веков визитной карточкой британской философии, сосредоточил внимание на анализе языка нравственных понятий, среди которых справедливость, переключаясь из области социально-правовых отношений заняла своё достойное место в персоналистической этике. В рассуждениях Дж. Мура справедливость этического поступка определяется ценностью его нравственных последствий, имеющих значение положительного вклада в общее царство добра. «Ибо каждый поступок дает последствия, отличающиеся от результатов какого-то иного поступка: и если какой-либо из результатов обладает внутренней ценностью, то это ценность имеет точно такое же значение для ценности всего универсума, как ценность поступка, вызывающего данный результат» [Мур 1999, 159]. Следует согласиться с Дж. Муром в том, что ценность последствий поступка имеет более высокое значение, чем ценность поступка «самого по себе» [Там же]. Можно ли, например, назвать справедливым поступок, когда постороннее лицо открывает «правду» тому, от кого информация об истинном положении вещей сознательно утаивалась, например, правду ребенку о том, что он не родной ребенок в семье, или разглашение конфиденциальной информации, составляющей коммерческую или врачебную тайну и т.п. Дж. Э. Мур говорит, что «данный поступок совершать не следовало бы, поскольку он не был тем, чего требовал долг» [Там же], и продолжает: «*Fiat justitia, ruat caelum*» — это высказывание можно обосновать только тем, что при совершении справедливости универсум выигрывает больше, чем потерял бы, если бы небо упало на землю. Быть может, эта латинская поговорка верна, но, во всяком случае, утверждение, что наш долг осуществлять справедливость, несмотря ни на какие последствия, равнозначно утверждению правильности приведенного только что обоснования» [Там же]. В рассуждениях о справедливости Дж. Мур показал, что «доказательство общей полезности поступков столь трудно, что оно не может считаться убедительным, за исключением очень немногих случаев» [Там же, 173].

В современной этике значительную популярность приобрела «Теория справедливости» (1971) Джона Роулза (1921–2002), американского политического философа [Гуревич 2006, 378], поставившего целью «построить такую теорию справедливости, которая поднимает на более высокий уровень абстракции известную теорию общественного договора, основанную в трудах Локка, Руссо и Канта» [Роулз 1990, 236]. Оценивая теорию общественного договора как «чисто гипотетическую конструкцию, необходимую для формирования опреде-

лённой концепции справедливости» [Там же, 237], Роулз представил в своей теории «нечто большее, чем концепция справедливости — это социальный идеал» [Там же, 216]. В этой теории принципы справедливости являются лишь частью, хотя, возможно, самой важной частью концепции [Rawls 1971, 9]. Роулз оговаривается, что в своей теории он «не намерен рассуждать о справедливости институтов, законов и межгосударственных отношений, как, впрочем, и рассматривать в категориях справедливости распределения везения и неудач людей» [Роулз 1990, 234]. Он подчеркивает, что его «теория справедливости... есть теория нравственных чувств, устанавливающая принципы управления нашими нравственными силами» [Там же, 242]. Конструируемая Роулзом социальная структура претендует на своё соответствие социальному идеалу, если в результате «последовательных гипотетических договоренностей люди придут к соглашению об общей системе правил, определяющих их совместное бытие» [Там же, 238]. Совершенно очевидно, что в этом плане «теория Роулза относится к теории общественного договора» [Гуревич 2006, 379]. Её отличие от теории общественного договора, представленной в трудах Локка, Руссо и Канта, состоит в том, что «для Роулза исходный договор — это не столько реальный, сколько гипотетический контракт» [Там же]. Говоря об основной идее теории справедливости, Роулз заявляет, что одним из ключевых концептов его теории является понятие честности: «В теории справедливости как честности исходная ситуация равенства соответствует идее примата естественного в традиционной теории общественного договора» [Роулз 1990, 237]. В теории Роулза «принципы справедливости базовой структуры общества и являются основной исходного соглашения» [Там же, 236]. В оценке П. С. Гуревича, «идея общественного договора позволяет объединить весьма различные индивидуальные интересы с помощью широко употребляемого средства — компромисса» [Гуревич 2006, 379], а «основная идея Роулза заключается в том, что справедливость является объектом соглашения» [Там же]. В исходной ориентации на компромисс П. С. Гуревич усматривает «наиболее важное отличие западной либеральной этической мысли от моральных норм восточных обществ» [Там же]. В оценке В. Д. Зорькина, происходящие в мире политические события последнего времени свидетельствуют о том, что «западные политические лидеры и западное общественное мнение очень далеко ушли от исходного античного понимания справедливости как юстиции» [Зорькин 2019]. Так, например, развенчанный философией античности принцип «кто сильнее, тот и прав» предвосхищает, как отмечает Генрих Хэзлит, позднейший этический цинизм Мандевиля, ницшеанской морали и марксистской теории классово-борьбы [Хэзлит 2019, 240]. В парадигме политической действительности «справедливость создаёт пространство для высших ценностей» [Гартман 2002, 405]. В этических воз-

зрениях Н. Гартмана «все духовные, все собственно культурные ценности могут расцвести только там, где жизнь, собственность, личная свобода и свобода действий и т.д. гарантированы» [Там же].

С точки зрения православного христианского сознания, уровень качества общественной структуры, с необходимостью обязанной стремиться к воплощению в общественной жизни идеалов справедливости, определяется не действием построенного на основе компромисса соглашения, а степенью мировоззренческой, интеллектуальной и нравственной сформированности входящих в эту структуру членов общества. Возвещённая Евангелием Нагорная проповедь представляет собой обращённое к миру провозвестие идеальных норм нравственной справедливости, актуализация которых заключает в себе манифестацию торжества истинной любви человека к человеку. Христос призывает своих последователей к воплощению в их личной жизни такой любви, проявление которой должно было бы исключать какую-либо возможность личной корыстной заинтересованности, способной мотивировать феноменологию несправедливости. Подлинная любовь, превосходящая в своей свободе закон формальной ветхозаветной справедливости, предполагает отречение от всего того, что препятствует её актуальному достижению. Заповеданная Евангелием любовь человека к людям отмечена по образу любви Бога к миру знаком личного самоотвержения каждого истинного ученика Христа. Как идеальное проявление справедливости такая любовь, по мысли Д. Бонхёффера, призывает человека к состоянию «исторической ответственности» [Бонхёффер 2013, 245]. Именно «в отказе от своего благополучия, своего права, своей справедливости, своего достоинства» [Там же, 244], в отказе «от насилия и успеха, в отречении от собственной жизни человек становится способным к любви по отношению к ближним» [Там же].

В философском наследии Ханны Арендт, значение которой как классика политической мысли и как философа-экзистенциалиста XX в. признаётся бесспорным [Саликов 2019, 133], концепт справедливости обретает свою масштабную значимость в контексте политической истории Нового времени: «На примере Великой французской революции, во время которой идея сострадания к нищим и бесправным гражданам стала инструментом оправдания политического террора, Арендт показывает, как важно проводить границу между частными эмоциями и политическим действием» [Там же, 140]. Из приведённого обзора истории философской интерпретации концепта справедливости в контексте европейской философской мысли с логической ясностью следует вывод о том, что понятие справедливости как атрибут нравственного сознания человека и как один из фундаментальных факторов исторического цивилизационно-

го развития достигает своей предельной конкретности сначала в нравственной философии античной эпохи, а затем в христианской патристике и в европейской философии, инспирированной нравственным энтузиазмом актуального исполнения предписаний евангельской этики, истинная ценность которой не могла быть детер-

минированной какой-либо парадигмой конформности, приспособления к духу времени, но осуществлялась в личной жизни каждого человека и всего человеческого общества в целом через осознание и раскрытие подлинного смысла человеческого предназначения в соответствии с фундаментальными законами бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян 2001 — Апресян Р. «Наибольшее счастье наибольшего числа людей» // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001.
2. Апресян 2001 — Апресян Р. «Наибольшее счастье наибольшего числа людей» // Этика. Э. С. М., 2001.
3. Аристотель 1984 — Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1984.
4. Аристотель 2005 — Аристотель. Эвдемова этика. М., 2005.
5. Бердяев 1909 — Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. // Вехи. Сборник статей. М., 1909.
6. Бойко 2007 — Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. Ростов-на-Дону, 2007.
7. Бонхёффер 2013 — Бонхёффер Д. Этика. М., 2013.
8. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб, 2002.
9. Гегель 1975 — Гегель Г. Философия религии. М., 1975. Т. 1.
10. Гегель 1990 — Гегель Г. В. Философия права. М., 1990.
11. Горелов 2002 — Горелов А. Бонхёффер // Католическая энциклопедия. М., 2002.
12. Гуревич 2006 — Гуревич П. С. Этика. М., 2006.
13. Гусейнов, Ирлитц 1987 — Гомер. Одиссея. М., 1994. Гусейнов А. А. Ирлитц Г. Краткая история этики. М., 1987.
14. Длугач 2001 — Длугач Т. Б. «Об общественном договоре» // Этика. Э. С. М., 2001.
15. Зорькин 2019 — Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права. // Вопросы философии, № 1. 2019.
16. Йегер 2001 — Йегер В. Пайдейя. Т. 1. Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. М., 2001.
17. Канке 2003 — Канке В. А. Этика ответственности. М., 2003.
18. Кант 1965 — Кант И. Сочинения в шести томах. Том 4, часть 2. М., 1965.
19. Кант 2005 — Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
20. Кузанский 1979 — Кузанский Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1979.
21. Кучинский 1987 — Кучинский М. А. Человек моральный. М., 1987.
22. Любарский 1978 — Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978.
23. Материалисты Древней Греции 1995 — Материалисты Древней Греции: собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. М., 1995.
24. Мур 1999 — Мур Дж. Природа моральной философии. М., 1999.
25. Прокофьев 2001 — Прокофьев А. В. «Война всех против всех» // Этика. Э. С. М., 2001.
26. Прокофьев 2001 — Прокофьев А. В. Софисты // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001.
27. Прокофьев 2003 — Прокофьев А. В. Справедливость или преодоление человеческой природы // Этическая мысль, вып. 4. М., 2003.
28. Разин 2004 — Разин А. В. Этика. М., 2004.
29. Реале 1997 — Реале Дж. И Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997.
30. Роулз 1990 — Роулз Д. Теория справедливости // Этическая мысль 1990. М., 1990.
31. Саликов, Жаворонков 2019 — Саликов А. Н., Жаворонков А. Г. Философия Ханны Арентд в России // Вопросы философии. 2019. № 1.
32. Соловьёв 1996 — Соловьёв В. С. Оправдание добра. М., 1996.
33. Тихомиров 1997 — Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
34. Тойнби 1996 — Тойнби А. Постижение истории. М., 1996.
35. Тренчени-Вальдапфель 1956 — Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1956.
36. Трубецкой 1910 — Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 1910.
37. Фромм 1992 — Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
38. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
39. Хэзлит 2019 — Хэзлит Г. Основания морали. Москва-Челябинск, 2019.
40. Шохин 2006 — Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
41. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
42. Ambrosius Mediolanensis — Ambrosius Mediolanensis. De officiis ministrorum
43. Augustinus — Augustinus. De diuersis quaestionibus.
44. Clemens Alexandrinus 1960 — Clemens Alexandrinus Stromata \ Clemens Alexanrinus Stromata. Buch 1–6 hrsg O Stffhlin L Fruchtel. Berlin, 1960.
45. Clemens Romanus 2000 — Clemens Romanus. Epistula ad Corinthios // Clement de Rome. Epitre aux Corinthiens / ed. A. Jaubert. Paris: Cerf, 2000.

46. Friedrich Schiller 1790 — Schiller's sämtliche Werke in zwölf Band. 10 Band. Etwas über die erste Menschen Gessellschaft nach dem Leitfaden der mosaichen Urkunde, 1790.
47. Gregorius Nazianzenus — Gregorius Nazianzenus. Poemata moralia.
48. Lactantius 1973 — Lactantius. Diuinat Insitutiones 5, 15–16 //Lactance. Institutions divines/ ed. I. P. Monat. Paris: Cerf, 1973.
49. Mutzenbecher 1975 — Augustinus. De diuersis questionibus 31 // Aurelii Augustini Opera / ed. A. Mutzenbecher. Turnhout, 1975.
50. Osborn 1993 — Osborn E. The Emergense of Christian Theology. Cambridge. 1993.
51. Rawls 1971 — Rawls I. A. Theory of Justice. Cambridge (Mass), 1971.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М. В. Ломоносова

РОЛЬ ИМАМА РАББАНИ В НАКШБАНДИЙСКОМ ТАРИКАТЕ

ROLE OF IMAM RABBANI IN NAQSHBANDI TARIQA

M. Sadikhonov

Summary. This article provides a brief philosophical analysis of the study of ethics and cultural significance of the phenomenon of "tariqa". The historical significance of Imam Rabbani in the formation of the historical foundations of the Muslim religious and philosophical paradigm and culture is determined.

Keywords: tariqa, Islam, Murid, religion, path.

Саъдихонов Махрамхон Тураевич

Аспирант, Центр исламоведческих исследований
Академия Наук Республика Татарстан
ishonimahram@mail.ru

Аннотация. В данной статье проведен краткий философский анализ к вопросам исследования этики и культурного значения феномена «тариката». Определено историческое значение Имама Раббани в становлении исторических основ мусульманской религиозно-философской парадигмы и культуры.

Ключевые слова: тарикат, ислам, мюрид, религия, путь.

Введение

Актуальность исследования. Кризисные явления в обществе, процессы перехода к условиям рыночной экономики значительно повлияли не только на политическую, социальную, экономическую активность, но также, способствовали возрастанию воздействия на широкие слои общества, в том числе, на религиозное население. Такое воздействие создало предпосылки к переоценке отношений и взглядов на роль и место религии в жизни, создало условия, повлиявшие на усиление интереса к духовным ценностям общества вообще и к феномену ислама в частности. Несмотря на то, что ислам имеет более чем тысячелетнюю историю и входит в тройку самых распространенных религий мира, письменных источников, способных наиболее полно осветить феномен тариката, или перипетии жизненного пути Имама Раббани, в культурном религиозном пространстве, особенно на территории современной России явно недостаточно. В связи с чем, данные религиозно-философские и исторические феномены могут и должны быть подвергнуты тщательному исследованию в системных рамках исторического, философского, обществоведческого анализа.

Целью исследования является попытка осуществления краткого философского анализа особенностей появления, становления, социальной значимости, культовой сущности феномена тариката, определения путей развития тарикатов в религиозно-философских системных интерпретациях современного ислама. А также исследование роли и места в исламском религиозном пространстве правоведа ханафитского мазхаба Имама Раббани (Ахмада аль-Фаруки Сирхинди) в историческом контексте. Цель определяет содержание следующих задач:

- ◆ проанализировать культурологический, философский подходы к вопросам исследования этики и культурного значения феномена тариката;
- ◆ исследовать общественно-политическое значение тарикатов в религиозной жизни современного последователя ислама;
- ◆ определить историческое значение Имама Раббани в становлении исторических основ мусульманской религиозно-философской парадигмы и культуры.

Объектом исследования является феномен тариката, как объекта исламского мистицизма, а также его проявления в сущностных основах исламского религиозно-философского исторического контекста.

Предмет исследования: современное состояние и историческое значение тариката. Историческая и духовная значимость Имама Раббани в Накшбандийском тарикате.

Теоретическая разработанность. Исторические факты, а также современное состояние ислама, как направления мировой религии невозможно исследовать без обращения к темам шариата, тариката, суфизма и др. Тарикат, как религиозная идеология, был исследован в работах исследователей Востока, Запада и конечно в трудах отечественных ученых. Основными источниками исследования явились:

Коран, Сунна, Калам. В исследования сущностных свойств феномена тариката исследовались в трудах таких мыслителей, как: ал-Газали [1], Ибн Рушда [2], аш-Шахрастани [3], Ибн Араби [4] и др. Процессы эволюционного процесса тариката в религиозном мусульманском пространстве представлены работами П. Позднева [6], В.В. Бартольд [7]. Специфические осо-

бенности суфизма исследованы наиболее полно в работах В. А. Жуковского [8], Т. К. Ибрагимма [9]. Формы организации и пути развития мистических обществ отражены в работах А. А. Хисматулина [10], Дж. С. Тримингэма [11], Карла В. Эрнста [12]. Отдельно хочется отметить монументальную работу дагестанского ученого, А. К. Аликберова «Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаик»» [13], в которой наиболее полно отражен процесс исламизации, а также практики суфизма на территориях Северного Кавказа. Несмотря на многообразие научных трудов, проблемные вопросы сущности тариката, а также дальнейшие пути его развития являются категориями, требующими более глубокого научного исследования. Исторический путь Имама Раббани, особенно его роль в религиозном и культурном контексте представлен недостаточно полно и требует заполнения многочисленных неисследованных пробелов.

Методология исследования. В качестве основного методологического подхода в работе применены особенности религиозно-философского, исторического подходов. Исследование форм и состояний исламского мистицизма проведено в рамках методологических подходов к религиозной концепции.

Научная новизна: Проведено уточнение ключевых понятий мусульманского мистицизма. Исследована специфика становлений феномена тариката. Определены направления современного развития тариката. Выявлено историческое и духовное значение деяний Имама Раббани в Накшбандийском тарикате. Осуществлено введение в научный оборот ряда новых письменных источников к вопросам исследования тариката на иностранных языках.

Структура работы. Работа структурно включает в себя введение, три параграфа, заключения и библиографического списка.

Параграф 1. Шариат и тарикат

Прежде чем подходить к вопросам глубокого исследования в рамках философского — религиозного мировоззрения, необходимо осознание основных категорий мусульманского учения. Одними из важных, ключевых элементов в исламе являются понятия шариат и тарикат. Шариат переводится с арабского языка, как: «надлежащий путь». Представляя собой первую и самую основную ступень суфийской практики, шариат является согласующим звеном между традициями суфизма и идеологией ортодоксального ислама. В религиозно-правовом контексте шариат является интерпретацией мусульманских правовых и теологических аспектов, считающихся «вечными», поскольку установлены Богом. Шариат

представляет собой не просто религиозную категорию, но в первую очередь законы Аллаха и определяет порядок служения ему [6; с. 12]. Считается, что правила служения человечество получило через пророков, посланных им в строках Священного Писания. В самом широком понимании шариат это кодекс, обязательных правил, созданных для людей внешнего окружения и преследующих целью остановить любые проявления низменного «я». Включая в себя различные моральные и правовые элементы, шариат позволяет осуществлять коммуникативное взаимодействие между людьми в рамках исламской религиозной идеологии. Некоторые специалисты называют шариат «исламским правом», что позволяет говорить о нем, как о всеобъемлющей категории, охватывающей практически все сферы жизнедеятельности мусульман [7; с. 22]. Стоит отметить, что восприятие шариата невозможно без исследования феномена суфизма, сущность которого не является целью данной работы, и в её рамках будет упомянуто минимально. Суфизм представляет собой не просто направление исламской религиозной философии, но является системой, объединяющей три ступени «познания Творца», пройдя которые душа человека способна достичь Бога. Эти три, значимо важные для любого последователя ислама ступени называются шариат, тарикат и хакикат. В рамках этой религиозной мировоззренческой концепции, шариат интерпретируется как «уверенное знание», тарикат, как «полная уверенность», хакикат, как «истинная уверенность» [8; с. 27]. Исламская религиозная традиция приписывает Пророку Мухаммеду такие символические утверждения: «Шариат — это мои слова, тарикат — мои действия, хакикат — мои состояния». Шариат является обязательным для мусульманина, как в классической интерпретации ислама, так и в суфизме, другими словами, суфий не способен достичь второй ступени — тариката, не постигнув смыслы и глубину шариата [9; с. 20]. Многие исследователи отмечают, что постулаты шариата были определены еще в VII веке на базисной основе Корана и хадисов (текстов речей Пророка) и до настоящего времени, практически, остались в неизменном виде.

Тарикат, с арабского языка, буквально «путь, дорога», как метод духовного развития, представляет собой вторую ступень духовных практик суфизма. В рамках концепции суфизма, тарикат, раскрывается последователю, исключительно только после познания первой ступени, шариата. Сам адепт, находясь в системе этой эзотерической традиции, именуется термином «салак», что с арабского языка означает странник, поскольку он преодолевает путь к творцу. Если шариат, представлял подготовку к движению, то «тарикат» интерпретирует образ странствия, что позволяет ввести в систему этих категорий, образ стоянок на пути. Традиции суфизма, в зависимости от толкования, предусматривают различное количество таких стоянок. Концептуально, понимание психического

феномена «стоянки», лежит в субъективном описании адептом своего духовного, внутреннего состояния, поскольку для него данный феномен представляется в собственных ощущениях. Стоянки, в традиции ислама определены термином «макам» и в самом широком смысле являют собой духовное состояние адепта на сложной дороге к творцу. Такой взгляд позволяет говорить о тарикате, как о путеводителе духа находящегося в поисках Бога. Традиционно тарикаты подразделяются на три вида: Аяр, Абрар, Шуттар [15; с. 24]. Последователи концепции аяр, стремятся постигнуть духовного просветления через многочисленное совершение канонических молитв, намазов. Странники концепции абрар, стремятся осуществить полное духовное очищение окружающего общества. Приверженцы концепции шуттар, в своих духовных практиках используют широкое применение различных религиозных трансов. Изначально практики тариката носили, в значительной степени произвольный характер, но уже к концу XII века происходят заметные структурные изменения. В Хоросане, именно в этой части древнего Большого Ирана, по мнению многих исследователей ислама, образовался, а затем получил широкое распространение, институт «наставников» [16; с. 44]. Термин институт «силсила» буквально, означает ряд или цепь. Такой институт представлял собой генеалогическую последовательность видных исламских богословов, обретающих «божественную благодать» от предыдущего преемника [9; с. 8].

Системное изменение, в виде институтов «силсила», не только способствовало созданию иерархической системы центров обучения, но, также привело к созданию «суфийских братств», которые, традиционно сохранили историческое название «тарикат». Западная философско-религиозная традиция допускает применения термина «орден» в отношении братств тариката. Новые суфийские группы, получившие название «тарика-братство», в результате развития исламских религиозных традиций, к началу XIV века привели к появлению двенадцати основных братств. «Накшбандийский тарикат», являясь избранной дорогой к постижению Бога, относится к их числу.

Параграф 2. Накшбандийский тарикат

Появление феномена Накшбандийского тариката, в рамках суфийской религиозной идеологии, специалисты соотносят с концом XIV века. Основоположником этой древней религиозной традиции является один из известных исламских деятелей Бахаудин Накшбанди (Шейх Накшбанда, захоронен в мавзолее на территории современной Бухары). Звенья «духовной цепи» преемственности тариката восходят как к Абу Бакру ас — Сиддику так и к Али ибн Абу Талибу [17; с. 42]. Адепты тариката отличаются стремлением к восприятию внутреннего

«я» практикуя отказ от мирского образа жизни. Исторические письменные артефакты позволяют говорить о наличии в его основе суфийских корней. Основатель Накшбанди, решительно выступая против накопления какого — либо богатства последователями, проповедовал, что божественные благодати не могут быть переданы от шейха, но даруются исключительно Всевышним. Другой особенностью Накшбандийского тариката является скрытый от посторонних глаз, бессчётное количество раз повторяемый «зикр». Этот суфийский термин означает: поминание, то есть поминание Бога. Такой «зикр» в рамках философско-религиозной концепции Накшбандийского тариката олицетворяет собой внутреннюю молитву Всевышнему, выполняемую от сердца [10; с. 124]. Другими словами, такая молитва интерпретируется в традиционном мусульманском восприятии, как прямое обращение души к Богу. Громкое прочтение молитвы, в контексте накшбандийской традиции не допускается, поскольку не имеет высокой религиозной значимости. Такая особенность в отправлении обряда молитвы характерна тарикату и находится в рамках концепции, не позволяющей адептам выставлять напоказ уровень своей личной религиозности и, также, не допускает применение музыки при проведении публичных собраний.

Классическая трактовка основных концептов учения накшбандийцев предусматривает несколько «остановок» или «макам», специалисты, в переводе с персидского языка, называют их «основами»:

1. «Вукуф — и замани», остановка времени, учит адепта (салика) контролировать свое состояние в каждое мгновение. Предусматривает благодарение Бога, прошение о прощении. Цель — достижение радости и покоя, «хал».
2. «Вукуф — и адади», ведение исчисления. Предусматривает ведение счета во время «зикра». Главное в этой «основе» качество произнесенных молитв. Цель — концентрирование внимания.
3. «Вукуф — и кальби», неподвижность сердца. Исполняющий священный «зикр» адепт, думая о Боге не пускает в свои мысли ничего постороннего, направляя молитву «прямо в сердце».
4. «Хуш дар — дам», ум в дыхании. Концепт призван сохранить присутствие Бога в каждом цикле вдоха и выдоха адепта.
5. «Назар дар-кадам», взгляд на шаг. Восприятие концепта предусматривает концентрацию взгляда, недопущение отвлечения адепта на мирские объекты.
6. «Сафар дар-ватан», путешествие по Родине, призвано освободить «салика» от негативных свойств характера. Символизирует путь к истинной Родине, или путь ищущего своего наставника.

7. «Халват дар-анджуман», одиночество в толпе. Состояние достигается при полном погружении «салика» во внутреннее пространство «зикра». Даже находясь в скоплении большого числа людей, адепт не слышит ничего, кроме поминания Бога.
8. «Яд — кард», поминание Бога языком вместе с сердцем. Означает выполнение словесного «зикра» адептом, достигшим «мура-каба», то есть (максимального контроля внутреннего мира, а также, наблюдение, концентрация внимания).
9. «Баз-гашт», возвращение. Предусматривает прочтение «зикра» с мыслями только о Боге.
10. «Нигах-дашт», сохранение. Защита сердца адепта от проникновения посторонних ощущений.
11. «Яд-дашт», вспоминовение. Максимальное состояние духовной практики предусматривает пребывание адепта в состоянии «хузур» (потеря самого себя в присутствии Бога) и степени «шухуд» [12; с. 54].

Сложная структура суфийского классического пути проводит человека по ступеням познания Бога. Высшая ступень открывает сердце человека Богу. Начинаясь от простого чтения молитвы, продолжаясь в правильном контроле дыхания и распределения времени, такая система призвана достичь такого состояния, когда суфий, растворившись духовно в Боге (фана), мог получить божественную благодать и мудрость (баракат). Тарикат Накшбанди имеет широкую популярность в Средней Азии, а также, на бывших территориях Османского халифата (или Оттоманской империи), в Индии, части территории современного Пакистана [11; с. 73]. В современной России на территории Поволжья и Северного Кавказа.

Параграф 3. Накшбандия муджаддида

Одной из самых организованных суфийских групп являются группы накшбандийской линии. Такая организованная система, сформированная с середины XV века, имеет жесткую «пирамидальную» структуру. Все члены региональной группы тариката, как правило, признают руководство старшего и наиболее опытного шейха (шайх-и пейшва, или — пир — и аввал). Концептуальной особенностью накшбандийской линии является допущение ее адептов к контакту со светской властью, что обусловило способность не только вести активную политическую деятельность, но, также осуществить защиту интересов своих последователей. Такая важная особенность тариката, способствовала сохранению его духовной практики спустя многие столетия, несмотря на тяжелые и суровые испытания, пройденные его адептами и ставшая для них образом жизни. Известный религиозный деятель, 24-е духовное звено в золотой цепи пре-

емственности шейхов Накшбандийского тариката Имам Раббани, отмечал, что духовное совершенство Накшбандийского пути намного превосходит любые другие связи, поскольку адепты тариката в самом начале своего сложного пути наделяются божественным благом достижения Всевышнего. Имя Имама Раббани достаточно известно в религиозном мире Ислама. Именно он считается основателем нового ответвления Накшбандийского тариката — муджадидия. Термин муджадид достаточно специфичен и обозначает человека, который является посредником для «файза» (божественного милосердия), а также «бараката» (благодаяние). Религиозная суфийская традиция, с опорой на хадис пророка Мухаммада, утверждает, что каждые сто лет среди мусульман должны появляться люди, способные вернуть «сбившихся с праведного пути» к духовным истокам, обновить Ислам. Эти люди и есть муджадиды. Они способствуют сохранению духовных корней Ислама в их первоизданном виде, в таком, в каком ниспослал Всевышний своему Посланнику — Мухаммаду. Имам Раббани к 17 году своей жизни уже был шейхом двух, достаточно многочисленных тарикатов: Кадирия и Чиштия. Немного позднее он был признан шейхом тариката Сухравардия. Постигая духовные истины и достигнув ступени «Кутбул авс» Имам Раббани в 1608 году основывает братство муджадидия — ветви Накшбандия. Основываясь на социальной активности в союзе с этнической терпимостью, адепты накшбандии муджадидии быстро набрали популярность, приведя свой орден к положению одного из ведущих тарикатов Индии, что способствовало глубокому проникновению не только в духовную сферу, но и в социально-политическую область индо-мусульманского общества. Имя Имама Раббани или «Муджаддад алф ас — сани» — «Обновитель Ислама второго тысячелетия» стало нарицательным [5; с. 14]. И это совершенно не случайно. Являясь мастером духовных мусульманских практик, Имам Раббани не только систематизировал древние религиозные знания, но также сохранил их. Свидетельством тому может быть священный ритуал «зикр», который дошел до настоящего времени, практически в неизменном виде [5; с. 15]. Хочется отметить, что, в рамках данной работы осуществить полное описание возрожденного священного ритуала «зикр» в накшбандийской традиции довольно сложно, что оставляет возможность проведения дальнейшего научного поиска в рамках философии религии. Великий духовный лидер Накшбандии муджадидии покинул этот мир в 1624 г. в возрасте 63 года, навечно вписав свое имя в золотой цепи преемственности шейхов Накшбандийского тариката. Был захоронен в селе Сарханд, именно там, где он и родился.

Заключение

Современная Россия, как и большинство развитых стран, подвергнута негативному кризисному воздей-

ствию не только в экономической области, но и в широком спектре всех общественных сфер жизни общества. Следствием этих причин, является возникновение условий к появлению и распространению религиозной идеологии, а также, рост влияния религиозных обществ, увеличение числа их последователей. Стоит отметить, что феномен «тариката», его религиозно-философские постулаты, получили свое распространение и на территории современной России. Многие специалисты, несмотря на заметное распространение «тариката» в республиках Северного Кавказа, таких как, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, определяют местом его появления и дальнейшего распространения, в основном, территорию современного Дагестана [13; с. 82]. Одним из факторов появления такого феномена, являются тенденции возрастания интереса к мусульманской религии во всем мире. Повышение интереса к Исламу, особенно в последнее десятилетие, многие исследователи объясняют уровнем проникновения в общество массовой информации. Наравне с повышением интереса к религии, средства доставки информации способны создавать условия для искажения информации

и появлению случаев ее замены формами социального мифотворчества. Искаженная, а часто недостоверная информация способна привести к негативному отношению не только к самим последователям исламской религии, но и, собственно, к Исламу. Важность понимания духовных истоков последователей Ислама в современных условиях, обуславливает значимость подобных исследований. В данной статье проведен краткий философский анализ к вопросам исследования этики и культурного значения феномена «тариката». Определено историческое значение Имама Раббани в становлении исторических основ мусульманской религиозно-философской парадигмы и культуры. В заключении данной статьи хочется отметить, что отечественные последователи этого древнего духовного феномена, каким, безусловно является «Накшбандийский тарикат», бережно оберегают религиозные традиции своих шейхов и их последователей. Редкие письменные артефакты старинной вайнахской летописи, найденные на территории Дагестана и Чечни, до сих пор являются недостаточно исследованными, что оставляет широкий простор для научных изысканий в различных областях современной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газали Абу Хамид, Воскрешение наук о вере. Избранные главы. М., 1980 г.
2. Ибн Рушд. Рассуждения, выносящие решение относительно связи религии и философии // Сагадеев А. В. Ибн Рушд.-М., 1973.
3. аш-Шахрастани, Мухаммад ибн Абд ал — Карим. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Ислам. — М., 1984.
4. Ибн Араби. Геммы мудрости. Пер. А. В. Смирнова // Смирнов А. В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби. — М., 1993; Его же: Наставление ищущему Бога. Введение, пер. и коммент. А. Смирнова // Средневековая арабская философия. Проблемы и решения. — М., 1998.
5. «Обновитель тысячелетия» Издательство «Иман» Казань — 1426/2006.
6. Позднее П. Дервиши в мусульманском мире. — Оренбург, 1886.
7. Бартольд В. В. Мистицизм в исламе. — М., 1960.
8. Жуковский В. А. Человек и познание у персидских мистиков. — СПб., 1895.
9. Ибрагим Т. К. Философские концепции суфизма (обзор) // Классический ислам: традиционные науки и философия. * М., 1988; Его же: Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток-Залл., М., 1991; Его же: Вуджудизм как пантеизм // Средневековая арабская философия. Проблемы и решения4 — М., 1998.
10. Хисматулин А. А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства накшбандийа) — СПб., 1996.
11. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. — М., 2002
12. Карл В. Эрнст. Суфизм. Пер. с англ. Горькавого А. — М., 2002.
13. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI-XII), М., 2003.
14. Бертельс Е. Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1965.
15. Али — заде А. А. Тарикат // Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с. — (Золотой фонд исламской мысли).
16. Kabbani M. H. The Naqshbandi Sufi Way: History and Guidebook of the Saints of the Golden Chain. — Chicago, 1995.
17. Roy O. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. — London: Hurst & Company, 2004.

© Саъдионов Махрамхон Тураевич (ishonimahram@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕВГЕНИКИ

THE VALUE OF HUMAN LIFE IN TERMS OF EUGENICS

T. Tagunova

Summary. The conflict between the desire to improve human population (an individual or the human race as a whole) and the consequent risk of dehumanization, as a result of which human life, on the contrary, loses its value. As a utopian social project, eugenics is a rather dangerous theoretical basis, the implementation of which may lead to irreparable consequences, as the experience of Nazi Germany has shown.

The purpose of this article is to contribute to the substantiation of the hypothesis about the incompatibility of attention to human individuality and its inherent value with the desire to make the human race perfect. The author demonstrates the continuity between racially-oriented fascist concepts, radical Bolshevism, as well as modern transhumanism, and the basic ideas of eugenics. However, the author reaches the conclusion that transhumanism is more humane and promising than completely failed eugenic projects and that the issue of transhumanism relevance to modern biopolitical trends remains open.

Keywords: utopia, eugenics, transhumanism, genetics, life, selection, natural selection, artificial selection.

Тайгунова Татьяна Викторовна

Аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
ped_otdel@list.ru

Аннотация. Коллизия между желанием усовершенствовать человека (индивида или человеческий род в целом) и риском сопутствующей этому проекту дегуманизации, в результате которой человеческая жизнь, наоборот, обесценивается. Евгеника как утопический социальный проект представляет собой довольно опасный теоретический базис, воплощение которого в жизнь может привести к непоправимым последствиям, как показал, в частности, опыт нацистской Германии.

Цель данной статьи: внести вклад в обоснование гипотезы о несовместимости внимания к человеческой индивидуальности и ее самоценности со стремлением сделать человеческий род совершенным. Автор демонстрирует преемственность расово-ориентированных фашистских концепций, радикального большевизма, а также современного трансгуманизма основным идеям евгеники. Тем не менее, автор приходит к выводу о большей человечности и перспективности трансгуманизма по сравнению с полностью провалившимися евгеническими проектами и об открытости вопроса о релевантности трансгуманизма современным биополитическим тенденциям.

Ключевые слова: утопия, евгеника, трансгуманизм, генетика, жизнь, селекция, естественный отбор, искусственный отбор.

Современная аксиология, подробно изучающая ценностные ориентации человечества, самой важной и незыблемой ценностью полагает человеческую жизнь. Действительно, жизнь — это дар, тот сравнительно небольшой промежуток времени, который дается в распоряжение каждому человеческому существу, ценен сам по себе, абсолютным образом. Однако современность, благодаря стремлению всё улучшить и усовершенствовать, несколько изменила эту «абсолютность» ценности человеческой жизни. С появлением евгеники — дисциплины, занимающейся попытками совершенствования человеческого вида посредством методичного вмешательства в естественный ход рождения и развития каждого индивида, в частности, незыблемость ценности людской жизни пошатнулась. Откуда же произрастают ее корни? Так ли внезапно она возникла и что представляет собой ее благое, на первый взгляд, намерение — сделать людей совершенными?

Задачей данного исследования является попытка ответить на вопрос: не является ли евгеника сегодня не чем иным, как одним из направлений трансгуманизма, или же, возможно, трансгуманизм — это произво-

дная форма евгеники? Ведь с появлением таких наук, как генетика, биоэтика, геномика она (евгеника) как бы растворилась в них, потеряв индивидуальность, четкость рамок. По мнению генетика С.М. Гершензона, «Сейчас евгеника — это прошлое, притом сильно запятнанное. А цели, поставленные перед евгеникой ее основателями и ею не достигнутые, перешли полностью в ведение медицинской генетики, быстро и успешно продвигающейся вперед» [4].

Для исследования вопроса автор применяет контент-анализ, а также опирается на работы представителей различных традиций и эпох. В рамках статьи предлагается обратиться к работам таких мыслителей, как: Платон, Аристотель, Ч. Дарвин, Ф. Гальтон, И. Мечников, В. Бехтерев, С. Гершензон, П. Тищенко, В. Аргонов, С. Хоружий, Е. Сакирко, Ю. Хен и т.д.

Оформление евгеники в самостоятельное учение произошло во второй половине XIX века, когда Ф. Гальтон выпустил в 1865 году труд «Наследственный талант и характер». В 1869 году в свет вышла его новая работа «Охрана и улучшение наследственных качеств челове-

ка», а в 1883 году мыслитель впервые ввел термин «евгеника». Расцвет учения в США, Европе и России пришелся на первые десятилетия XX века, получив поддержку, в том числе, на законодательных уровнях. Благодаря политике нацистской Германии (1933–1945 гг.), репутация учения была изрядно подмочена, хотя, по факту, из всех программ третьего рейха истинно евгенической можно назвать лишь «Лебенсборн». В рамках которой происходило не только зачатие детей от членов СС и их воспитание в спецучреждениях, но и охота на «способных к немечиванию» детей с захваченных восточных территорий [5, с. 448].

Очевидно, что изначально евгеника была совершенно самостоятельной наукой, имеющей конкретную целью улучшение человеческого рода посредством селекции. С этической точки зрения евгеника берет своё начало в самой Античности. Платон, сотворивший утопию о Государстве, положил начало многовековым размышлениям о том, как улучшить человека самого по себе, а не только изменить и довести до совершенства государственный строй. На страницах «Государства» говорится о том, что размножаться нужно позволять только людям образованным, сильным умом и телом, о том, что количество граждан государства должно составлять 5040 человек, а возраст мужчин и женщин, имеющих право зачать детей, четко регламентирован: «Женщина пусть рождает государству, начиная с двадцати лет и до сорока, а мужчина — после того, как у него пройдет наилучшее время для бега: начиная с этих пор, пусть производит он государству потомство вплоть до пятидесяти лет» [11, с. 207]. Правда, трактат написан в форме диалогов, и нам остается лишь предполагать, какой именно точки зрения придерживался сам Платон, так как нигде напрямую нет выражения его личного отношения к поставленным проблемам. Не будем забывать о том, что в Античности в принципе царили нравы, когда, например, детоубийство лишних детей в младенчестве не только не считалось преступлением, но и чем-то зазорным. Т. е. особой ценностью индивидуальная человеческая жизнь в Древней Греции не наделялась. В «Государстве» присутствуют доводы, которые могут показаться современному человеку весьма циничными, о правильности поддержки существования и размножения только тех, кто сможет стать достойным оплотом Государству в будущем. «... они должны особенно стараться, чтобы ни один младенец не появился на свет, а если уж они будут вынуждены к этому обстоятельствами и ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы не пришлось его выращивать» [11, с. 208]. Возможно, здесь можно частично провести некую параллель с селекцией животных, так как факт, что Платон пишет о том, что все дети должны быть общими, дабы каждый из них добивался успехов только согласно своим заслугам и талантам, скорее говорит о невозможности к приравниванию челове-

ческой селекции к животной [11, с. 202]. Необходимо отметить, что Аристотель также склонялся к мнению о том, государство должно прилагать все усилия для создания условий, в которых будут размножаться именно представители высших типов [2]. Утопическая идея Платона нашла свое прямое отражение в известной антиутопии Е. Замятина «Мы» более двух тысяч лет спустя: Замятин описывал «любовь по розовым билетам», разрешенную только в определенные дни, с определенным партнером и после информирования соответствующих госструктур о намерении совершить акт размножения.

Евгеника, тем не менее, оформилась в самостоятельную дисциплину, которой весьма спорно некогда даже был присужден статус научной, хотя, по сути своей, она являлась и является не более чем утопией. Евгенисты поднимали, на самом деле, философские вопросы, которые основывались на не более чем предположении. Например, основатель современной евгеники Фрэнсис Гальтон говорил о том, что человечеству грозит вырождение, поскольку в его время было сделано революционное открытие о наследовании шизофрении через несколько поколений. Он сделал вывод о том, что так или иначе некоторые люди будут рождаться больными шизофренией, что неизбежно, и воспроизводить потомство, передавая болезнь из поколения в поколение. Поэтому, считал он, только евгеника (то есть селективное вмешательство в размножение и отслеживание того, чтобы «носители» не передавали заведомо «бракованную» генетическую информацию) может стать спасением человечества. Он же говорил о том, что на таланты человека влияет его наследственность, поэтому если талантливые люди будут создавать пары, велика вероятность того, что рано или поздно мир будет населен совершенными людьми. «Ввиду исключительной важности этой части программы приведем слова самого Гальтона: «[понадобятся] сертификаты, т.е. удостоверения или свидетельства, возможные в будущем, об евгенической доброкачественности данного лица, иначе говоря, исследование человека на предмет пригодности его к производству хорошего потомства и выдача ему соответственного удостоверения» [7, с. 56]. Сам Гальтон прекрасно понимал, что все это, скорее, красивая теория, неприменимая в практической жизни. Чтобы ее реализовать, нужно было вмешаться в самую суть человеческой жизни и лишить человека права на личную свободу в том понимании, в каком оно присуще сознанию современного человека — права на приватность, на свободу выбора партнера, на добровольное размножение или отказ от него. По сути, Гальтон и его современники создали «теорию-оборотня»: благородные намерения обернулись кошмаром, когда в нацистской Германии попытки подобной селекции, истолкованные превратно, породили геноцид — стремление улучшить род человеческий во имя лучшей жизни, приведшее

к массовому уничтожению людей. Вопросы о ценности жизни, таким образом, не поднимались. Теоретически ценными «кадрами» оказывались те, кто мог принести пользу государству, «отбракованные» же принудительно уничтожались. Евгеника, таким образом, явилась более чем лицемерной дисциплиной, ведь во имя процветающей и лучшей жизни должны были отдать свою жизнь те, кто по каким-либо причинам не подходил под стандарт. По сути, мир столкнулся с подобным устрашающим переходом «от слов к делу» только потому, что биогенные технологии и способность мыслить в этом направлении заметно опережают темпы нравственного развития современного человечества. Если бы не только наука, но и ценностные ориентации развивались пропорционально и соразмерно друг другу, вероятность антисоциального применения «теорий с благими намерениями» была бы существенно ниже. Разве был бы возможен геноцид в нацистской Германии, если бы ценность человеческой жизни была утверждена так же четко, как провозглашение интересов государства и средств их реализации? Безусловно, нет, поскольку одно непременно шло бы вразрез с другим, и реализация этого плана казалась бы нелогичной по своей сути.

Какими бы благородными ни были цели евгенистов, неизбежно возникает ряд этических противоречий, намекающий на то, что теория не имеет никакого морального права на реализацию. «Уже на первом этапе своей истории научная евгеника столкнулась с тремя, щепетильными вопросами:

1. Каково содержание той идеальной модели человека, которую подразумевают сторонники евгеники;
2. Кем должен быть тот «селекционер», который будет проводить в жизнь, практически осуществлять «евгенический проект»;
3. Какова должна быть судьба «отбракованного человеческого материала» — еще нерожденных или новорожденных детей, а может быть, вообще — и детей и взрослых» [7, с. 58].

Где тот самый идеал, к которому стремится человечество? Идеал человека и общества всегда находится в прямой зависимости от господствующей парадигмы. Более того, мир меняется настолько быстро, что пока человечество стремится к одному идеалу (конечно же, его не достигая), создаются другие. Условно говоря, как только «селекционеры» добьются того, что размножаться будут только талантливые, физически здоровые, красивые люди, а затем и их потомство, идеалы поменяются. Придется выбирать людей, полностью соответствующих новым «стандартам». Остальных, вполне подходящих под предыдущие, но не соответствующих новым, «отбраковывать». Возможно ли при таких условиях поднять вопрос о ценности человеческой жизни? Конечно, нет,

потому что есть некий наивысший интерес, а жизнь отдельного человека либо является средством движения к нему, либо прерывается за ненадобностью. Более того, представления об «идеальности» человеческого существа находятся еще со времен Платона в прямой зависимости от представлений об идеальном государственном устройстве, что уже говорит об их неустойчивости. Конечной целью, так или иначе, является манипулирование людьми, а значит, низведение ценности их жизни к нулю. Общество, в понимании евгенистов, по определению должно быть разделено на «селекционеров» и «стадо», и принадлежность человека к «стаду» автоматически означает его бесправие. Чарльз Дарвин считал невозможным применять свое учение о естественном отборе к людям. Он настаивал на том, что специализируется только в области флоры и фауны, а человек — существо слишком сложное для помещения его в данную схему. Однако евгенисты не только поддержали теорию естественного отбора, но и создали собственную теорию искусственного отбора, ключевыми элементами которой воспользовались сторонники расовой теории нацистской Германии. В данном случае вопрос «А судьи кто?» так и остается риторическим. По какому праву одни могут быть «селекционерами», а другие не обладают правами вообще, так и остается загадкой. Поэтому вопрос о статусе научности евгеники так и остался открытым: ни эмпирической базы вследствие долговременности эксперимента и невозможности отследить результат, ни логичной теории у дисциплины нет. Есть лишь утопическая цель и на практике — зверские неэтичные методы её достижения.

В нашей стране у евгеники своя история развития. В Российской Империи, новые научные веяния поддержки не нашли. В самом деле, в конце XIX века в нашей стране не было должных условий для зарождения подобных идей. «Огромная, малонаселенная, аграрная, самодержавная, поликонфессиональная и многонациональная — как на уровне населения, так и на уровне правящих элит — страна не давала ни материала для изучения, ни восприимчивой аудитории для евгенических идей о биологическом вырождении, падении темпов рождаемости, расовом смешении, социальной деградации и перенаселении» [8, с. 26]. Евгенику по праву называли «звериной философией», порицали ее и не видели в ней никакого смысла [8, с. 28]. Ситуация в корне изменилась после революции. Изменения социально-экономических условий, полная их перестройка привела к тому, что людей нужно было сподвигнуть на некие жертвы и самоограничения, обратившись к теории о том, что все, что ни делается, направлено на благо государства будущего, в котором будет самая лучшая жизнь для лучших граждан. По сути, снова обратились к той же платоновской утопии, но в несколько смягченном варианте. Государство все же вмешивалось в обще-

ственную жизнь: был поднят вопрос о том, что бороться с венерическими заболеваниями необходимо при помощи истребления проституции (и тех, кто ею занимался, соответственно), но на бытовом уровне всё осталось, как было. Именно в то время, «предложили запрет на браки до 18 лет, а также на браки между близкими родственниками и психически больными. Они решили, что до регистрации брака, пара должна информировать друг друга о своих «историях болезни», особенно в отношении венерических, психических и туберкулезных заболеваний, и представить письменные показания по этому поводу в регистрирующий брак орган» [8, с. 35].

Советские мыслители были противниками «негативной евгеники» и отстаивали честь отечественных гениев, которые страдали врожденными заболеваниями (очень часто приводилось в пример то, что Ф.М. Достоевский был эпилептиком, и по логике евгенистов от него следовало избавиться еще до того, как он успел бы проявить свой писательский талант).

На взгляд автора, одними из первых трансгуманистов являются И.И. Мечников и В.М. Бехтерев (хотя в современном значении термин «трансгуманизм» применил Джулиан Хаксли лишь в 1927 году). Мечников, как и все трансгуманисты полагал, что старость — это «болезнь, которую нужно лечить, как всякую другую» [9, с. 13] и хотя он «не смерти был апологетом смерти, считая ее естественным жизненным финалом, но при всем при этом он писал, что человек должен жить гораздо дольше, будучи в хорошей физической форме, но, тем не менее, приходить к естественному концу (смерти). Преждевременное старение он считал следствием дисгармоний» [12, с. 710]. В.М. Бехтерев пошел еще дальше, считая одним из приоритетных направлений своих исследований вопрос бессмертия. «Он рассматривал проблему бессмертия человеческой личности, как научную проблему и считал, что смерти нет и это можно доказать логически. Бехтерев писал, что «...если нет бессмертия, то в жизни нет и морали» [3], [12, с. 710]. Сегодня вопросы преодоления старения и бессмертия не только не потеряли актуальности — ученые как никогда продвинулись в их решении. Достаточно упомянуть «теорию запрограммированной смерти клеток, основанной на работах Л. Хейфлика и А. Оловникова, а также первые успешные эксперименты по «обесмерчиванию» человеческих клеток «в пробирке». Существуют также гипотезы о генетических механизмах запрограммированной смерти многоклеточных организмов» [1, с. 31]. Другими вариантами решения вопросов являются: замена старых органов новыми, для чего необходима возможность применения органов животных или выращивания человеческих, «кибогизация, на начальном этапе предполагающая создание искусственных органов, а в дальнейшем радикальную перестройку организма» [1, с. 10].

На взгляд автора, направление трансгуманизм, столь популярное сегодня, является собой не что иное, как современную трансформацию евгеники. Ведь вся философия трансгуманизма направлена на улучшение и ускорение человеческого развития, с целью избавления его от страданий, болезней, старости и смерти. Евгеника изначально не предполагала таких заоблачных целей, ратуя за повышение качества человеческого рода, причем не столько в биологическом, сколько социальном плане. Разумеется, в евгенике шла речь о том, что здоровое потомство может быть только от здоровых родителей, интеллектуальные дети, только от интеллектуальных предков, а душевнобольные люди не должны иметь потомков, но в первую очередь, преследовалась задача избавиться от асоциальных элементов: сексуальных извращенцев, убийц, наркоманов, бродяг, проституток и т.д. Особого внимания заслуживает тот факт, что в США в начале XX века с легкостью кастрировали бедных из экономических соображений. Задачей учения было предотвратить рождение потомства у нежелательного населения. Трансгуманизм в силу научного и технического прогресса зашел куда дальше, ведь на его вооружении, та же генетика, компьютерные технологии, геномика, множество медицинских открытий, свершенных в последние годы, в т.ч. в области перинатальной медицины. Когда зародилась евгеника, ничего вышеперечисленного не было в природе, мыслители просто не располагали современными знаниями и технологиями. Генетика сегодня находится на службе трансгуманистов, стремящихся к динамизации научного процесса. Благодаря современным научным открытиям в медицине и генетике человечество успешно борется со старением, предотвращает рождение изначально неполноценных детей, помогает выжить тяжело больным людям, вести им практически полноценную жизнь, дает возможность бесплодным родителям на рождение детей, а также сохранить беременность при угрозе выкидыша. «Современная медицина позволяет забеременеть бесплодным женщинам и выжить нежизнеспособным младенцам. Социальные программы поддерживают многодетные семьи, способствуя выживанию всего неблагополучного потомства. И когда наступит «мир во всем мире», ничто не будет угрожать человеческой жизни (кроме несчастных случаев» [13, с. 82]. Опять же, самопроизвольный аборт — это, как правило, естественный процесс избавления природы от потенциального ребенка с генными мутациями. Является ли в данном случае принудительное сохранение беременности благом для человечества в целом?

Изначально, евгеника настаивала на том, чтобы неперспективные особи не размножались в принципе (речь не шла об истреблении уже имеющихся индивидуумов), современная же медицина помогает не отказываться от деторождения родителям, имеющим хро-

нические заболевания, передающиеся по наследству, а пройти соответствующие генетические обследования, предоставив шанс на рождение здорового потомства. Опять же, евгеника была направлена на оздоровление и улучшение людского рода посредством кастрации нежелательных особей, в число которых входили, в том числе, и люди не только с ментальными, но и соматическими расстройствами. Такие меры, разумеется, могли лишить (а скорее всего и лишали) человечество множества гениев, страдающих серьезными недугами, способных внести неоценимый вклад в развитие человечества. Благодаря современному отношению к жизни, недопустима принудительная кастрация, никто не вправе решать, кого и по каким параметрам необходимо лишить детородных функций. Более того, мир знает множество примеров, когда люди, имеющие набор тяжелейших недугов продолжают вести социально активную и общественно полезную жизнь. Сейчас создаются центры реабилитации людей с тяжелыми формами аутизма и другими наследственными особенностями, не только психическими, но и физическими.

На взгляд автора процесс перерождения евгеники в трансгуманизм закономерен и своевременен. Получив евгенисты в XIX веке возможность генетической диагностики, сколько великих творцов, ученых, писателей и деятелей искусств, возможно бы просто не были рождены на свет, в силу существующего на тот момент отношения к жизни конкретного человека как таковой. В наше же время, при отношении к жизни каждого человека как ценности, у таких особенных детей есть все шансы не только к рождению, но и полноценному существованию в социуме. Человечество настоящего стремится к тому, чтобы выжило как можно большее количество человеческих существ. Условно говоря, те, кто, по мнению евгенистов недавнего прошлого, был бы «отбракован» если не естественным, то искусственным образом, в настоящее время получают право на жизнь.

С точки зрения евгенистов недавнего прошлого современное общество идёт к провалу: право на общественную жизнь получают те, кто был бы бесправным в том идеальном государстве, которое они теоретически создавали. Более того, современная реальность толерантна к таким формам отношений, которые по определению не приводят к появлению потомства (гомосексу-

альные и трансгендерные семьи), что для государства и человечества в целом может означать приближение демографической катастрофы.

Скорее всего, в недалеком будущем потенциальным родителям будут доступны услуги по определению того, кем будет их будущий ребенок, в каком направлении ему развиваться, какими внешними и личностными качествами он будет обладать. «Но на этом пути тоже немало опасностей, которые, на мой взгляд, уже сейчас выглядят непреодолимыми. Ибо в каждом конкретном случае решение о судьбе ребёнка (не имеющего возможности воспрепятствовать выбору родителей) принимается частными лицами, которые могут оказаться недостаточно компетентными (в лучшем случае), а то и конкретно глупыми, или окажутся носителями каких-либо экзотических наклонностей» [13, с. 84]. Несомненно, явным различием евгеники и трансгуманизма является само отношение к человеческой жизни, если первая, преследуя цель общего блага человечества готова жертвовать отдельными индивидами (пусть даже еще не рожденными), то для второго учения жизнь каждого человека ценна сама по себе. Возможно, такие евгенические радикальные меры, как кастрация асоциальных или душевнобольных элементов действительно приведет к оздоровлению человечества в целом, но гуманно ли это? Кто из людей вправе взять на себя роль бога и вершить судьбы себе подобных? Трансгуманизм, напротив, стремится сохранить любую жизнь, причем, необязательно в первоначальном виде: «Киборг, Мутант, Клон — три версии Постчеловека, к каждой из которых, ведут определенные антропо-технологические практики, сегодня уже активно развиваемые (хотя не достигшие финальных плодов)...» [15, с. 22]. Не является ли это также противоестественно, или же это, напротив, естественный эволюционный процесс, когда жизнь переходит на новый уровень, трансформируясь в новые формы? А быть может, это верный путь к вымиранию человечества как вида? Однозначно можно сказать только с этической точки зрения: сегодня ситуация значительно улучшилась в плане признания абсолюта человеческой жизни как ценности, правда, с риском того, что общество и государства будущего так и останутся далекими от утопических идеалов. Возможно ли совместить эту ценность с государственными и мировыми биополитическими интересами — вопрос по-прежнему открытый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргонов В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития? // Вопросы философии. 2008. № 12. — С. 22–38.
2. Аристотель. Политика; пер. с др.-гр. С. А. Жебелева. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с.
3. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/BEHTEREW/bessmertie.txt> (дата обращения 11.08.2017)

4. Бужиевская Т.И., Гершезон С. М. Евгеника: 100 лет спустя [Электронный ресурс]. — режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/HERSH.HTM> (дата обращения: 07.06.2019)
5. Бузикова В. Д. План «Ост» в действии // Вестник Московского государственного университета печати. — 2011. — с. 446–450
6. Загырдинова Ф. Б. Био: власть, политика, этика // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. — № 33 (287). Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. С. 39–43.
7. Иванюшкин А. Я, Лапин Ю. Е., Смирнов В. И. Евгеника: от утопии к науке. . . и от науки к утопии? // Российский Педиатрический Журнал. 2013. — № 2. — С. 55–59.
8. Кременцов Н. Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе; *Studies in the history of biology*. 2014. — Volume 6. — № 2. — С. 24–56.
9. Мечников И. И. Этюды о природе человека. Спб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с.
10. Минеев В. В. Социальные аспекты смерти: Философско-антропологический анализ. М.: Директ-Медиа, 2014. 473с.
11. Платон. Государство; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 448 с.
12. Тайгунова Т. В. Вечная жизнь — миф, или реальность? // Форум молодых ученых. 2017. — № 9 (13). — с. 705–715.
13. Хен Ю. В. Евгенические стратегии будущего: качественная демография или либеральная евгеника? // Гуманитарный вектор. 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 82–86.
14. Хен Ю. В. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины) // Философия науки и техники. 2005. — С. 243–260.
15. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. — № 2. — с. 10–31.

© Тайгунова Татьяна Викторовна (ped_otdel@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Красноярск

НАШИ АВТОРЫ

Aliokhin A. — Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg
termez59@mail.ru

Barinov V. — Graduate student, Ryazan State University named after S. A. Yesenin
sedriksakson@gmail.com

Butovskaya E. — Senior Lecturer, Moscow State Pedagogical University
eva27-07@mail.ru

Chetverikova A. — Chief specialist, JSC «Moscow regional power grid company»
alenachetverikova@yandex.ru

Elzesser A. — Lecturer, Pacific State Medical University (Vladivostok)
der_falter@mail.ru

Evdokimova E. — Senior lecturer, Armavir state pedagogical University»

Ginzburg D. — Lecturer, Open University of Humanities and Economics, Moscow
89160116111@mail.ru

Hou Yunlong — Teacher, Pedagogical University of Jiangxi, China
13707098756@163.com

Kadochnikova I. — Applicant, Chelyabinsk State University
irishechkadraga@mail.ru

Kadyshev A. — PhD of medical Sciences, PhD of theology, doctoral student of Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies in Moscow; dentist of ANO CCH of St. Alexey, Moscow
i8e2008@yandex.ru

Kalmatov R. — Doctor of medical sciences, professor, Osh State University
krkkmkc@gmail.com

Kapustina T. — Lecturer, Pacific State Medical University (Vladivostok)
12_archetypesplus@mail.ru

Komarova K. — Post-graduate student Pyatigorsk State University»
ksukom2@list.ru

Kondrateva K. — Herzen State Pedagogical University of Russia; National Medical Research Center of Oncology na N.N. Petrov, Saint-Petersburg
cris.condratiewa@yandex.ru

Kutkova I. — Graduate student, Moscow City Pedagogical University
kutkovai@mail.ru

Kuvaytsev S. — Graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnodar State Institute of Culture»
sergey-kuv@mail.ru

OUR AUTHORS

Mishin I. — Lecturer, State budgetary educational institution higher education of the Republic of Crimea “Crimean Engineering and Pedagogical University” (Simferopol)
skmax1@mail.ru

Osipova D. — Post-graduate student of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov
dasha.zagustina@mail.ru

Pirmatova A. — Lecturer, Osh State University
pirmatovaalina@gmail.com

Sadikhonov M. — Graduate student, Center for Islamic studies Academy of Sciences Republic of Tatarstan
ishonimahram@mail.ru

Savrey V. — PhD in philosophy, Lomonosov Moscow State University
vsvry@icloud.com

Shang Bofei — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Shangbofei@mail.ru

Sheriva N. — Lecturer, Osh State University

Sinyavin D. — Graduate student, Armavir State Pedagogical University
sinyavinds@gmail.com

Sizova I. — Lecturer, Chelyabinsk state University
sizova159@yandex.ru

Tagunova T. — Post-graduate student of the Krasnoyarsk state pedagogical University. V. P. Astafiev
ped_otdel@list.ru

Taradanov A. — Doctor of sociology, associate Professor, Chelyabinsk state University
taradanov@csu.ru

Tkachenko I. — Doctor of psychology, associate professor, Armavir State Pedagogical University
tkachenkoiv@mail.ru

Tsyngunov S. — Pacific State Medical University (Vladivostok)
sergeytsyngunovvl@gmail.com

Turusbekova A. — Candidate of medical sciences, docent, Osh State University
turusbekova.80@mail.ru

Voroncova J. — Graduate student, Moscow State Pedagogical University
jl.voroncova@gmail.com

Yermolaev V. — PhD, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University
evv21@mail.ru

Zheleznaya A. — Postgraduate student, MCU
Undina08@inbox.ru

Zhoroeva A. — Lecturer, Osh State University
lilinjoroeva@gmail.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

